

Handwritten signature

СКАНДИНАВСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

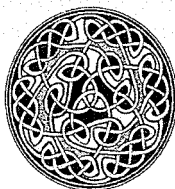
SCANDINAVICA

Издается с 1961 г.

VII

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК
К 75-ЛЕТИЮ В. П. БЕРКОВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Б. С. ЖАРОВА

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург 2004

ББК 81.2
С42

Скандинавская филология = Scandinavica. Вып. 7: К 75-летию
С42 В. П. Беркова / Межвуз. сб.; под ред. Б. С. Жарова. — СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. — 200 с.

ISBN 5-8465-0285-7

В сборнике (вып. 6 вышел в 1999 г.) рассматривается ряд проблем лексикологии, грамматики, звукового строя скандинавских языков в синхронии и диахронии. В него включены также статьи, посвященные вопросам истории скандинавской литературы.

Посвящается 75-летию профессора Валерия Павловича Беркова. Приводится библиография его работ, опубликованных в период 1999–2003 гг.

Для специалистов в области скандинавской филологии.

ББК 81.2

ISBN 5-8465-0285-7

© Коллектив авторов, 2004
© Б. С. Жаров, сост., 2004
© Филологический факультет СПбГУ, 2004
© С. В. Лебединский, оформление, 2004

Б. С. Жаров

К 75-ЛЕТИЮ ВАЛЕРИЯ ПАВЛОВИЧА БЕРКОВА

Профессор Валерий Павлович Берков, которому 11 августа 2004 г. исполняется 75 лет, является одним из наиболее известных в нашей стране и за рубежом специалистов в области скандинавской филологии и общего языкознания.

Почти шесть десятилетий его жизни связано с Ленинградским / Петербургским университетом. Длительное время он преподавал практический норвежский язык, затем главным стало чтение общих теоретических курсов и спецкурсов на скандинавских отделениях. Ряд лет он читал также курс введения в языкознание на восточном факультете. В 1972 г. Валерий Павлович организовал впервые в истории университета нидерландское (голландское) отделение и несколько лет читал теоретические курсы на нем. В 1978 г. Валерий Павлович возглавил кафедру скандинавской филологии, став преемником своего учителя Михаила Ивановича Стеблин-Каменского, и 19 лет руководил ею.

Интенсивно протекавшая все годы научная деятельность включает многие и очень разные направления. Валерий Павлович Берков — крупнейший теоретик и практик лексикографической науки. В 1962 г. он опубликовал Исландско-русский словарь, первый в истории словарь для этой пары языков. Заинтересовавшись теоретическими проблемами словарного дела, он написал много работ, которые вылились в докторскую диссертацию, защищенную в 1971 г. По материалам диссертации были опубликованы книги «Вопросы двуязычной лексикографии (Словник)» и «Слово в двуязычном словаре», во многом ставшие новым словом в лексикографической науке. Позже, опираясь на большой практический опыт и наблюдения над словарным делом, он изложил теоретические

основы составления словарей в книге «Двухязычная лексикография», ставшей первым — в мировой науке — учебником по этой отрасли языкознания. В настоящее время в печати находится второе, дополненное и расширенное издание книги.

На протяжении нескольких десятков лет Валерий Павлович один работал над созданием Русско-норвежского словаря, который был выпущен в Москве издательством «Русский язык» в 1987 г. объемом 176 авторских листов (переиздан в 1998 г. издательством «Живой язык»). За этот словарь Валерий Павлович получил 1-ю премию Минвуза страны. Расширенное издание словаря объемом более 200 авторских листов вышло в Норвегии в 1994 г. Идет подготовка к выпуску еще одного, также дополненного издания. Для одного человека это титанический труд. К тому же данный словарь во многих отношениях является новаторским, указывающим пути для будущих поколений составителей словарей.

В декабре 2003 г. в Осло состоялась презентация Большого норвежско-русского словаря объемом 250 авторских листов (1605 страниц!), который на протяжении многих лет создавался норвежско-российским коллективом под руководством Валерия Павловича. Им были определены принципы работы над словарем, написаны многочисленные части и отредактирован весь словарь, который уже получил очень высокую оценку первых рецензентов.

Помимо названных словарей Валерий Павлович выпустил несколько менее крупных: Русско-норвежский словарь крылатых слов, Русско-английский словарь крылатых слов (в соавторстве 3 издания), Русские фразеологизмы в картинках в переводе на датский, норвежский, шведский языки (в соавторстве), Большой словарь русских крылатых слов (в соавторстве). За цикл работ по лексикографии он был награжден 1-й премией СПбГУ.

Постоянная работа над словарным материалом дала Валерию Павловичу возможность осмысления процессов, происходящих в лексике. Результатом стали не только многие статьи по частным вопросам, но и книга «Норвежская лексикология», вышедшая на русском и норвежском языках.

Валерий Павлович по-прежнему интересуется вопросами грамматики. За кандидатской диссертацией «Залоговое значение возвратных форм в древнеисландском и современном норвежском языках» последовали статьи, посвященные изучению ряда вопросов грамматического строя скандинавских языков. Своего рода итогом стала контрастная норвежско-русская грамматика (Aktiv russisk grammatikk), вышедшая в Норвегии.

Валерий Павлович — германист широкого профиля. Он опубликовал книгу «Современные германские языки» (2 издания), где каждый из представленных языков описывается по единой схеме, а кроме того, чрезвычайно оригинально и убедительно сопоставляются отдельные аспекты и явления данных языков. Уже опубликован чешский перевод этой книги. Валерий Павлович является также одним из авторов учебника для вузов «Введение в германскую филологию», вышедшего несколькими изданиями.

На многочисленных научных конгрессах, конференциях и семинарах, как в России, так и за рубежом, Валерий Павлович выступал с докладами, которые вызывали живейший интерес аудитории. Он читал также лекции в многочисленных научных учреждениях и учебных заведениях Германии, Дании, Исландии, Нидерландов, Канады, Швеции, а также автономной части Дании — Фарерских островов. Десятками исчисляется количество сделанных докладов и прочитанных лекций в вузах Норвегии. К этому надо добавить лекции в норвежских вузах, высших народных школах и средних школах по истории России, ее современному положению. Он курирует также преподавание скандинавских языков в вузах Северо-Запада России, в частности в Петрозаводском университете. Читал лекции в Москве, Владивостоке, Твери, Кокчетаве, Кемерове и других городах России.

Одним из важных аспектов научной деятельности Валерия Павловича является руководство молодыми учеными, которые пишут диссертации по различным вопросам многих языков: шведского, норвежского, нидерландского, английского, болгарского. Восемнадцать из них уже защитились. Поражает разнообразие направлений и тем исследований (лексика, лексикография, грамматика, речь в патологии), что лишний раз свидетельствует о широких лингвистических интересах и глубоких знаниях руководителя диссертантов. Среди его учеников есть уже доктора филологических наук.

В своих интересах Валерий Павлович не ограничивается вопросом языка. У него есть работы, посвященные норвежской и исландской литературе. Он является одним из лучших специалистов по древнеисландской литературе. Был составителем двух антологий норвежской литературы.

Много сил Валерий Павлович уделяет переводческой деятельности. Им переведены произведения наиболее известных норвежских и современных исландских писателей, а также древнеисландская «Сага о Ньяле». Он является членом Союза писателей.

В 1988 г. Академия наук Норвегии избрала Валерия Павловича своим членом. На торжественной церемонии в Осло в присутствии короля Норвегии Улава V ему был вручен диплом члена Академии. В 1997 г. за работы о Норвегии, ее культуре, языке, словари и переводы произведений норвежской литературы на русский язык ему была присуждена Большая академическая премия (Akademikprisen).

За работы по фризскому языку в 1994 г. Валерий Павлович был избран в члены Фризской академии (Нидерланды). В январе 2004 г. Российская академия естественных наук избрала В. П. Беркова действительным членом Академии по секции «Российские энциклопедии».

Валерий Павлович Берков является кавалером орденов трех государств: он награжден российским орденом Дружбы, высшим норвежским орденом «За заслуги» I класса и высшим исландским орденом Сокола. Эти награды свидетельствуют о высокой оценке заслуг выдающегося лингвиста.

Многочисленные ученики, а также коллеги Валерия Павловича Беркова, работающие во многих странах мира, сердечно поздравляют его с юбилеем. Его большая творческая активность позволяет быть уверенным в том, что он еще сможет многое сделать.

В. П. Берков

ДВУАЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

(Прозанические соображения по выходе
Большого норвежско-русского словаря)¹

В литературе по теории двуязычной лексикографии нет недостатка в перечислении качеств, которыми должен обладать идеальный двуязычный словарь. Эти перечисления обычно предваряются или заключаются словами «словарь должен давать ответ на все возможные вопросы пользователя». На деле же, как всем прекрасно известно, даже самые большие словари нередко не дают ответа на различные вопросы пользователей. В этих заметках мы попытаемся проанализировать причины такого положения.

Словник

Естественно, одной из главных причин неполноты двуязычных (как, впрочем, и одноязычных) словарей является вынужденная ограниченность их объема. Она вызывается прежде всего практическими, земными моментами — коммерческими соображениями издательств (они руководствуются в первую очередь финансовой стороной, очень большие и потому дорогие словари далеко не всем доступны, и спрос на них ограничен), удобством для пользователя (однотомным словарем удобнее пользоваться, нежели пятитомным и даже двухтомным; многим очень большой словарь не нужен, они «тонут» в нем) и т. д. Это достаточно очевидно, и нет необходимости задерживаться на этом. Отметим

---

¹ *Stor norsk-russisk ordbok / Большой норвежско-русский словарь* / Отв. ред. В. Берков; ред. Х. Харальдссон, С. Коттум. Осло, 2003. 1605 с.

лишь, что эта неполнота проявляется прежде всего в словнике, но также и в словарной статье.

Конечно, пользователи часто предъявляют к обычному (т. е. не отраслевому, или не специальному) словарю завышенные требования. Например, сразу после выхода Большого норвежско-русского словаря (далее БНРС) один норвежский математик поставил авторскому коллективу в вину, что в статье Abel (1... норвежский математик... 2 *bib.* Авель) отсутствуют словосочетания *abelske ligninger* 'абелевские уравнения', *abelsk funksjon* 'абелевская функция' и др.; отметим попутно, что статьи Abel (с обоими значениями) вообще нет ни в одном из известных нам норвежско-иноязычных словарей.

Вторая причина того, что в словниках двуязычных словарей порой встречаются пропуски, объясняется тем, что их составители в подавляющем большинстве случаев используют словники толковых словарей (по возможности самых надежных и самых новых; такие словари, между прочим, есть не для всех языков), аналогичные двуязычные словари с тем же входным языком и, эвентуально, словари новых слов (они имеются далеко не для всех языков). Однако словари эти, естественно, тоже грешат пропусками — по разным причинам, из которых назовем лишь главную: слово (или одно из его значений) возникло относительно недавно и «не успело попасть» в словарь. Частотные словари в работе над двуязычными словарями используются, насколько мы знаем, редко, а, кроме того, при нынешнем уровне лингвостатистики они охватывают относительно небольшое количество единиц и в целом малонадежны.

Разумеется, возможны в толковых и двуязычных словарях и необъяснимые пропуски, вызванные «человеческим фактором», например утратой лексикографом внимания в какой-то момент работы. Так, в надежном Большом толковом словаре русского языка (СПб, 1998; 446 а. л.) отсутствуют статьи *заковыка* и *заковыристый*, стоящие рядом по алфавиту; видимо, последнее не случайно. Раньше, когда словари писались на карточках, бывали и такие прозаические происшествия, как потеря одной или даже нескольких карточек, что, кстати, при вычитке рукописи обнаружить довольно трудно.

Особенно часто не попадают в двуязычные словари, как, впрочем, и в одноязычные, слова разговорные, сниженные, жаргонные. Вернее, такие слова попадают в словари с запозданием, иногда довольно большим. Ограничимся несколькими простыми примерами. В упомянутом выше Большом толковом словаре русского языка в статье *пересечься* нет достаточно распространенного значения 'встретиться, оказаться в

одном месте' (*завтра мы с вами пересечемся в университете*). Нет в нем разговорных выражений *приехали* и *проехали*. В статье *запасть* не зарегистрировано недавно возникшее жаргонное выражение *запасть* (*на кого-л.*) 'увлечься кем-л., заинтересоваться кем-л.'

Последний пример приводит нас к вопросу о степени включения в обычный, даже большой, словарь (как двуязычный, так и толковый) жаргона и сленга. Как всем ясно, в этом текучем слое лексики помимо единиц широкоупотребительных есть и масса таких, которые обладают невысокой частотой, ограничены в своем употреблении определенным контингентом говорящих (чаще всего возрастным, но, конечно, не только им). Автору словаря часто сложно самому определить, насколько может быть оправдано включение той или иной сниженной единицы. Нередко он руководствуется крайне простым, но весьма субъективным критерием: «Я этой единицы не знаю, мне она представляется редкой, поэтому ее в словарь включать не следует».

В отношении сниженной лексики есть еще один существенный момент. Авторы словарей, как правило, люди умственного труда и притом обычно среднего или старшего возраста. Они, в основном, общаются с носителями сниженной речи мало и недостаточно хорошо владеют ею. По большей части их сведения о ней черпаются из разговоров со своими детьми или внуками, т. е. на уровне «от сына (внучки) я слышал(а) ...». Это им представляется достаточным для того, чтобы ничтоже сумняшеся вставить такую единицу в словарь. Нередко оказывается, что слово (словосочетание) это понято лексикографом лишь приблизительно, да и вообще оно не характерно для основного варианта сленга.

В известной мере знания живой речи в разных ее вариантах, включая сленг и жаргон, можно почерпнуть из современной массовой литературы, особенно детективной, довольно хорошо отражающей ее. Однако у серьезных лексикографов обычно нет времени на чтение такой литературы, да и далеко не все они любят этот жанр. А ведь автор двуязычного словаря должен, в принципе, быть хорошо знаком со сниженной лексикой не только своего родного языка, но и иностранного языка, в частности читать названную литературу на этом языке. Такое в лексикографической среде встречается нечасто.

Есть еще одна проблема, связанная со словником, на которую редко обращают внимание, — проблема «лишних слов». При вынужденной ограниченности объема двуязычного словаря, даже большого, единицы очень низкочастотные, используемые весьма редко, скорее всего, не будут, как сейчас говорят, востребованы пользователем. Зачастую они

неизвестны и самому автору словаря, но он включает их, поскольку они есть в других словарях, и он, не полагаясь на свои знания, опасается пропустить нечто, возможно, важное. Включение таких единиц в словарь, естественно, не оправдано.

Заданность объема словаря имеет еще одно следствие. Довольно часто к концу работы, в последний момент, обнаруживается, что рукопись словаря превышает, иногда значительно, договорный объем. Всем ясно, что сокращение рукописи корпуса — огромный дополнительный (и к тому же неоплачиваемый) труд. По этой причине сокращение общего объема словаря происходит за счет различных, порою крайне нужных, дополнений. Так, в самый последний момент из рукописи БНРС издательство «Kunnskapsforlaget» изъяло все графические иллюстрации, нашу «Активную грамматику русского языка» (написанную по-норвежски) и некоторые другие материалы.

Отсутствие информации, необходимой для работы

Автор двуязычного словаря порой сталкивается с проблемой недостаточной разработанности, т. е. отсутствием описаний тех или иных элементов языка. Это можно показать на примере русских конструкций, которые мы условно назовем *у нас есть...* / *у нас...* Остановимся на этом подробнее.

Указанные конструкции различаются по своим значениям, что хорошо чувствует каждый русский. Ниже будут приведены некоторые (далеко не все!) примеры, по соображениям места значение их описываться не будет. В случаях, когда возможно как употребление конструкции с *есть*, так и ее отсутствие, но с разными значениями, ставятся две косые черты. Примеры:

у нее голубые глаза; у стола три ноги; у этой машины автоматическая коробка передач // у этой машины есть кондиционер; у него хороший слух // у него есть (музыкальный) слух; у нее хорошее зрение; у меня температура; у сестры большое горе; у отца срочная работа / у отца теперь есть работа; тебя подвезти? — нет, спасибо, у меня (сегодня) машина // у меня есть машина; у него есть машина, но у них в семье две машины; у нее есть дети // она сейчас не работает: у нее грудной ребенок; у меня (есть) вопрос; у кого есть ключ от лаборатории? // у кого ключ от лаборатории?; в нашем доме однокомнатные квартиры // в нашем доме есть однокомнатные квартиры и т. д. и т. п.

Подчеркнем еще раз, что приведены иллюстрации только части значений этих конструкций. Но даже их достаточно для того, чтобы показать сложность решения этой частной проблемы. Мы сами занимались ею и должны признаться, что нам не удалось найти общих сжатых формулировок, которые бы объясняли все случаи глагольного и безглагольного употребления (и к тому же были инструктивны для пользователя словаря). Даже объяснение отдельных значений требует достаточно многословных формулировок (естественно, на иностранном языке).

Едва ли есть необходимость доказывать важность такой информации в словаре. Все мы сталкивались со случаями, когда иностранцы говорят: *у меня есть температура; я не тороплюсь; у меня время; она сейчас не работает; у нее есть грудной ребенок* и т. п.

Как уже сказано, мы специально занимались данным вопросом и описать результаты оказалось возможным лишь в статье среднего объема, притом в лингвистических терминах. Естественно, в двуязычном словаре это совершенно невозможно.

Другой пример отсутствия необходимой информации для автора двуязычного словаря — дистрибуция вариантов предлога *в/во*. В толковых словарях русского языка таких сведений мы не нашли. Между тем исчерпывающее описание этой дистрибуции требует много места, особенно если учитывать не только начала существительных или прилагательных, но и «идиоматические» случаи типа *во-первых* (ср.: *в-пятых*); *во имя* (ср.: *в имени*); *во исполнение* (ср.: *привести в исполнение*) и т. д. и т. п. Мы попытались описать такую дистрибуцию (хотя это не входит в задачи автора двуязычного словаря), и наше описание получилось довольно сложным и многословным.

Этим проблема не исчерпывается. Откуда автору русско-иноязычного словаря взять всю информацию такого рода? Занимаясь вопросом «конструкция с *есть* / конструкция без *есть*», мы, как сказано, не нашли в литературе нужного нам описания. Но даже если бы оно имелось, было бы утопией надеяться, что автор русско-иноязычного словаря станет ради этих конструкций копаться в лингвистической литературе в поисках такого описания. Строго говоря, это и не его задача: он, в принципе, должен иметь готовый исходный материал, и его задача — адекватная передача его на иностранном языке.

Далее автор двуязычного словаря, в общем, работает в условиях цейтнота и потому просто не может тратить много времени на такие частные вопросы. Но об этом ниже.

У проблемы *у нас... / у нас есть...* имеется еще одна важная принципиальная сторона. Если конструкции с *есть* можно поместить в опре-

деленную статью (*есть* или *быть*) то безглагольные конструкции, т. е. конструкции с нулевой морфемой, ни к какой статье «не привязать», а значит, ни в какую статью не поместить. Разумеется, обе конструкции целесообразно дать вместе, но формально конструкциям без *есть* не место в статье *есть*.

(Вообще включение в словарь конструкций с нулевыми морфемами — сложная лексикографическая проблема. Однако на ней мы здесь не имеем возможности останавливаться.)

В отношении конструкций *у нас... / у нас есть...* и сходных случаев возможно одно простое, хотя, видимо, и не оптимальное решение. Их можно приводить в словаре без лингвистического комментария, но с иллюстративными или «объяснительными» переводами, из которых пользователь сам извлечет необходимую информацию. Так, в переводном эквиваленте предложения *в нашем доме однокомнатные квартиры* указывается значение ‘только’ и т. п. При подобном решении, правда, на пользователя возлагается задача самому вывести нужные правила. Существует, конечно, опасение, что не все пользователи обладают достаточными индуктивными лингвистическими способностями.

Строгость описания значения

Автор двуязычного словаря сталкивается далее со следующей дилеммой. Значение ряда разрядов слов (предлогов, вспомогательных и модальных глаголов и т. д.) может быть адекватно описано только в лингвистических терминах. Однако словарем пользуются в основной своей массе нефилологи, которым эти термины неизвестны, и строгие научные формулировки могут быть им просто непонятны, не говоря уже о том, что такие строгие описания значений зачастую требуют много места.

Это же требование строгости научного изложения и построения статьи приходит не столь уж редко в противоречие с соображениями удобства пользования словарем. Это можно проиллюстрировать примером скандинавских многозначных глаголов (скажем, *slå*), употребляющихся также с приглагольными частицами (*slå an, slå av, slå bort, slå etter* и т. д.). С одной стороны, большая часть значений (иногда их довольно много) таких сочетаний глаголов с частицами (но не все!) при строго научном подходе должна быть разнесена по разным значениям глагола (без этих частиц), с другой — поиск сочетаний с частицами при таком построении статьи становится крайне трудоемким (статья *slå* в БНРС

занимает три страницы по три столбца плотного набора). Поэтому именно для удобства пользователя для большей обзорности сочетания с прилагательными частицами признано целесообразным выделять их в особую часть словарной статьи. Практическое требование минимализации времени поиска пользователем оказывается в таких случаях определяющим.

Фактор времени

В общем, каждый лексикограф работает в условиях цейтнота. Издательства по понятным причинам устанавливают автору / авторам словаря жесткие сроки: нам неизвестны словарные издательства, которые бы заключали договор, например, на десять лет. Зачастую сами издательства понимают нереалистичность договорного срока и пролонгируют договор, но сравнительно ненадолго. Нередко срок продлевается несколько раз.

Дамоклов меч срока сдачи висит над авторами и заставляет их работать быстро. Нередко автор рассуждает так: «Я не могу тратить целый час на эту небольшую статью» и делает ее без полной отдачи, в лучшем случае надеясь на ответственного редактора. На долю последнего, если он добросовестно относится к своей задаче, выпадает колоссальная работа: проверка полноты словника и пополнение его в необходимых случаях; контроль за структурой словарных статей, в частности за правильным членением значений и размещением иллюстративного и фразеологического материала; выверка правильности эквивалентов (одна из важнейших задач!), как с точки зрения их адекватности, так и с точки зрения стилистической; обширная техническая правка (шрифтовые выделения, знаки препинания, интервалы, правильное использование условных знаков и сокращений) и многое, многое другое.

Работая в качестве ответственного редактора над БНРС, рукопись которого (естественно, в виде компьютерных распечаток) составила около 5500 страниц, мы вносили в среднем по 50 исправлений, а также до 10 вставок на самоклеющихся листках на страницу. Сотни статей вообще не поддавались редактированию в распечатках, и мы сами полностью набирали новый вариант на компьютере. Всего, по нашей оценке, в рукопись БНРС нами внесено более четверти миллиона разного рода исправлений. За хороший полный рабочий день удавалось (правда, далеко не всегда) отредактировать около 12 страниц, иногда значительно

меньше. (Добавим, что нами написаны самые сложные статьи — предлоги, вспомогательные глаголы, местоимения, ряд многозначных глаголов и др.) Естественно, эта работа совершалась в условиях жесткого цейтнота.

Лексикографическая квалификация

За единичными исключениями, специализации «лексикография» нет в вузах большинства стран. Это означает, что на практике за лексикографическую работу берутся люди, не имеющие соответствующей подготовки и обучающиеся словарному делу в процессе работы.

Словарная работа, как и всякая другая, предъявляет к исполнителю ряд требований, из которых не последнее место занимают способности, о чем почему-то не принято говорить. Естественно, что в этой ситуации огромная роль принадлежит ответственному редактору (руководителю проекта). В частности, ему необходимо осуществить на начальном этапе работы обучение авторского коллектива началам двуязычной лексикографии, читать первые пробы авторской работы и вносить исправления, а в той мере, в которой ошибки имеют принципиальный характер, знакомить с правильными решениями других членов авторского коллектива. Такую практику мы осуществляли на начальном этапе работы над БНРС. Анализируя и суммируя обнаруженные у одного автора ошибки, мы составляли письма и рассылали их всем авторам.

Автор двуязычного словаря, как всем понятно, имеет дело с самым разнообразным материалом, нередко ему неизвестным, как на входном, так и на выходном языке словаря. В подавляющем большинстве своем лексикографы — филологи, и, разумеется, им не может не хватать знаний в разных областях — технике, науке, медицине, спорте и т. д. Обращаться к специалистам не у всех есть возможность и время. Чаще всего ответа ищут в других словарях, что не всегда эффективно и надежно; есть немало примеров того, как неточности перекочевывают из словаря в словарь.

Поскольку словари теперь в абсолютно преобладающем числе случаев делаются коллективами и статьи по буквам делятся между отдельными авторами, сказанное приводит помимо прочего к одному нежелательному эффекту, а именно — нарушению системности в словнике. Словник, в принципе, должен характеризоваться в низкочастотной своей части примерно одним «уровнем глубины». Если в качестве нижнего предела берутся, например, лексемы, характеризующиеся частотой $1 : 10^{-x}$, то нежелательно брать лексемы с частотой $1 : 10^{-y}$. И наоборот, лексемы с

первой из названных частот следует брать полно. (Конечно, при отсутствии надежных лингвостатистических данных делается это на уровне интуиции.) Системность проявляется в том, что если из какой-либо области берется одна единица, то следует брать и другие единицы того же частотного порядка. Несколько элементарных примеров. При наличии в словаре слова *карбюратор*, следует брать слово *инжектор* (современные автомашины обычно имеют инжекторы). Если включается название *Книга Бытия*, то должны быть включены и названия *Книга Исход... Книга Второзаконие*. Неправильно брать, например, из древнескандинавской мифологии имена богов *Один, Тор, Ньерд* и не брать *Локи, Фрейя* и др. К сожалению, при «побуквенной» работе членов коллектива такое встречается достаточно часто. Конечно, за систематичностью следит ответственный редактор, однако полагаться на это не следует.

В идеале нарушений систематичности можно избежать, если по отдельным областям лексики составлять особые списки. Среди различных списков, составленных для БНРС, назовем составленный нами список имен и слов, связанный с древнескандинавской культурой.

Владение обоими языками словаря

В идеале лексикограф должен в равной степени владеть обоими языками словаря — как своим родным, так и иностранным. Как всем очевидно, такое встречается крайне редко (и, отметим в скобках, не в среде лексикографов). Рассмотрим эти требования порознь.

Безупречное владение своим родным языком, к сожалению, вещь встречающаяся далеко не всегда. Каждый сталкивался с корявыми переводами художественной литературы, изобилующими стилистическими ошибками. Естественно, то же наблюдается в двуязычной лексикографии. Для иллюстрации приведем несколько примеров из первоначального варианта рукописи БНРС (у всех авторов этих переводов родной язык — русский!): *он зарделся как рак; он ввел машину задним ходом в стену; фильм поднял суматоху; им туго с деньгами; посмотреть боком на что-л.; меня чуть не хватил удар, услышав цену; он шибко задумался; предложение по бросовой цене; с быстрой скоростью; перелом лыж; юбка сморщилась* и т. д. и т. п.

Такие ошибки в двуязычном словаре особенно опасны, поскольку они потом тиражируются пользователями.

Что касается иностранного языка, то владение им на уровне языка родного (а также знание культуры коллектива, говорящего на этом языке)

встречается крайне редко. Не будем останавливаться на очевидных причинах такого положения, отметим лишь, что неполное знание иностранного языка характерно даже для многих лиц, проживших в чужой стране немало лет.

Особенно чувствуется это у лиц, не живших в другой стране в детские годы. Незнание детской литературы, фольклорных произведений, детских кинофильмов и др., с которыми знакомятся в раннем возрасте, — характерный пробел даже у тех взрослых, кто прекрасно владеет иностранным языком. Приведем несколько (из сотен, а скорее и тысяч) русских примеров таких разнообразных «детских лексических единиц»: *откуда — от верблюда; тянут-потянут, вытянуть не могут; в лесу родилась елочка...; раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять...; сорока-ворона кашу варила...; на дворе трава, на траве дрова; кто сидел на моем стуле и сдвинул его с места?; чего тебе надобно, старче?; что такое хорошо и что такое плохо; ну погоди; ни в сказке сказать, ни пером описать; мама мыла раму* и т. д. и т. п. Многие из этих примеров, как видно, приведены не полностью. Сюда же относятся «взрослые» популярные цитаты из литературных произведений, кинофильмов, рекламы и т. п., например: *с ним была плутовка такова; спой, светик, не стыдись; я пришел к тебе с приветом; не делайте из еды куклы; Восток — дело тонкое; надо, Федя, надо; ребята, давайте жить дружно; сладкая парочка* и т. п.

В этой связи позволим себе небольшое отступление. Уже много лет автор этой статьи высказывал устно и письменно мысль о необходимости издания пособий под условным названием «Строки, которые знает каждый русский (англичанин, немец, француз, чех и т. д.)». Такое пособие, предназначенное для иностранцев, изучающих соответствующий язык, должно включать те широко известные и употребительные цитаты, которые едва ли можно назвать крылатыми словами, поскольку для большинства последних характерна афористичность и глубина мысли. Речь идет, таким образом, не об антологии лучших образцов словесности, а о сборнике популярных цитат (в свое время мы назвали их простыми). Некоторые тексты (например, «Телефон» К. Чуковского) приводятся полностью, некоторые в выдержках. Впрочем, структура такого пособия — особая тема.

* * *

Были рассмотрены некоторые противоречия, связанные с работой в области двуязычной лексикографии. Мы постарались показать, что ряд объективных моментов не позволяет современным двуязычным слова-

рям соответствовать высоким лексикографическим идеалам. В сколько угодно хорошем, сделанном крайне добросовестно словаре всегда можно найти недостатки (многие пользователи с наслаждением выискивают пропуски, не вполне удачные переводы и пр.). Современный словарь фатально не может быть свободен от недостатков. На нынешнем этапе лексикография остается искусством возможного.

V. P. Berkov

TOSPRÅKLIG LEKSIKOGRAFI OG VIRKELIGHET
(PROSAISKE BETRAKTNINGER ETTER AT *STOR NORSK-RUSSISK*
ORDBOK-2003 ER KOMMET UT)

I artikkelen skrevet av ordbokens hovedredaktør gjøres det rede for hvorfor en aldri så stor tospråklig ordbok ikke kan gi svar på alle mulige spørsmål brukeren måtte ha. Blant de mange faktorene som forårsaker dette, nevnes følgende: lemmalisten har sine begrensninger; i en rekke tilfeller mangler ordboksforfatteren nødvendig informasjon; betydningen av noen lemmer (f.eks. preposisjoner) krever en strengt vitenskapelig beskrivelse som er alt for vanskelig for den jevne bruker; arbeidet med ordboken foregår under tidspress; noen leksikografer har utilstrekkelige kvalifikasjoner.

Leksikografien er fremdeles det muligens kunst.

Е. А. Гурова

К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ СТАТУСЕ ЭЛЕМЕНТА -FRI

Основными словообразовательными средствами датского языка являются основосложение и аффиксация. Как и в других германских языках, в датском многие суффиксы восходят к основам соответствующих лексем и первоначально употреблялись в качестве компонентов сложных слов. Процесс перехода из корневых морфем в аффиксальные наблюдается и на современном этапе развития датского языка.

Целью данной статьи является выявление словообразовательного статуса элемента -fri с помощью анализа внутренних и внешних валентностных свойств производных, содержащих данный элемент. Корпус проанализированных примеров насчитывает 600 словосочетаний, извлеченных из электронной базы данных korpus 2000¹, толкового словаря датского языка², Интернет-версии словаря правописания³, а также из стилистически разных текстов.

Прилагательное fri 'свободный' относится к среднедатскому периоду и восходит к нижненемецкому vri (нем. frei) 'дорогой, любимый'. Как и в других германских языках, в датском распространена словообразовательная модель со вторым элементом -fri. Ср.: англ. error-free, нем. fehlerfrei, дат. fejlfri, шв. felfri, норв. feilfri 'безошибочный'.

Традиционно данную модель относят к основосложению. Новый большой англо-русский словарь⁴ выделяет значение 'не содержащий

¹ <http://www.korpus.dsl.dk/korpus> 2000

² *Politikens Store Nye Nudansk Ordbog*. København, 1996.

³ *Retskrivningsordbogen på nettet*. 3. udgave / Dansk Sprognævn, 1996–2002 / <http://www.dsn.dk/cgi-bin/ordbog/ronet>

⁴ *Новый большой англо-русский словарь*: В 3 т. / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2001.

чего-либо', 'свободный от чего-либо' в сложных словах типа colour-free 'бесцветный', interest-free 'беспроцентный'. Шведские лексикографы⁵ и языковеды⁶ также склонны относить указанную модель к сложным словам: fläkfri 'незапятнанный', smärtfri 'безболезненный'. Датские лингвисты, такие как P. Skautrup⁷, Å. Hansen⁸, а также авторы Словаря датского языка⁹ тоже рассматривают элемент -fri как часть сложного прилагательного: brandfri 'огнеупорный', alkoholfri 'безалкогольный', bombefri 'без бомбежек'. Со второй половины XX в. новообразований с -fri становится больше. Сборники новых слов 1968–1969 гг.¹⁰ и 1970–1971 гг.¹¹ фиксируют увеличение продуктивности указанного элемента: værdifri 'неценный', bilfri 'без автомобилей', stoffri 'не принимающий наркотики'. В современной электронной базе данных корпус 2000 содержится около 100 частотных прилагательных со вторым элементом -fri, не зафиксированных ни толковым словарем, ни словарем правописания. Например, den klikfri hjemmeside 'интернет-страница, на которой переход от раздела к разделу не требует щелчка мышью'; den mobningsfri skole 'школа, в которой нет издевательств учеников друг над другом'; gensplejningsfri varer 'товары, не содержащие генномодифицированных продуктов'; et skodafrit område 'район, в котором нет машин марки «Шкода»'.

По-видимому, тот факт, что элемент -fri способен вступать в связь с основами различной семантики, а также то, что выражаемые им семантические категории оказываются ограниченными (элемент обозначает отсутствие признака), позволил авторам книги «Датский язык: Общая грамматика»¹², а также авторам Большого норвежско-русского словаря 2003 г.¹³ отнести элемент -fri к разряду суффиксов.

Однако, на наш взгляд, наличие формальной и семантической связи с опорной лексемой на современном этапе развития датского языка не позволяет рассматривать элемент -fri в качестве полноценного суффикса. Приведенные выше аргументы говорят скорее в пользу погранично-

⁵ Svensk Ordbok. Stockholm, 1986.

⁶ Thorell O. Svensk ordbildningslära. Stockholm, 1981. S. 45.

⁷ Skautrup P. Det danske sprogs historie. Bd. 4. København, 1968.

⁸ Hansen Å. Moderne dansk. København, 1967. S. 454.

⁹ Ordbog over det danske sprog. Bd. 1–28. København, 1919–1925.

¹⁰ Nye ord 1968–69. København, 1970.

¹¹ Nye ord 1970–71. København, 1972.

¹² Allan R., Holmes P., Lundskaer T. Danish: A Comprehensive grammar. London; New York, 1995. P. 532.

¹³ Stor norsk-russisk ordbok / V. Berkov. Oslo, 2003.

го характера указанного элемента. Сходные явления наблюдаются в немецком языке, о чем свидетельствует Словарь словообразовательных элементов немецкого языка,¹⁴ относящий элемент -frei к разряду продуктивных частотных полусуффиксов: atomwaffenfrei 'безъядерный', zollfrei 'беспошлинный'. Исследование внешних и внутренних валентных свойств производных с элементом -fri подтверждает предположение о его статусе как полусуффикса.

Анализ формальной внутренней валентности позволяет сделать следующие выводы. Элемент -fri сочетается в основном с исконными датскими основами. Как правило, прилагательные графически цельно-оформленны, за исключением случаев, когда первая непосредственно-составляющая (НС) является сокращением. Например, рvc-fri varer 'товары, не содержащие ПВХ', SARS-frit område 'область, в которой не зарегистрирована атипичная пневмония'. Способность элемента -fri сочетаться с сокращениями свидетельствует о его явной связи с основосложением.

Среди фонетических особенностей -fri необходимо отметить тенденцию к соединению с первыми компонентами, характеризующимися слоговой краткостью, среди них преобладают слова, состоящие из 2–3 слогов.

Анализ морфемных особенностей указанного элемента позволяет сделать вывод, что подавляющее большинство основ, сочетающихся с -fri, является субстантивными. Только 15% основ от всего корпуса примеров являются глагольными. Например, synkefri 'непотопляемый', k ntrefri 'неопрокидывающийся', sm refri 'не нуждающийся в смазывании'. В основном наблюдается отсутствие соединительных элементов. Соединительный элемент -s присутствует в 35% случаев, в основном в тех словоформах, в которых первые компоненты заканчиваются на суффиксы -ing, -tion, -else, -tet: betalingsfri 'бесплатный', vibrationsfri 'невибрирующий', modsigelsesfri 'непротиворечивый', kriminalitetsfri 'без преступности'. Соединительный элемент -e зарегистрирован в двух примерах: b rnefri 'без детей', dirkefri 'секретный; который нельзя открыть с помощью отмычки'. Таким образом, полной морфологической изоляции, характерной для аффиксации, не наблюдается, что говорит о формальной связи элемента -fri с основосложением.

Подводя итоги вышеизложенного, можно сделать вывод о формальной принадлежности элемента -fri к основосложению, однако для опре-

¹⁴ Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. М., 1979.

деления словообразовательного статуса указанного элемента необходимо семантический анализ его сочетаемостных свойств.

Анализ семантики исследуемой морфемы позволяет говорить о несоответствии объема значения второй НС-*fri* объему значения опорной леммы *fri*. Элемент *-fri* по сравнению с прилагательным оказывается семантически ограниченным, имея общее значение отсутствия того, что обозначается первой составляющей. Таким образом, происходит пересечение только одного значения с семным составом многозначного прилагательного *fri*. При ближайшем рассмотрении оказывается возможным выделить три подзначения элемента *-fri*, реализация которых зависит от семантики первой НС и актуализируется под влиянием внутреннего семантического согласования:

1. Подзначение '*не содержащий чего-либо*' реализуется при субстантивных основах — обозначениях веществ: *blyfri* '*не содержащий свинец*', *asbestfri* '*не содержащий асбест*', *koffeinfri* '*не содержащий кофеин*', *sukkerfri* '*не содержащий сахар*';

2. Подзначение '*лишенный чего-либо*' реализуется при субстантивных основах разной семантики, обозначающих предмет или отвлеченное понятие: *accentfri* '*без акцента*', *ansvarsfri* '*не несущий ответственности*', *eksamensfri* '*без экзаменов*', *fodboldfri* '*без футбола*', *konfliktfri* '*без конфликтов*', *lugtfri* '*не пахнущий*', *reklamefri* '*без рекламы*', *ukrudtsfri* '*без сорняков*';

3. Подзначение '*не подверженный чему-либо*' реализуется при глагольных основах и субстантивных отглагольных основах, а также при существительных, обозначающих природные явления: *strugefri* '*немнущийся*', *krymprefri* '*несажающийся*', *knirkefri* '*нескрипучий*', *skridfri* '*нескользящий*', *skudfri* '*пуленепробиваемый*', *brandfri* '*огнеупорный*', *dugfri* '*незапотевающий*', *isfri* '*неоледеневающий*', *frostfri* '*морозостойчивый*'.

Ряд прилагательных с элементом *-fri* выделяется в особую группу, так как значение элемента *-fri* пересекается с другим значением опорного прилагательного — '*незанятый, свободный*': *lørdagsfri* '*свободный по субботам*', *turneringsfri* '*не занятый в соревнованиях*', *træningsfri* '*свободный от тренировок*', *skolefri* '*свободный от занятий в школе*', *weekendfri* '*свободный по выходным*', *transferfri* '*свободный для трансфера*'. Поскольку данная группа в корпусе примеров малочисленна, говорить о продуктивности данной модели не представляется возможным. Эвентуальная ее продуктивность означает наличие в семном составе элемента *-fri* двух значений:

1) '*свободный от чего-либо, лишенный чего-либо, не подверженный чему-либо*';

2) 'незанятый, свободный'.

Таким образом, можно сделать вывод о семантическом отрыве элемента -fri от опорной лексемы при сохранении мотивации, которая дает возможность создания новых слов, всегда понятных благодаря прозрачности словообразовательной модели, что характерно для полуаффиксации.

Особого внимания заслуживают несколько примеров, содержащих элемент -fri, но не вписывающихся в исследуемую словообразовательную модель. Так, элемент -fri в составе прилагательного knæfri (< knæ 'колено' + fri 'свободный') имеет значение 'свободный, беспрепятственный, неограниченный': knæfri område 'свободное для колен пространство (под столом)'. В словосочетании den knæfri tid 'время свободных коленей' элемент -fri приобретает значение 'свободный, открытый' (речь идет о коротких юбках, не прикрывающих колени).

В другом случае, по-видимому, произошло образование по аналогии с устойчивым сравнением: fuglefri = fri som en fugl 'вольный как птица'. Например, en fuglefri tilværelse 'вольное существование'.

В случае с gæstfri 'гостеприимный' (от нем. gastfrei) значение второго элемента, как представляется, восходит к древнему vgi 'дорогой, любимый', т. е. 'любящий гостей'.

Интересен пример appelsinfri в шутовском выражении at ikke være helt appelsinfri: досл. 'быть не совсем свободным от апельсинов' ('быть навеселе'). Вторая НС -fri относится к исследуемой словообразовательной модели со значением отсутствия того, что обозначается первой НС. Первый компонент представляет собой усечение или, возможно, эллипсис: appelsin < appelsinsaft, в котором appelsinsaft 'апельсиновый сок' использован, по-видимому, в значении 'спиртные напитки'.

Указанные модели имеют единичный характер и говорят скорее о стремлении к экономии языковых средств, чем о приобретении элементом -fri многозначности опорного прилагательного.

Для выявления статуса искомой модели необходимо также исследование внешней валентности прилагательных. Анализ внешней синтаксической (формальной) валентности прилагательных со второй НС -fri показал, что в 65% случаев наблюдается атрибутивное употребление прилагательных, в 30% — предикативное (в основном с глаголами-связками være, gøre, få). Интересно, что прилагательные типа lørdagsfri выступают в большинстве случаев в предикативной функции, сочетаясь с глаголом holde.

Анализ внешней лексической валентности выявил зависимость лексической сочетаемости прилагательных с -fri от семантического типа

первой НС. Так, прямое и переносное значения первой НС *knast* ‘на-рост, шишка’ в прилагательном *knastfri* определяют набор семантических классов предметов, сочетающихся с данным прилагательным. Ср.: *et knastfri træ* ‘древесина без сучков’, *en knastfri stamme* ‘ствол без сучков’, *et knastfri fyr* ‘сосна без сучков’, *knastfri brædder* ‘доски без сучков’; *knastfri rejse* ‘путешествие без сучка, без задоринки’, *knastfri patientforløb paa sygehuset* ‘пребывание пациента в больнице без проблем’. Данный факт свидетельствует об отходе прилагательных с *-fri* от области основосложения, для которой характерно наличие смыслового центра на втором компоненте.

Наличие словообразовательной синонимии, на наш взгляд, также свидетельствует о приближении прилагательных с *-fri* к сфере аффиксации. Ср.: *farefri / ufarlig* ‘безопасный’, *problemfri / problemløs* ‘без проблем’, *gnindningsfri / gnidningsløs* ‘без разногласий’. Интересно с точки зрения синонимического дублирования прилагательное *arbejdsfri*, имеющее первоначальное значение ‘нетрудовой’, например, *indtægt* ‘доход’. В силу некоторых экстралингвистических причин оно стало употребляться вместо прилагательного *arbejdsløs* ‘безработный’¹⁵. Сравнивая два значения прилагательного *arbejdsfri* ‘нетрудовой’ и ‘безработный’, можно говорить о сохранении значения второй НС *-fri* ‘отсутствие признака’. Решающим в значении прилагательного становятся разные семы первой НС *ardejde* ‘труд’, ‘работа’.

Подводя итоги вышеизложенного, можно говорить о переходном статусе элемента *-fri*. С одной стороны, формальные признаки указывают на тесную связь элемента с основосложением. С другой стороны, несоответствие объема значения объему значений опорной лексемы, перемещение смыслового центра на первый компонент, а также наличие словообразовательной синонимии подтверждают близость указанного элемента к аффиксации.

E. A. Gurova

OM ADJEKTIVER PÅ -FRI MED HENSYN TIL DERES ORDDANNELSESSTATUS

Artiklen beskriver danske adjektiver på *-fri*, som befinder sig på grænsen mellem afledning og sammensætning. Som eksempelmateriale er brugt korpus 2000-data, Politikens Store Nye Nudansk Ordbog, Retskrivningsordbogen på nettet samt autentiske danske tekster. Analysen af andetleddet *-fri*'s etymologiske, fonetiske, morfologiske og semantiske særtræk giver mulighed for at definere dets status som semiaffiks.

¹⁵ См.: *Jarvad P. Nye ord. Hvorfor og hvordan?* København, 1995. S. 53.

Б. С. Жаров

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА ИСЛАНДСКОГО ЯЗЫКА СТЕФАНА САБИНИНА (1849)

Знакомству российского читателя с Исландией и ее культурой исполняется 250 лет. Самая ранняя из зафиксированных русских публикаций относится к 1755 г. В февральском номере петербургского журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» на с. 123–138 появился материал И. Е. Фишера под названием «Рассуждения о гиперборейцах, или о народе, за севером находящемся». Борей — греческий бог северного ветра. Гиперборейцами в Древней Греции называли все народы, жившие за цепью гор, составлявших северную границу этой страны. Впоследствии так стали называть жителей севера Европы. В материале речь шла о заселении Скандинавских стран в целом и Исландии в частности.

Позже, в 1785 г., в Петербурге появился в переводе с французского двухтомный труд известного швейцарского ученого Поля-Анри Малле, длительное время жившего в Копенгагене при королевском дворе и ознакомившего затем остальную часть Европы с историей Скандинавии. По-русски работа получила название «Введение в историю датскую, в котором рассуждается о вере, законах, нравах, нравах и обыкновениях (обычаях. — Б. Ж.) древних датчан». Там, в частности, шла речь и об Исландии, поскольку это был период, когда королевство Дания включало также современную Норвегию и Исландию. Среди глав т. 1 были, например, такие: «Общее понятие о древней вере северных народов, а особливо скандинавов от Одина. Следствие веры северных народов, а особливо их служения», «О морских походах древних датчан; открытие Исландии, Гренландии и неизвестной страны, называемой Винланд». В т. 2 содержались образцы древнескандинавской литературы. Здесь на русском языке впервые были опубликованы отрывки из «Стар-

шей Эдды» под названием «Едда, или Иконословие кельтское», в частности «Гавамааль, или Высокое слово».

Книга произвела сильнейшее впечатление на русских читателей. Вот что писал позже, в начале XIX в., поэт Федор Глинка в известном военном дневнике «Письма русского офицера»: «Все сии доводы о наших самоучках должны служить неоспоримым доказательством чужеземным умствованиям, что и в Гиперборейской стране, и в России могут родиться изобретательные умы и процветать дарования. Не только науки, но и музы не разбирают климатов. Нужен ли к сему пример какого-нибудь иностранного автора? — Вот он: Малле повествует, что многие норвежцы, не стерпя рабства в правление одного из древних своих королей, ушли на остров Исландию. Там-то, на самом краю Северного моря — насадили они древо свободы, которое через долгое время зелено в благоустроенной их республике. Все лучшие историки и поэты Севера родились в Исландии: свобода и музы водворяли счастье на льдистых берегах ее. Поэзия рассыпала там цветы свои, и лиры скальдов воспевали героев, славу и любовь! Следовательно, и там, где иногда замерзает ртуть, страсти и воображение никогда не остывают!»¹.

В конце XVIII в., и особенно в первой половине XIX в., в России появилось большое количество книг и статей об Исландии, переводов и переделок произведений древнескандинавской литературы. Следует отметить, что в первое время в большинстве своем авторами были иностранцы, а перевод древнеисландских текстов тогда и даже позже давался через третий язык, чаще всего французский или немецкий.

Зачастую в переводах встречались разного рода неточности. Так, вышеупомянутый Малле встретил в исландском оригинале некое место, где скандинавские воины, павшие в битвах, пьют хмельные напитки из гнутых деревьев лба зверя, т. е. из рога, что, в общем, довольно тривиально (из чего же еще пить?). Во французском же переводе сказано, что павшие герои пили эти напитки из черепа убитого врага, что звучит устрашающе. Вот это и перешло в русский текст и впоследствии не раз воспроизводилось в переводах и пересказах.

Только в XIX в. у одного россиянина появилась возможность изучить в полной мере язык, на котором были созданы древнескандинавские памятники, и опубликовать первую на русском языке книгу

---

¹ Глинка Ф. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян против французов в 1805 и 1806, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. М., 1815. Ч. 2. С. 116–117.

об исландском языке. Этим человеком был Стефан Карпович Сабинин (1789–1863)².

С. К. Сабинин родился в Воронежской губернии, был сыном дьячка. Поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию и, закончив ее, получил степень магистра. По-видимому, уже в Академии он проявил заметные лингвистические способности, поскольку по окончании был оставлен в ней преподавателем на кафедре немецкого языка.

В 1823 г. он уже настолько выделялся среди других преподавателей, что был назначен священником в русскую посольскую церковь в Копенгаген. Естественно, священников, владевших датским языком, среди претендентов не было, и предпочтение было оказано ему как человеку, хорошо знавшему немецкий. Если бы назначавшие его знали, насколько удачным окажется этот выбор! С. К. Сабинин пробыл в Копенгагене 14 лет. Известно, что в этот период он был занят серьезной богословской деятельностью, свидетельством чего являются многочисленные филологические исследования об отдельных местах Ветхого Завета и переводы целых книг его на русский язык, в том числе в стихотворной форме.

Но поразительно то, что С. К. Сабинин одновременно нашел время, чтобы глубоко заняться литературой и языком древней Скандинавии. Он общался в Дании с крупнейшими филологами и историками и постоянно посещал собрания научных обществ, в частности, был знаком с великим датским лингвистом, основоположником сравнительно-исторического языкознания Расмусом Кристианом (Эразм Христиан — так называет его Сабинин) Раском (1787–1832), который после длительного пребывания в Исландии блестяще владел исландским языком, не говоря уж о том, что знал и множество других языков.

В 1837 г. С. К. Сабинин переехал на жительство в Веймар, поскольку перешел на новую службу. Он стал протоиреем, т. е. настоятелем православного придворного храма, а также духовником великой княгини Марии Павловны, дочери Павла I, супруги великого герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского. В обязанности духовника, в частности, входило прочитывать книги и давать о них отзывы великой княгине. По-видимому, духовник не очень был занят на этой работе, так как очень скоро перезнакомился со множеством немецких ученых, стал обсуждать с ними самые различные вопросы и писать рецензии на все немец-

---

² Биографические данные о С. К. Сабинине приводятся по: 1) *Энциклопедический словарь*. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1899. Т. 27. С. 14–15; 2) *Русский биографический словарь*. СПб., 1904. Т. «Сабанеев — Смыслов». С. 7–9.

кие книги, так или иначе касавшиеся России. Кроме того, он полюбил немецкую поэзию и принимал у себя дома местных и заезжих поэтов, художников, ученых, музыкантов, литераторов.

При этом С. К. Сабинин продолжал интенсивно общаться с датскими учеными. Больше того, в 1843 г. он был избран в члены датского Королевского общества северных антиквариев и Комитета для изучения древнерусской истории. Можно думать, что он совершал частые поездки из Веймара в Копенгаген, поскольку утверждается, что «в собраниях как общества, так и комитета он постоянно присутствовал»³.

Уже находясь в Веймаре, С. К. Сабинин продолжал заниматься переводами с древнеисландского языка и даже опубликовал, в частности, «Извлечения из Саги Олава, сына Триггвиева, короля норвежского» в «Русском историческом сборнике» в 1840 г.⁴

Во время занятий исландским языком он делал — в принципе, только для себя — многочисленные записи, но наступил момент, когда по инициативе Санкт-Петербургской Академии наук этот материал был собран и опубликован. Следует отметить, что С. К. Сабинин больше любил писать, чем добиваться опубликования своих трудов. Во всяком случае, после его смерти в архив Санкт-Петербургской духовной академии попало большое количество его неопубликованных работ, судьба которых ныне неизвестна.

В 1849 г. в Петербурге вышла его книга — первая в России книга об исландском языке. Это была большая, в 240 страниц, «Грамматика исландского языка»⁵. Труд обширный и разносторонний.

Книга открывается чрезвычайно высокой оценкой всего написанного на исландском языке: «В наше время нет нужды говорить о пользе исландского языка... Мифология севера, заключающаяся в Эддах, находится в родстве почти со всеми мифологиями мира и, с одной стороны,

---

³ Энциклопедический словарь. Т. 27. С. 14.

⁴ Извлечения из Саги Олава, сына Триггвиева, короля норвежского / Пер., предисл. и примеч. С. Сабинина // Русский исторический сборник. СПб., 1840. Кн. 7. С. 3–10 (Отд. 3). Этот перевод позже был дважды воспроизведен в кн.: 1) *Образцовые произведения скандинавской поэзии в переводах русских писателей*. Воронеж, 1875; 2) *Древнесеверные саги и песни скальдов в переводах русских писателей*. СПб., 1903.

⁵ Полное название книги — «Грамматика исландского языка, составленная духовником Ее Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Марии Павловны протоиереем Придворной Российской православной в Веймаре церкви Стефаном Сабининым». СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1849. X + 230 с.

объясняется ими, а с другой — поясняет их. Исландские саги, оцененные и разделенные на исторические и баснословные... разливают теперь свет на истории многих народов земли и дополняют их собою... В самом деле, где не бывал некогда норманн, или как союзник, или как враг и опустошитель?.. Исландская литература — литература очень многосторонняя и очень поучительная во многих отношениях» (III–IV)⁶. «Для нас — славяноруссов — исландский язык имеет еще ту выгоду, что как в мифологических, так и в исторических памятниках его находится очень много такого, что поясняет и дополняет мифологию и древнюю историю России» (VI). Последнее представляло для автора значительный интерес, поскольку среди его наследия много работ, касающихся истории как России в целом, так и отдельных народов (статьи о хазарах, печенегах, финнах, половцах и т. д.).

Особой похвалы автора книги заслуживает язык: «Язык исландский сам по себе, как язык чрезвычайно богатый и чрезвычайно благозвучный, в полной мере достоин внимания филологов. Исландский язык — язык чрезвычайно богатый. С его богатством, особенно у стихотворцев, едва ли могут равняться богатства других известных языков» (IV). «Слух исландца приучен к благозвучию и гармонии» (VI). В книге исландский язык сравнивается с немецким, причем оценка не пользу последнего: исландский «совсем не производит той шероховатости, какую производит немецкий» (VI).

Следует отметить, что автор не делит четко рассматриваемый им исландский язык на древнеисландский и современный исландский. Такое деление естественно для лингвистов нашего времени, поскольку, несмотря на значительное сходство, позволяющее исландцам до сих пор — почти без затруднений — читать древние саги, между этими языками наблюдается и заметное различие. Для С. К. Сабинаина главным были тексты — памятники древней литературы, и он, естественно, рассматривает их язык, «древнесеверный, или исландский». В другом месте он говорит о памятниках и упоминает «древнейший исландский». В то же время он понимает, что есть «исландцы настоящего времени». В области фонетики он — несомненно, вслед за Раском — описывает современное ему произношение, в частности дифтонгизацию долгих гласных.

Первая глава книги «Искусство писания» очень подробно рассматривает сначала написание и звуковое значение рунических знаков, ко-

---

⁶ Цитаты из «Грамматики исландского языка» С. К. Сабинаина приводятся в данной статье с указанием страниц в скобках в тексте. Римские цифры — страницы авторского предисловия.

которые были мало известны российской читающей публике, а затем переходит к латинскому алфавиту.

Фонетика анализируется в главе «Разделение и произношение букв». В области фонетики исландский язык заслуживает больших похвал автора: «Произношение древнесеверное было вообще широко, звучно, правильно и определено» (19). Поскольку автор много лет находился в Копенгагене, он как человек лингвистически одаренный вполне мог свободно владеть датским языком или уж во всяком случае безусловно был хорошо знаком с ним. Возникает подозрение, что такая характеристика произношения древнеисландского языка есть камешек в огороде датского в связи с неотчетливостью, большим количеством щелевых согласных и богатым сонантизмом последнего.

Для того чтобы описать неизвестный российским читателям язык, С. К. Сабинин был вынужден не только использовать существовавший лингвистический аппарат, но и создавать свой собственный, как видно из последующего, с переменным успехом.

Во многих случаях за его терминами легко обнаруживаются общепринятые современные понятия. Вот, например, описание гласных: «*i* произносится так же, как и *i*, но только протяжно, как будто оно было двойное» (12). Понятно, что «протяжно» произнесенный гласный — это долгий. «Как гласные, так и дwoегласные, по своему выговору разделяются на твердые и мягкие» (12). «Dwoегласные» объединяют две ипостаси: «твердые» — это нисходящие дифтонги, а «мягкие» — гласные, которые произносятся с предшествующим *j*, т. е. восходящие дифтонги.

В области классификации согласных (13) вопросов у современного читателя несколько больше.

«Согласные буквы делятся на

1. Беззвучные, или немые

	губные	язычные	поднебные
твердые	p, f	t, þ	k, h
мягкие	b, v	d, ð	g, j
2. Таемые

	m, n	l, r	s, z
--	------	------	------
3. Сложные

	x, (z)».
--	----------

То, что звуки называются здесь буквами, совершенно понятно: в то время и не могло быть иначе. Очевидно также разделение звуков по месту произнесения: на 1) «губные», 2) «язычные», т. е. переднеязычные и 3) «поднебные» — это, естественно, заднеязычные, но к ним

заодно автором отнесены и s, z, поскольку в чистые переднеязычные они не вписались.

Несколько менее понятно разделение согласных, которое можно было бы считать классификацией по способу образования. В первую группу «беззвучные, или немые» входят все смычные, очевидно потому, что во время смычки звучания не наблюдается. Но почему сюда же попала часть щелевых: f, v, þ, ð, h, j?

Вторая группа вообще загадочная: «таемые» — это оставшаяся часть щелевых: m, n, l, r, s, z. Что означало тогда слово «таемый» точно, выяснить не удалось ни по одному доступному словарю того времени, понятно только, что его этимология связана с «тайной», значит, похоже на что-то вроде «скрытый, тайный, потайной». Почему? Не совсем ясно также, какова логика в отнесении к разным группам по способу образования, например, v и l. «Твердые» можно считать синонимом глухих, а «мягкие» — звонких.

Третья группа, «сложные», включает вполне логично x, произносимое как k + s, и, хотя и в скобках, вторично z, звучащее как t + s.

Следует, однако, признать, что классификация звуков — по сути дела единственное место, которое сейчас, полтора века спустя, может вызвать довольно серьезные возражения. Описание же отдельных звуков с примерами и параллелями в русском («российском», как говорит автор) языке или в других языках сделано в принципе правильно.

Что касается описания изменений звуков, приведенное в главе III «О перемене звуков или гласных в образовании и изменении слов», столь характерных для исландского языка, то оно дано весьма грамотно и полно.

В области грамматики С. К. Сабинин описывает материал очень последовательно и четко. При желании вполне можно на основании этого описания освоить склонение существительных и прилагательных или спряжение глаголов и сегодня. «Имена существительные относительно к склонениям делятся на два главные рода, на *открытый* и *сокрытый*. Первый прост и правилен, последний искусственное и запутаннее, первый, объемля собою имена, кончающиеся на гласные, имеет только один образ изменения, или одно склонение, последний, держа в себе имена, кончающиеся на согласные, также на гласные и дwoегласные, имеет два образа изменения, или два склонения» (29–30). Видно, что и здесь также автор занимается использованием своих терминов, которые, в принципе, вполне понятны. Но современный читатель споткнется, например, на пассаже в параграфе об артикле: «Соединение имен существительных с членом состоит в простом совокуплении оных с членом определенным hit, hinn, hin...» (60).

У глаголов различаются «открытый главный род» (102), т. е. глаголы слабого спряжения, и «сокрытый главный род» (103), т. е. сильного спряжения.

Привлекает внимание автора легкость образования сложных слов: «Сложность, или соединение двух слов в одно, простирается в исландском языке до бесконечности. В нем встречаются всевозможные слова. Имена существительные сливаются с именами существительными и прилагательными, иногда с глаголами; прилагательные в свою очередь приемлют к себе как существительные, так и прилагательные...» (178).

Синтаксические проблемы рассматриваются в разделе «Словосочинение» (184). Здесь, как и в других местах, привлекают внимание многочисленные ссылки на готский, шведский и другие языки, хорошо знакомые автору.

Помимо описания собственно языковых явлений книга содержала также раздел, в котором речь идет о литературе, написанной на древнеисландском языке. В наибольшей степени автору интересна древняя скандинавская поэзия. Этому вопросу посвящено «Отделение пятое. Древняя поэзия исландцев».

В главе XVII «Различные роды стихотворений» подробнейшим образом рассматриваются разные роды стихотворений, героические и народные. Говорится, в частности, о «буквенной рифме», т. е. аллитерации, строчной и конечной рифме, количестве строк, слогов и т. д. А в главе XVIII «Грамматические особенности древнейшего исландского, особенно стихотворческого языка» речь идет о тех особых формах слов и явлений синтаксиса, которые характерны только для стихов.

Стефан Карпович Сабинин был выдающимся человеком, одним из образованнейших людей своего времени. И хотя скандинавская филология была для него не самым главным делом, он оставил в этой науке очень заметный след.

B. S. Zharov

STEFAN SABININS FØRSTE ISLANDSKE GRAMMATIK PÅ RUSSISK (1849)

Ruslands publikum fik det første kendskab til Island for 250 år siden. Et litterært tidsskrift i Sankt Petersborg offentliggjorde en artikel i 1755, hvor der stod meget om Islands befolkning, litteratur og sprog. I 1700-tallet og i de første årtier af 1800-tallet blev artiklerne og bøgerne om Island skrevet af udlændinge. Den første russer, som kunne islandsk og udgav dette sprogs grammatik, var Stefan Karpovitj Sabinin (1789–

1863). Han var en russisk ortodoks præst; som var ansat ved Det russiske ambassades kirke i København 1823–1837 og senere ved en ortodoks kirke ved hoffet i Weimar. Han skrev mange teologiske artikler og gjorde oversættelser af Det gamle Testamente. Under sit ophold i København lærte han Rasmus Kristian Rask samt andre kendte filologer at kende og stiftede bekendtskab med oldnordisk litteratur og lærte Islandsk. Artiklen fortæller om Stefan Sabinins bog «Islandsk grammatik» (Skt. Petersborg, 1849, X + 230 sider).

Е. А. Жильцова

СРЕДСТВА ВЫДЕЛЕНИЯ РЕМЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблемы актуального членения предложения начиная со второй половины прошлого столетия привлекали внимание многих исследователей. Как известно, впервые вопросы, касающиеся актуального членения предложения, иначе говоря, его информационной структуры, были рассмотрены на материале славянских языков¹. Большинство исследователей отмечали, что тема высказывания обычно помещается в начало предложения, поскольку связывает его с предыдущим контекстом, коммуникативной ситуацией предшествующего высказывания, тогда как рема, будучи коммуникативным центром предложения, тяготеет к его концу. Поэтому в языках со свободным порядком слов, где элементы предложения могут меняться местами, превращаясь из темы в рему и наоборот, именно линейная структура предложения является одним из основных средств выражения темо-рематического членения. Ср.: 'Цветы (тема) — на окне (рема); На окне (тема) — цветы (рема)'.

По-иному обстоит дело в германских и, в частности, скандинавских языках, в которых порядок слов является строго фиксированным и члены предложения располагаются не произвольно, а в соответствии с четкими правилами. Здесь говорящий или пишущий не может по своему усмотрению поместить слова, обозначающие новую, наиболее значимую, информацию в конец предложения, а использует для выделения темы и ремы различные языковые средства, в том числе,

¹ См., напр.: *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967; *Лантева О. А.* Нерешенные вопросы теории актуального членения // ВЯ. 1972. Т. 2.

естественно, и порядок слов, но в значительно более ограниченном объеме по сравнению, например, с русским языком.

Задача настоящей статьи — показать, с помощью каких языковых средств выделяется новая информация (рема) в шведском языке. Анализу информационной структуры предложения, в частности принципам темо-рематического членения высказывания и способам выделения темы и ремы в скандинавских языках, в последние десятилетия уделяли внимание многие скандинавские лингвисты². Среди шведских работ наибольший интерес представляет исследование Л.-Ю. Экерута, посвященное текстообразующей функции порядка слов³.

Говоря о порядке слов в шведском языке с точки зрения информационной структуры высказывания и текста, Л.-Ю. Экерут выделяет два коммуникативных типа организации линейной структуры предложения: объективный и субъективный. При объективном порядке слов тема предложения предшествует реме. Говорящий планирует свое высказывание в соответствии с тем, что, по его предположению, известно слушающему, и основной функцией построенных таким образом предложений является функция сообщения: *Lasse sa, att det fanns andra indianer i andra ändan av hagen. Dom hette comancher och var lömska och farliga och måste besegras allihop* (ВВ) *‘Лассе сказал, что на другом конце выгона тоже есть индейцы. Это племя команчей, они коварные и опасные и всех их надо убить’*. Во втором предложении приведенного отрывка подлежащее *dom* является темой, связывающей предложение с предшествующим высказыванием, а сказуемое — ремой, сообщающей новую информацию о референте подлежащего.

При субъективном порядке слов рема предшествует теме и помещается в начало предложения. Такие высказывания имеют спонтанный, незапланированный характер и в большинстве случаев ярко выраженную экспрессивную функцию: *Det smakade gott alltsammans och mätta blev vi* (ВЛ) *‘Как все это было вкусно! И мы наелись и напились до отвала’*. В данном предложении предикатив *mätta*, являющийся ремой, предшествует теме (подлежащее *vi*) и благодаря такой своей позиции сильно эмфатически выделяется. Эмфатический порядок слов шведского предложения не отражен в переводе, однако, чтобы подчеркнуть передаваемую им экспрессивность оригинала, переводчик добавляет сочетание «до отвала», которого в шведском варианте нет.

---

² SAG — Svenska Akademiens Grammatik. Del 4. Uddevalla, 2000; *Faarlund J. T., Lie S., Vannebo K. I.* Norsk referansegrammatikk. Oslo, 1997.

³ *Ekerot L.-J.* Ordföljd; Tempus; Bestämmdhet. Kristianstad, 1995.

Рассмотрим некоторые особенности выделения ремы в предложениях с объективным и субъективным порядком слов на материале произведений Астрид Линдгрэн и их переводов на русский язык⁴.

Предложения с объективным порядком слов

Как отмечают исследователи, в шведском языке при объективном порядке слов тема предложения чаще всего выражается подлежащим, обычно находящимся в начале предложения⁵. Референт подлежащего бывает известен из предшествующего высказывания, ситуации или опыта слушающего, и поэтому оно является естественным исходным пунктом предложения, обозначая предмет, лицо или явление, о котором делается сообщение.

Однако в речи нередко возникает ситуация, когда референт, обозначаемый подлежащим, представляет новую информацию и подлежащее становится ремой. При объективном порядке слов рема должна размещаться если не в абсолютном конце предложения, то, по крайней мере, ближе к его концу. Говорящий или пишущий на шведском языке должен переместить подлежащее ближе к конечной позиции, не нарушая при этом достаточно жесткой структуры шведского предложения с его фиксированным порядком слов. Это делается с помощью целого ряда средств разных языковых уровней.

Одним из основных средств выделения рематического подлежащего путем переноса его ближе к концу предложения является изменение прямого порядка слов в повествовательном предложении на обратный. В этом случае находящееся в начальной позиции обстоятельство, чаще всего места или времени, становится темой, а подлежащее или подлежащее и сказуемое вместе — ремой: *Bredvid Villa Villekulla låg en annan trädgård och ett annat hus. I det huset bodde en pappa och en mamma med sina två små rara barn, en pojke och en flicka (PL) 'По соседству с виллой Вверхтормашками был другой сад и другой дом. В этом доме жили папа и мама со своими двумя милыми детишками — мальчиком и де-*

---

⁴ В статье анализируется материал, взятый из следующих книг Астрид Линдгрэн и их переводов на русский язык: BL — *Lindgren A. Bröderna Lejonhjärta*. Falköping, 1993; BB — *Lindgren A. Alla vi barn i Bullerbyn*. Falun, 2001; PL — *Lindgren A. Pippi Långstrump*. Falun, 2001. Переводы: *Линдгрэн А.* 1) Братья Львиное Сердце // Линдгрэн А. Собр. соч. СПб., 1999. Т. 4; 2) Все мы дети из Буллербо // Там же. Т. 6; 3) Пиппи Длинныйчулок // Там же. Т. 1.

⁵ SAG. S. 70–71, 431; *Ekerot L.-J.* Op. cit. S. 109–110.

вочкой'. В большинстве таких предложений, как и в приведенном примере, существительные, которыми выражено подлежащее, употребляются в неопределенной форме, что также свидетельствует о том, что они являются носителями новой, неизвестной информации. Неопределенная форма существительного представляет собой основной морфологический признак рематического подлежащего в шведском языке. Заметим в скобках, что субстантивные словосочетания, выступающие в предложении в функции дополнения или предикатива и играющие роль ремы, также обычно имеют неопределенную форму: Vi hade en gammal skänk i ett hörn av köket (BL) '*В одном углу кухни у нас стоял старинный буфет*'; Och där var hemligheten också. Och hemligheten var en koja som pojkarne hade byggt i hagen (BB) '*И секрет был тоже здесь. И заключался он в том, что мальчики построили на выгоне хижину!*'.

Очень часто наряду с обратным порядком слов в предложениях с рематическим подлежащим используется местоимение *det*, выступающее в функции формального субъекта. Будучи семантически «пустым» словом, *det* занимает в предложении позицию подлежащего, отодвигая тем самым существительное или словосочетание, обозначающее смысловой субъект, в позицию объекта и приближая его к концу предложения: På väggarna i farfars rum hänger det vackra tavlor (BB) '*У него в комнате на стенах висят красивые картины*'; I hagen bakom Sörgården finns det så många trevliga små bergknallar och stenar (BB) '*На выгоне позади Сергордена есть много каменных горушек и скал*'; Just då kom det två poliser i full uniform in genom grinden (PL) '*Как раз в эту минуту в калитку вошли двое полицейских в форме*'.

Характерно, что, хотя подлежащее в последнем примере находится не в абсолютном конце предложения, в русском переводе оно занимает конечную позицию, как это свойственно реме.

Нередко в предложениях такого типа употребляется глагол в пассиве: Han hittade varje dag på nya sätt att plåga och straffa Törnrosdalen, därför hatade de honom nu ursinnigare än någonsin och det smiddes fler och fler vapen i dalen (BL) '*Каждый день придумывал он все новые и новые казни и муки для жителей Долины Терновника, поэтому они еще неистовей, чем когда-либо, ненавидели его, а в долине ковали все больше и больше мечей*'.

Наиболее важная с информативной точки зрения часть высказывания перемещается в конечную позицию также в предложениях с предварающим подлежащим *det* и инфинитивным оборотом или придаточной частью в функции ремы: Det är roligt att ha ett djur som är alldeles ens eget (BB) '*Хорошо, когда у тебя есть свои собственные животные*';

Det var väl tur att hon kände det på sig (BB) '*Нам повезло, что она это почувствовала*'.⁶

Такие предложения очень распространены в шведском языке. В них местоимение *det* в функции предваряющего подлежащего замещает инфинитивный оборот или придаточное, сигнализируя об их наличии в конечной части предложения. В тех случаях, когда местоимение отсутствует и инфинитивный оборот или придаточное находятся в инициальной позиции, информационная структура предложения в корне меняется (ср., например, трансформированное предложение: *Att ha ett djur som är alldeles ens eget är roligt*).

В качестве еще одного средства выделения ремы в предложениях с объективным порядком слов используется конструкция с предлогом *med*: *Bakom vår trädgård finns det en stor hage. Där växer tätt med hasselbuskar och enbuskar och alla möjliga sorters buskar* (BB) '*За нашим садом раскинулся большой выгон. Там растут густой орешник, можжевельник и другой кустарник*'. В таких предложениях словосочетание, которое при обычном порядке слов должно быть подлежащим, становится предложным дополнением и перемещается к концу предложения.

Исследователи отмечают⁶, что одним из главнейших средств, с помощью которого можно изменить информационную структуру предложения в шведском языке, является пассивная конструкция с агенсом: *Huset byggdes av en lokal byggfirma* (SAG) '*Дом был построен местной строительной фирмой*'.⁷ В этом случае производитель действия, информация о котором является новой, обозначается не подлежащим предложения, а предложным дополнением с агентивным значением. Однако в исследованном материале, вероятно, в силу специфики стиля детской литературы вообще и индивидуального стиля Астрид Линдгрэн, таких предложений обнаружено не было.

Таким образом, как показывают приведенные выше примеры, для выделения рематического подлежащего при объективном порядке слов в шведском языке используются как морфологические, так и синтаксические средства. К морфологическим относится употребление в функции подлежащего неопределенной формы существительного, к синтаксическим — обратный порядок слов вместо прямого, конструкции с формальным и предваряющим подлежащим *det*, предлогом *med* и пассивная конструкция.

⁶ SAG. S. 379–380; *Ekerot L.-J.* Op. cit. S. 113–114.

⁷ Этот пример взят из Шведской академической грамматики.

Предложения с субъективным порядком слов

Как уже было сказано выше, в таких предложениях рема предшествует теме, располагаясь чаще всего в абсолютном начале предложения, т. е. в инициальной позиции, а сами предложения характеризуются большой экспрессивностью, спонтанностью и незапланированностью.

Среди предложений с субъективным порядком слов можно выделить две основные группы.

К первой относятся достаточно редкие случаи, когда подлежащее, стоящее на первом месте в предложении, является его ремой: En kvinna med en korg på armen kom emot oss på stigen (BL) *‘Навстречу нам по тропинке шла женщина с корзиной в руке’*; Tommy och Annika klappade hästen, och sen fortsatte de in i huset. Ett kök fanns där och en salong och ett sovrum (PL) *‘Томми и Анника погладили лошадь, а потом пошли дальше в дом. Там были кухня, гостиная и спальня’*. Как видно из примеров, в таких предложениях подлежащее выражено неопределенной формой существительного. О рематическом характере подлежащего свидетельствует и тот факт, что в переводе на русский язык оно занимает в предложении характерную для ремы конечную позицию.

В некоторых случаях рематическое подлежащее выделяется также эмфатически, на что указывает эмфаза в русском переводе: «Lille Kalle Lejonhjärta, han är rar, men han är sannerligen inget lejon. En mer lättkrämd liten krake finns inte. Harhjärta vore rätta namnet på honom! (BL) *‘Мальши Калле Львиное Сердце славный, но его уж львом никак не назовешь. Трусливее этого бедняжки не найти. Ему бы больше пристало имя Заячье Сердце’*.

Нередко рематическое подлежащее занимает инициальную позицию при противопоставлении, когда новый референт противопоставляется другому, уже известному. В таких случаях в предшествующем предложении, с которым предложение с рематическим подлежащим имеет тесную смысловую связь, употребляется отрицание: Nej, Jonatan dödade inte Katla. Karm gjorde det (BL) *‘Нет, Юнатан не убил Катлу. Это сделал Карм’*; Jag sprang till stallet. Fjalar var inte ensam i sin spilta. Hubert stod där (BL) *‘Я побежал в конюшню. Но Фьялар в стойле был не один. Там стоял Хуберт’*. В русском переводе таких предложений подлежащее всегда занимает конечную позицию.

Вероятнее всего, в устной речи рематическое подлежащее в таких предложениях выделяется также просодически. В письменном тексте это определить практически невозможно, однако в исследованном материале встретился один пример, в котором сам автор с помощью гра-

фического средства — разрядки — указывает на то, что два слова в предложении выделяются и, следовательно, на них падает фразовое ударение: Hoppade vi där, så var det åtminstone säkert att vi kom till Nangilima båda två. Ingen behövde vara ensam kvar och ligga och sörja och gråta och vara rädd. Men det var inte v i som skulle hoppa, j a g skulle göra det (BL) *‘Если мы туда спрыгнем, то уж наверняка попадем в Нангилиму, попадем оба. Никому не придется оставаться в одиночестве, лежать и горевать, и плакать, и бояться. Но ведь это не мы должны были прыгнуть. Это должен был сделать я’*. Как видно из примера, выделяется здесь и рематическое подлежащее jag, и противопоставляемое ему подлежащее vi. Данный пример подтверждает тезис многих исследователей о том, что просодика играет большую роль в процессе актуального членения предложения⁸.

Ко второй группе относятся предложения, где в роли стоящей в инициальной позиции ремы выступает не подлежащее, а другие члены предложения, которые при этом всегда выделяются посредством эмфазы. Это может быть:

— предикатив, выраженный прилагательным или качественным наречием, существительным или сочетанием существительного с прилагательным: Allt blev så underligt. Man var i en konstig värld av bara silver och svarta skuggor. Vackert var det nog och lite sorgligt på något skönt, underligt vis. Och kusligt också (BL) *‘Все вокруг стало таким удивительным! Я очутился в каком-то странном мире из серебра и черных теней. Какой красивый был этот мир, но немножко печальный, как-то странно красивый и грустный. И страшный’*; Och där på hans bröst satt Katlamärket. Ett drakhuvud var det, och det lyste som blod (BL) *‘А под нею, на груди, сияло клеймо Катлы. То была драконья голова, яркая, как кровь’*; Just då tog han upp nånting mer ur korgen. Ett litet, litet hoprullat papper var det, ingenting annat (BL) *‘И тут я увидел, что он вынул из корзины что-то еще. Это была всего лишь небольшая, свернутая в трубку бумага’*;

— дополнение: «Men», sa Pjuke, «i sin stora godhet väntar vår nådige furste ännu en liten tid med det blodiga straffet, och han har till och med utfäst en belöning. Tjugo vita hästar får den som fångar Lejonhjärta åt honom» (BL) *‘Однако, — продолжал Пьюке, — наш милостивый князь в своей великой доброте подождет еще некоторое время с кровавой карой. Он даже назначил вознаграждение. Двадцать белых лошадей получит тот, кто приведет к нему Львиное Сердце!’*;

⁸ SAG. S. 517–518.

— обстоятельство образа действия: Och jag stod vid stupet med Jonatan, han hängde fast vid mej med armarna om min hals, och jag kände hur han bakifrån andades mot mitt öra. Alldeles lugnt andades han. Inte som jag... (BL) *'И я стоял у крутого обрыва вместе с Юнатаном, он цепко повис на мне, обхватив руками мою шею, и я чувствовал, как он сзади дышит мне в ухо. Он дышал совершенно спокойно. Не то что я!'*

В большинстве предложений с эмфазой рема несет основную информационную нагрузку, а следующая за ней часть предложения уже не столь важна и является в высшей степени предсказуемой, поэтому слушающий понимает основной смысл фразы, услышав только ее начало: «Vi två», sa han, «vi ska nog bli lika goda vänner som Jonatan och jag. Jossi heter jag. Fast jag kallas mest för Guldtuppen» (BL) *'Мы с тобой, — сказал он, — будем добрыми друзьями, такими же, как с Юнатаном. Меня зовут Юсси. Хотя все называют меня Золотым Петухом'; «Vad är det för en fiende», frågade jag. «Tengil heter han», sa Jonatan (BL) 'А что это за враг? — спросил я. — Его зовут Тенгиль, — сказал Юнатан'.* Интересно, что в русском переводе не отражается порядок слов шведского предложения. Отчасти это объясняется тем, что, с одной стороны, для русского языка эмфаза в таких предложениях не свойственна. С другой стороны, возможно, переводчику было важно показать, что слова Юсси и Тенгиль имеют большую смысловую нагрузку, и поэтому они были помещены в характерную для ремы позицию конца предложения.

Нередко в предложениях с эмфатически выделенными второстепенными членами, выступающими в функции ремы, как и в случае с подлежащим, имеет место противопоставление: Det gick så fort, att jag trodde nästan att jag hade drömt alltihop. Men det trodde inte Jonatan, när jag väckte honom och berättade det. «Nej, du Skorpan, det var ingen dröm», sa han. «Nån dröm var det inte. Förräddaren var det!» (BL) *'Это произошло так быстро, что я подумал было, что мне это приснилось. Но когда я разбудил Юнатана и рассказал ему об этом, он решил иначе. — Нет, Сухарик, это тебе не приснилось, — сказал он. — Это вовсе не сон. Это был предатель'.*

Однако не следует считать, что любой эмфатически выделенный член предложения, занимающий инициальную позицию, обязательно представляет собой рему. В целом ряде случаев он может быть темой предложения: «Hohoho», härmade den. «Vad vill du som kommer på så underliga vägar med fackla och ljus?» «Jag söker Orvar», sa Jonatan. «Orvar har du här», sa rösten. «Och vem är du?» (BL) *'Хо-хо-хо! — гневно повторял голос. — Что нужно тебе, тому, кто явился такими диковинными путями с факелами и светом? — Я ищу Урвара, — ответил Юнатан. —*

Урвар — вот он, здесь. А кто ты?»; Och nog var det mörkt, precis som Mattias ville. Mörkt var det i husen och mörk var himlen över Törnrosdalen (BL) *‘Везде царила тьма, как и хотел Матиас. Темно было в домах, темным было и небо над Долиной Терновника’*. В первом из приведенных примеров ремой является обстоятельство места där, во втором — обстоятельство места i husen и группа подлежащего himlen över Törnrosdalen, о чем свидетельствует и русский перевод. В предложениях данного типа, таким образом, имеет место несовпадение темо-рематического и эмфатического членения предложения.

Для шведского языка, как и для других скандинавских языков, характерен особый тип выделения находящейся в инициальной позиции ремы⁹. Это выделительная синтаксическая конструкция *det är... som*, которая строится как сложноподчиненное предложение (СПП) с придаточным относительным, вводимым местоимением *som*. В главной части такого СПП употребляется местоимение *det* в функции формального подлежащего, глагол *vara* — в роли связки, а затем — выделяемая часть предложения.

Чаще всего посредством данной конструкции выделяется рематическое подлежащее: *Rakt i fördärvet skulle han dra iväg med dom, ifall ingen hindrade honom. Men någon måste ju hindra honom, tänkte jag. Och sen förstod jag: «Hjälp, det är jag som måste göra det! Och det kunde inte vänta»* (BL) *‘Он едет с ними для того, чтобы погубить их, если никто ему не мешает. «Но кто-то должен мешать ему», — думал я. А потом я понял: ведь это должен сделать я! И нельзя дольше мешкать’*; *Han trodde nog att det var tre spöken som stod där i trappan* (BB) *‘Улле подумал, что на лестнице стоят три привидения’*.

Выделяться могут также дополнения и обстоятельства: *De hade med sej bröd och gav honom, fastän de själva knappt hade något att äta. «Det behöver du, för det är en svår och farlig färd du ska ut på», sa de* (BL) *‘Они приносили хлеб и давали ему, хотя им самим почти нечего было есть. — Хлеб нужнее тебе, ведь тебе предстоит тяжкий и опасный путь, — говорили они’*; *«Frihetens storm ska komma, och den ska knäcka förtryckarna som när träd knäcks och faller...» Det var i Mattias kök han sa så där* (BL) *‘Грянет буря свободы, она сокрушит насильников подобно тому, как она рушит и валит деревья... Он сказал это на кухне Матиаса’*; *Därför kom han till mej, och nu är jag inte så lessen längre, nu bara väntar jag. Det var en kväll för lite sen som han kom* (BL) *‘Потому он и пришел ко мне,*

⁹ Ekerot L.-J. Op. cit. S. 115–116; Komarova O. A. Hvordan oversette den norske utbrytningskonstruksjon till russisk? // Øst møter vest. Tromsø, 2001. S. 40–47.

и теперь я больше не горюю, а просто жду. Он пришел ко мне вечером, совсем скоро'.

Конструкция *det är... som* может комбинироваться с другими средствами выделения ремы. В отдельных случаях это эмпфаза выделяемого члена: *Många var det som grät i Törnrosdalen den här dagen. Men inte Orvar (BL) 'В тот день в Долине Терновника плакали многие. Но только не Урвар*'.

Однако чаще рема выделяется еще и лексически, посредством наречия *bara*: *Han liksom växte i sadeln och blev stark, ja, Orvar var en av dom där modiga och starka precis som Jonatan. Det var bara jag som inte var modig alls (BL) 'Он словно вырос в седле и стал сильным. Да, Урвар был из породы храбрых и сильных людей, точь-в-точь как Юнатан. Один я был совсем не храбрым*'; «Hur enfaldigt», sa Mattias. «Tror han verkligen att det finns en enda förräddare i Törnrosdalen!» — «Nej, det är bara i Kårsbärsdalen som det finns en», sa Jonatan sorgset (BL) '*Какая чепуха! — усмехнулся Матиас. — Неужто он в самом деле считает, что в Долине Терновника найдется хоть один предатель! — Нет, один такой есть лишь в Долине Вишен. — сказал Юнатан*'. В этих предложениях наречие является дополнительным лексическим средством рематизации, ограничивающим референт, обозначаемый ремой, от других референтов.

Так же, как и эмпфаза, конструкция *det är... som* не является универсальным средством выделения ремы в шведском языке. Бывают случаи, когда она представляет тему предложения: *Alla tanterna som mamma syr klänningarna åt visste det också, och det var en av dem som pratade med mamma om det, så att jag råkade höra det (BL) 'Все тетишки, которым мама шьет платья, тоже про это знали, одна из них говорила об этом с мамой, а я случайно услышал*'.

Еще одним синтаксическим средством выделения ремы является так называемое переплетение (*satsfläta*) в рамках СПП. При переплетении выделяемая часть придаточного выносится в инициальную позицию и структурно становится частью главного предложения: *En vacker sorglig sång tycker jag det är (BL) 'Это красивая и печальная песня*'. Во многих случаях, как и в данном примере, выделение части придаточного в СПП с «переплетением» является не только рематическим, но и имеет ярко выраженный характер эмпфазы. Таким образом, смысловое и эмпфатическое членение совпадают.

В СПП с «переплетением» может, однако, выделяться и тема высказывания. «Vad är det ni letar efter», sa han. «Den där Lejonhjärta tror jag inte finns» (BL) '*— Чего вы ищете, — сказал он. — Сдается мне, что такого Юнатана Львиное Сердце и на свете-то нет*'.

Обобщая сказанное выше, следует отметить, что в СПП с субъективным порядком слов арсенал средств выделения ремы богаче, чем в предложениях с объективным порядком слов. На морфологическом уровне это неопределенная форма существительного, на синтаксическом — эмфатический порядок слов, выделительная конструкция *det är... som* и «переплетение» частей СПП. Кроме этого, употребляются лексические средства — выделительно-ограничительные наречия, в частности *bara*. Большую роль играет также просодическое выделение ремы, когда на нее падает сильное фразовое ударение.

Как показал анализ материала, в шведском языке не существует универсального средства выделения ремы высказывания, за исключением, пожалуй, только неопределенной формы существительного в функции рематического подлежащего. Что же касается выделительной конструкции *det är... som*, «переплетения» и эмфатического выделения, то эти средства могут выделять как рему, так и тему. Это подтверждает тезис Шведской академической грамматики о том, что в шведском языке не существует однозначных маркеров темы и ремы¹⁰. Во многих случаях роль той или иной части предложения в его информационной структуре помогает определить только контекст.

E. L. Zjiltsova

OLIKA SÄTT AV REMATISERING I SVENSKAN

Artikeln handlar om meningens informationsstruktur i svenskan. Tema-rema principen betraktas i samband med två kommunikativa typer av ordföljd: objektiv och subjektiv. Särskild stor uppmärksamhet ägnas åt placeringen av remat och olika medel som man använder för att visa att ett ord eller en fras är remat i satsen. Hit hör semantiska konstruktioner, sådana som utbrytning och satsflätning, *emfas*, substantivets obestämda form och vissa adverb. Men det finns ingen konstruktion i svenskan, vilken entydigt kan användas som remats markör. Ofta är det bara kontexten som hjälper till.

---

¹⁰ SAG. S. 432.

О. А. Комарова

ИМПОРТ СЛОВ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И СКАНДИНАВИЯ

В наше время глобализации и интеграции, отмеченное широким сотрудничеством по обмену информацией и новыми идеями, возрастает беспокойство лингвистов неанглоязычных стран по поводу сильного влияния английского языка на другие языки. Обширные международные научные и деловые контакты, культурный обмен, развитие новых технологий обуславливают возникновение новых понятий и необходимость в их обозначении, а значит, и проникновение в язык иностранных заимствований. По некоторым данным, английский язык является родным для 337 млн человек, а еще 1,2–1,5 млрд в разной степени владеют им¹. В то же время из 6 тыс. языков мира только 319 насчитывают более миллиона носителей, в том числе 3 скандинавских².

Заемствование слов из других языков феномен не новый, новым является его масштаб. Г. Кристофферсен считает, что независимо от отрицательного отношения остановить этот процесс невозможно, поскольку он отражает глобализацию и интернационализацию мировой политики и экономики³. Английский язык стал интернациональным языком — *Lingua franca*. Открываются необозримые возможности коммуникации в мире. Вместе с тем родной язык оттесняется, возникает даже угроза его существованию. В ближайшие 100 лет, по мнению некоторых ученых, погибнет около 80% языков мира.⁴ Совет Европы принял решения, поддерживающие статус национальных языков, в частности

¹ *Crystal D.* English as a Global language. Cambridge, 1997. P. 4.

² *Crystal D.* Language Death. Cambridge, 2000. P. 15.

³ *Kristoffersen G.* Purisme på norsk? // Norsk språkråds skrifter. 1997. N. 4. S. 93.

⁴ *Crystal D.* English as a Global language. P. 17.

Венский манифест по европейской языковой политике (Vienna Manifesto on European Language Politics). Родной язык участников всех заседаний Европейского союза (ЕС) должен учитываться обязательно, и для перевода всех материалов в аппарате ЕС имеются 500 штатных и некоторое количество нештатных переводчиков (данные 2003 г.), причем все время делаются попытки сократить список языков. Проблема становится особенно острой в связи с происходящим расширением ЕС.

В Скандинавии идут широкие дискуссии на темы, связанные с потоком заимствований из английского языка. Языковая и культурная общность стран региона является предпосылкой их сотрудничества. Цель в языковой области — всегда делать то, что помогает общению соседей. Известно, что Скандинавская конвенция о языке позволяет всем жителям пользоваться родным языком в другой скандинавской стране. Совет министров Северных стран создал специальную реферативную группу по языковой политике, а также Совет по языку и поручил лингвистам попытаться найти ответы на следующие вопросы: в какой мере произошла необратимая экспансия английского языка; что можно сделать, чтобы противостоять отрицательным последствиям ее в школах, университетах и на предприятиях; как можно управлять этим процессом; какие меры необходимы, чтобы повысить уровень владения английским языком и в то же время усилить позиции родного языка. Результаты исследования были представлены в книге Рене Хеглин «Английский язык — угроза и благо для Скандинавии»⁵. Автор говорит о следующих формах проявления влияния английского языка:

1. Процесс заимствования английских слов происходит, но количество заимствований не так велико, как иногда кажется. На одной странице скандинавской газеты встречается только от 0,5 до 1% слов, которые являются заимствованиями из английского языка. Естественно, что в разделах, связанных с молодежной поп-культурой, компьютерами, техникой, некоторыми видами спорта (гольф, баскетбол), процент заметно выше.

2. Наблюдается «смена кода», т. е. смена языка, используемого собеседниками в разговоре, в среднем раз в минуту. Часто это бывает употребление кратких фраз типа *That's not my business; No problem; Shit happens; Back to basics.*

3. Родной язык утрачивает некоторые сферы употребления (домены)⁶.

Крупнейшие фирмы и предприятия перешли на английский язык, что представляет большую опасность, поскольку прекращается появ-

---

⁵ Höglin R. Engelska språket som hot och tillgång i Norden // TemaNord. 2002.

⁶ Ibid. S. 56.

ление новой терминологии на родном языке. Возможно, вскоре станет невозможно говорить на производственные темы на родном языке. На этих фирмах и предприятиях он становится языком более низкого уровня, применяемым только в бытовой сфере — исследователи называют это явление в странах третьего мира «лингвистический империализм».

Распространение использования английского относится к исследованиям в области естественных наук, высокотехнологическим отраслям промышленности, преподаванию в университетах. Увеличивается количество докторских диссертаций на английском языке, и главной причиной этого является желание выйти на международный уровень. Но мыслить оригинально, как пишет Б. Мэллум, легче на родном языке, так же как читать лекции профессорам или писать курсовые работы студентам⁷. Как выпускникам норвежского вуза общаться на работе с коллегами по-норвежски на профессиональные темы, если образование было получено на английском языке? Введение преподавания по-английски в шведской школе уже привело к меньшей творческой активности учеников.

В ноябре 2003 г. в г. Трондхейме состоялась научная конференция об употреблении английского языка в академической среде, на которой отмечалось влияние употребления английского языка неносителями языка на качество научной продукции. Тове Бюльль отмечает, что в выигрышном положении на конференциях оказываются люди, лучше владеющие языком. Происходит подмена понятий, когда худшее владение языком воспринимается как худшее качество научной работы. В Норвегии и Швеции проведены исследования по употреблению английского языка в экономике и академической среде⁸. Высказываются предупреждения о том, что это уже приводит к преобладанию носителей английского языка на научных форумах и в журналах⁹.

Председатель шведской языковой комиссии Олле Юсефсон видит два сценария будущего развития событий. По первому английский язык становится языком элиты, а родной выходит из употребления (и устного, и письменного) в таких сферах, как генная технология, экология, валютная политика, организация труда, и переходит только в сферу бытового общения. По второму, более благоприятному, сценарию

⁷ Mæhlum B. Engelsk eller norsk? // Samtiden. 2002. N. 4. S. 133.

⁸ Ljøstrand R. Engelsk som akademisk språk i Norge: En dokumentstudie // NTNU. 2003; Grønvik A.K. «Ja, der har vi ikke noe valg, det er jo ikke noe alternativ»: En kasusstudie av en norsk bedrift med engelsk som konsernspråk // NTNU. 2003.

⁹ Ammon U. Global English and the Non-native Speaker: Overcoming disadvantage // Language in the 21st Century. Amsterdam; Philadelphia, 2003. P. VII.

идет развитие многоязычия и в обществе целом, и у каждого жителя страны. Население одинаково хорошо владеет и родным, и английским языком¹⁰.

В последнее десятилетие в печати Скандинавских стран были опубликованы любопытные результаты нескольких опросов о степени использовании английского языка в разных сферах жизни. Вот результаты опроса, проведенного норвежской газетой «Верденс Ганг» (4 декабря 1999 г.). На вопрос, как сами норвежцы оценивают свое знание английского языка, были получены ответы (всюду в процентах): 26 — очень хорошее, 42 — довольно хорошее, 16 — не очень хорошее, 11 — плохое, 5 — совсем никакое. На вопрос «Насколько важно понимать и говорить по-английски?» ответили: 53 — очень важно, 31 — довольно важно, 13 — не очень важно, 3 — совсем не важно. Последним был вопрос: «Использование английского языка в передачах телевидения, в торговле, во время поездок за рубеж и в Интернете растет, при этом одновременно уменьшается использование норвежского. Как вы оцениваете широкое употребление английского языка?». Одиннадцать процентов опрошиваемых ответили очень положительно, 30 — в основном положительно, 36 — безразлично, 20 — в основном отрицательно, 3 — очень отрицательно.

Существующие в каждой стране советы по языку следят за его состоянием, высказывают свои рекомендации по форме новых заимствований и созданию соответствующих скандинавских эквивалентов. Кроме этого, в некоторых странах есть терминологические комиссии, которые регулярно проводят стандартизацию терминов.

Скандинавский языковой совет, созданный в 1997 г., координировал деятельность национальных советов исходя из двух принципов: 1) если в одной стране найден хороший эквивалент английского слова, то другие страны должны воспользоваться им; 2) при определении языковой политики страны должны учитывать опыт других Скандинавских стран¹¹. С начала 2004 г. функции этого Совета переходят к новому органу — Nordpluss Språk. Растет понимание того, что необходимы политические методы влияния на данную проблему. В Швеции весной 2002 г. парламентская комиссия доложила о плане мероприятий по укреплению позиций шведского языка. Поскольку некоторые восприняли этот документ как попытку ограничить использование английского языка в принципе,

¹⁰ Höglin R. Op. cit. S. 39.

¹¹ Sandøy H. Moderne importord i Norden: Ei gransking av bruk, normer og språholdningar // Språk i Norden. København, 2002. S. 218–219.

было дано разъяснение, что никто не намерен ущемлять право индивидуума на выбор языка.

Олле Юсефсон видит четыре пути в осуществлении политики поддержания жизнеспособности национального языка¹²:

1. Каждая страна должна защищать свой язык на центральном уровне. Например, докторские диссертации, написанные по-английски, должны содержать резюме на родном языке. В профессиональных дискуссиях выступающие также должны иметь право выступать на родном языке. Органы власти и все официальные учреждения должны содержать на своих сайтах информацию преимущественно на скандинавском языке, а по возможности на каком-то третьем — не обязательно английском — языке.

2. Необходимо приложить усилия для развития многоязычия в особо угрожаемых сферах, т. е. улучшать знание английского и других иностранных языков и родного. В университетах необходимо вырабатывать навыки общения на родном языке, а не только на английском. На предприятиях и в фирмах, где основным является английский, руководство должно иметь языковые программы, чтобы все могли выполнять задания, пользуясь разными языками. Школы должны поощрять интерес молодежи к изучению разных иностранных языков, не только английского.

3. Скандинавские страны должны выработать общую языковую политику для участия в международных, нескандинавских мероприятиях. Язык в международной политике — большой вопрос. В ЕС все время обсуждается, сколько рабочих языков должно быть, и высказываются предложения сократить их число до 2–3. В Международном патентном бюро для всех стран предлагается оставить только английский, немецкий и французский языки.

4. Необходимо проводить больше исследований. Люди плохо представляют себе, как функционирует язык. Один профессор-микробиолог утверждал, что «интуитивно» чувствует, что студенты усваивают материал хуже, если он излагается не на родном языке. Прав ли он? Какова степень владения языком в фирмах и на предприятиях с основным английским, если инженеры и экономисты там заметно менее активны и говорят меньше? Только ответив на эти и тому подобные вопросы, можно вырабатывать языковую политику¹³.

В 1999 г. по инициативе Скандинавского языкового совета была начата работа по проекту «Современный импорт слов и Скандинавия» —

---

¹² *Josephson O.* The English Language as a Threat and an Asset in the Nordic Countries // *Språk i Norden*. 2002. S. 120–121.

¹³ *Ibid.* S. 83–84.

изучалось отношение людей к заимствованиям из английского языка. Вот интересные данные, полученные от информантов в соответствующих странах (в Финляндии отдельно для лиц с родным финским и родным шведским языком).

«Сегодня используется слишком много английских слов» (согласен/не согласен с этим утверждением, % от всех отвечавших): Норвегия — 62/23, Исландия — 60/32, Швеция — 54/32, Финляндия (ф.) — 54/34, Финляндия (шв.) — 46/38, Фарерские острова — 45/42, Дания — 41/44.

«Английские слова надо заменять словами родного языка» (согласен/не согласен): Фарерские острова — 67/18, Исландия — 63/23, Норвегия — 53/35, Финляндия (шв.) — 52/33, Финляндия (ф.) — 47/41, Швеция — 43/39, Дания — 33/57.

Задавались также конкретные вопросы по предпочтительному употреблению какого-то слова из пары, где есть признанный термин родного языка и английское слово, например, обычно употребляемое в e-post или (e-)mail: Финляндия (ф.) — 71/19, Фарерские острова — 58/28, Норвегия — 50/33, Исландия — 46/42, Финляндия (шв.) — 44/33, Швеция — 35/51, Дания — 10/81.

Был задан вопрос: «Ваше отношению к использованию английского языка в качестве основного на некоторых предприятиях или в фирмах?» (положительное/отрицательное): Дания — 51/30, Норвегия — 39/38, Финляндия (ф.) — 35/41, Швеция — 28/47, Финляндия (шв.) — 25/56, Фарерские острова — 25/60, Исландия — 11/77. Видно, что между странами есть довольно большие различия.

Язык является свидетельством живой национальной культуры. Театр и кино сохраняют национальный язык. Впрочем, растет и количество фильмов, снимаемых на английском языке. Художественная литература издается на родном языке, специальная (техническая) — чаще всего на английском.

В Дании проникновение английского языка достигло наибольшей степени. «Даже такая абсолютно датская еда, как ветчина, продается куском под названием *sliced p  l  g*, а тонко нарезанная — *silk cut p  l  g*»¹⁴. В 2000 г. в университетах Дании началась настоящая языковая война в связи с переходом естественнонаучных факультетов на преподавание на английском языке. У этого процесса были противники, они говорили: «Уж если университеты не будут бастионами родного языка, то кто же?»¹⁵

---

¹⁴ *Davidson-Nielsen N.* Statusplanl  gning som et nyt arbejdsomr  de for Dansk Sprog  vn // *Spr  k i Norden*. 2000. S. 47.

¹⁵ *Ibid.* S. 53.

Совет по языку подчеркивает необходимость вести разъяснительную работу, повышать уровень знания английского языка и поддерживать использование родного языка в тех сферах, которые находятся в опасной зоне.

O. A. Komarova

ENGELSK ORDIMPORT OG NORDEN

Vår tid karakteriseres ved en globalisering og et bredt samarbeid mellom nasjonene. Utviklingen av nye teknologier, kulturell og økonomisk utveksling fører til at det oppstår mange nye begreper og som følge lån av tusener nye ord fra andre språk. Engelsk er absolutt nummer ett blant disse språk, faktisk vår tids lingua franca. I Norden fører man livlige diskusjoner om forskjellige former for engelsk språkinflytelse. Artikkelen forteller om diskusjonene og befolkningens forhold til utbredelse av engelsk i Norden og ordimport fra dette språk.

Е. В. Краснова

ЧАСТОТНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СЛОЖНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблемам словосложения в датском языке до сих пор уделяется недостаточно внимания. Если на материале других германских языков, в частности английского и немецкого, в отношении сложного слова неоднократно рассматривался целый спектр проблем, например, вопросы о разграничении лексического и синтаксического, создании классификации семантических и синтаксических отношений, возможности предсказуемости и выводимости значений, то рассмотрение этой проблемы на материале датского языка ограничивается лишь кратким описанием в разделах грамматик и несколькими работами, посвященными частным проблемам¹. Вместе с тем в датском языке, где словосложение является важнейшим способом создания новых лексических единиц и при этом потенциально возможно образование бесконечного числа окказиональных композитов, в которых первый и второй компоненты выражают чрезвычайно многообразные связи, изучение всей проблематики, связанной со сложным словом, представляет значительный интерес в целом ряде отношений. Поскольку композит в германских языках занимает промежуточное между лексической единицей и синтаксическим образованием положение, для каждого языка требуется определение сложного комплекса его признаков, по возможности более полное описание типов сложных слов и установление основных

---

¹ Hansen Å. *Moderne dansk*. København, 1967; Jarvad P. *Nye ord — hvorfor og hvordan?* København, 1995; *Danish: A Comprehensive Grammar*. London — New York, 1995; Hansen E. *Orddannelse på hjemlig grund // Sprog i Norden*. 1985. N 4; Køneke M. *Søvnbesvær & sovepiller: Om substantiviske komposita // Danske studier*. København, 1989; Køneke M. *Surdejsskålen og oliefuglene: Om komposita og «bekvemmelighedskomposition» // Danske studier*. København, 1990.

функций словосложения в строе языка в их противоречии и взаимодействии. Кроме этого, подобное исследование важно и для решения целого ряда вопросов прикладного характера. Установление определенных семантико-синтаксических закономерностей позволяет использовать эти данные в практике преподавания языка, уделив особое внимание формированию навыков самостоятельного образования композита, который содержит в себе в свернутом, компактном виде некую конструкцию. Подобного рода исследования могут быть также использованы и в лексикографической практике, поскольку дают возможность представить в словаре многочисленные «серии» с одним общим компонентом, что сделано на материале целого ряда языков и до сих пор не разработано в датской лексикографии.

В датском языке, как и в других германских языках, многообразие различных типов семантических отношений между первым и вторым элементами особенно велико у композитов с субстантивной основой.

В последние десятилетия в современном датском языке получили значительное распространение продуктивные модели композитов, содержащие частотные вторые компоненты-существительные. Образование сложных слов с этими компонентами приобрело в настоящее время лавинообразный характер: новые слова входят в речевое употребление не постепенно, а стремительно, так что быстро образуются определенные модели, которые служат затем основой для создания новых слов. Такие слова, получившие в последние десятилетия широкое распространение и иногда называемые модными словами, особенно часто встречаются на страницах газет и журналов.

Представляется, что рассмотрение именно такой динамичной части лексического состава интересно с точки зрения композитологии. Однако описание подобных словообразовательных моделей с популярными компонентами — достаточно сложная задача, поскольку не всегда легко отделить устоявшиеся явления от окказиональных, определить статус слова в языке и речи, а также его стилистические параметры.

Изучение современных процессов словообразования на новом уровне стало возможно благодаря новому источнику материала — созданной Обществом датского языка и литературы (Det Danske Sprog- og Litteraturselskab) электронной базе данных, которая размещена в Интернете и доступна всем желающим². Это собрание слов и примеров их употребления под названием *korpus 2000*, появившееся на сайте Обще-

---

² www.korpus2000.dk

ства датского языка и литературы осенью 2002 г., состоит из 28 млн слов, собранных из 110 тыс. различных текстов из газет, журналов, художественной литературы, дневников, выступлений и т. п., относящихся к периоду 1998–2002 гг. Таким образом, это наиболее полное собрание датской лексики, отражающей современное состояние языка. Кроме этого, Общество датского языка и литературы обработало данные по предыдущему периоду за 1988–1992 гг. и поместило их на своем сайте под названием *korpus 90*, который также насчитывает 28 млн слов, что позволяет исследователю проследить динамику развития и определить некоторые тенденции.

До сих пор единственным собранием датской лексики была картотека Комитета по датскому языку (Dansk Sprognaevn). Сотрудники этого комитета, созданного в 1955 г., следят за развитием языка, собирая материалы газет, журналов, художественной литературы, слушая радио и просматривая телевизионные передачи. Постоянно идет работа по пополнению электронной базы данных. В картотеке, насчитывающей более 300 тыс. слов, регистрируются все новые слова, а собранные материалы становятся основой для научной работы сотрудников этой организации и всех филологов, интересующихся вопросами современного развития языка. Таким образом, результаты работы этой организации также могут служить основой для изучения языковой ситуации в Дании, поскольку прекрасно отражают происходящие процессы.

Рассмотрение композитов типа N + N с частотным вторым элементом на материале этих двух собраний, а также Словаря новых слов³ позволяет выделить около 80 вторых компонентов-существительных, получивших широкое распространение за последние десятилетия, причем для некоторых из этих элементов количество новых слов, зарегистрированных в электронной базе данных *korpus 2000* и в картотеке Комитета по датскому языку, может исчисляться сотнями.

Композиты с популярными элементами неоднородны по графическому оформлению, по семантике, по типам взаимоотношений первого и второго компонентов, а также по характеру семантических изменений компонентов.

Среди частотных компонентов выделяются две группы. Появление первой группы существительных с такими вторыми компонентами, как, например, -arbejde 'работа', -bus 'автобус', -cafe 'кафе' -center 'центр', -gruppe 'группа', -hus 'дом', -princip 'принцип', -samfund 'общество', часто связано с действием экстралингвистических факторов, с появлением

---

³ Jarvad P. Nye ord. Ordbog over nye ord i dansk 1955–1998. København, 1999.

нием в жизни общества новых явлений и процессов. Эти существенные обозначают предметы, явления, понятия и, как правило, не обладают сложной семантикой. Слова этой группы оказываются очень частотными. В словаре новых слов зафиксировано, например, 65 новых слов со вторым элементом *center* 'центр', что связано с появлением различного рода центров (молодежный центр, детский центр, центр для пенсионеров и т. п.). При этом в электронной картотеке Центра датского языка зарегистрировано 350 слов со вторым элементом *-center*. В собрании *korpus 2000* их насчитывается более 500. Остальные элементы этой группы являются очень частотными в словаре, но еще более частотными в картотеке Центра датского языка и в электронной базе данных *korpus 2000*.

Сравнение сложных слов с этими компонентами в собраниях *korpus 90* и *korpus 2000* говорит о значительном увеличении количества реализаций в последнем случае. При этом в собрании *korpus 2000* можно получить информацию и о появлении нового слова (сравнив с данными в предыдущем собрании), и о более частом употреблении уже имевшегося в языке слова.

Большая часть слов этой группы — цельнооформленные атрибутивные сочетания с главным вторым компонентом. Семантические отношения между элементами весьма многообразны, однако можно выделить несколько преобладающих типов: отношение принадлежности (*biblioteksbus* 'библиотечный автобус', *firmabus* 'автобус фирмы'), отношение предназначения (*feriebus* 'автобус для отпуска', *debatcafe* 'кафе для проведения дебатов'), отношения местоположения (*bysamfund* 'городское общество'), отношение времени (*døgnbus* 'автобус, который ходит круглые сутки', *fuldtidsarbejde* 'работа в течение полного рабочего дня'), отношение «А состоит из В» (*kvindesamfund* 'общество, состоящее из женщин').

Несмотря на частотность употребления и постоянную воспроизводимость в речи, в этой группе частотных компонентов не наблюдается ослабления семантики второго компонента и тенденции к грамматикализации.

Наибольший интерес представляет другая группа композитов с такими вторыми элементами, как *-aktion* 'акция', *-apparat* 'аппарат', *-avis* 'газета', *-bånd* 'лента, пленка', *-cirkus* 'цирк', *-demokrati* 'демократия', *-død* 'смерть', *-effekt* 'эффект', *-facilitet* 'удобство', *-flade* 'поверхность', *-flugt* 'побег, бегство', *-funktion* 'функция', *-ghetto* 'гетто', *-ideologi* 'идеология', *-imperialist* 'империалист', *-imperium* 'империя', *-kløft* 'пропасть', *-krig* 'война', *-kult* 'культ', *-kultur* 'культура', *-land*

'страна', -landskab 'пейзаж', -linje 'линия', -mafia 'мафия', -miljø (окружающая среда), -pakke 'пакет', -pleje 'уход', -safari 'сафари', -shop 'магазин', -situation 'ситуация', -skov 'лес', -støtte 'поддержка, пособие', -syndrom 'синдром'.

Для всех этих компонентов характерно увеличение продуктивности. Например, в *korpus 2000* зафиксировано 98 слов со вторым компонентом -miljø, при этом сравнение с собранием *korpus 90* показывает, что в 37 случаях речь идет о появлении нового слова с этим компонентом, а для 15 слов отмечено значительно более частотное употребление. Однако наряду с общим увеличением сложных слов с этими компонентами часть слов уходит из сферы употребления, поскольку обозначаемые ими понятия и явления теряют актуальность. Например, согласно *korpus 2000*, менее употребительны стали 23 слова, содержащие второй компонент -miljø.

Изучение новых слов, вошедших в датский язык за последние десятилетия, показало, что несмотря на бытующее мнение о том, что большинство таких слов возникает как наименования новых явлений и предметов в окружающей нас жизни, самая большая их группа — это слова, которые были созданы в связи с необходимостью по-новому взглянуть на окружающую действительность, выделить в ней какие-то новые черты. К таким словам и относится большинство композитов, в состав которых входят рассматриваемые компоненты второй группы.

У некоторых из этих слов наблюдаются колебания в отношении написания, встречается как слитное, так и дефисное написание (композиты с НС -effekt и -syndrom). Характер взаимоотношений первого и второго компонентов также многообразен, как и у существительных первой группы; преобладающими типами являются: местоположение (universitetsmiljø 'университетская среда'), предназначение (stabilitetspakke 'пакет предложения по созданию стабильности'), время (lørdagsavis 'субботняя газета'), сравнение (placeboeffekt 'эффект плацебо'). Для большинства исходных слов характерна более сложная семантика. Одной из отличительных особенностей этой группы является расширение значения (-landskab, -pakke), либо метафоризация второго элемента (-cirkus, -død, -skov), либо видоизменение семантики, а иногда и ослабление ее, что явно свидетельствует о возможности превращения этих компонентов в аффиксы. Нет сомнений в том, что часть изменений семантики второго компонента произошла под влиянием английского (-effekt, -syndrom, -landskab, -ideologi, -kløft и др.), однако в дальнейшем видоизмененные компоненты стали чрезвычайно продуктивными, вступая в образования с датскими словами.

Композиты рассматриваемой группы, несмотря на явную прозрачность второго элемента, в некоторых случаях являются структурно-немотивированными, то есть налицо отсутствие прямых смысловых связей между компонентами композита, что отражает отсутствие таких связей между предметами действительности, обозначенными компонентами сложного слова. Разрыв прямой связи между компонентами сложного слова ведет к образованию различных видов эллипсиса, характерного особенно для большого числа новых сложных слов. Сложные слова типа N + N являются одной из типичных сфер таких эллиптических построений.

При этом характер и степень эллиптичности, а также возможность ее реконструкции могут быть очень разнообразными. В целом ряде случаев отсутствующие в смысловой структуре элементы незначительны и легко домысливаются, как, например, в слове *golfsyndrom* 'синдром войны в Персидском заливе' (исходный композит — *golffkrigssyndrom*). Подобные структурно-немотивированные слова, которые Б. Уоррен называет «неполными»⁴, весьма распространены. При этом «неполнота» смысловой структуры таких образований может иметь различный характер. В случае *golfsyndrom* отсутствие элемента *krig* не очень ощутимо, поскольку первый элемент достаточно точно олицетворяет войну в Персидском заливе. В данном случае трудно сказать, имеем ли мы дело с эллиптичностью или же с соединением элемента *golf*, являющегося метонимическим обозначением данного события, и слова «синдром». Аналогичный тип эллиптичности можно наблюдать в словах *pleje (hjems) assistent* 'ассистент дома для престарелых', *personale (ledelses) funktion* 'функция руководства персоналом'.

В других, более сложных, случаях отсутствующие знаки вообще не могут быть восстановлены без непосредственного обращения к обозначенному предмету действительности и к контексту, в котором данное слово употребляется. При этом контекст может быть языковым и ситуативным. В языковом контексте выпущенный элемент содержится в той или иной части текста. Если речь идет о ситуативном контексте, то отсутствующий элемент композита невозможно восстановить при помощи текста, поскольку он находится вне его (*taxameterprincip* 'принцип счетчика такси' (о финансировании высших учебных заведений), *tørklædesag* 'дело о платках' (о деле, возбужденном в связи с запретом носить платки мусульманкам), *ketchup-effekt* 'эффект кетчупа' (о неожиданном ходе развития)).

---

⁴ Warren Beatrice *Semantic Patterns of Noun-noun Compounds* (Gothenburg Studies in English 41). Göteborg, 1978.

Чрезвычайная продуктивность рассматриваемых частотных элементов приводит иногда к тому, что созданное сложное слово приобретает значение, которое отличается от наиболее вероятного значения в случае, если бы такое слово воспринималось вне контекста на основании логико-предметного соотношения компонентов.

Одними из наиболее ярких представителей «модных» компонентов, употребление которых постоянно растет, являются HC -effekt и -syndrom.

Анализ смысловой структуры образований N + effekt не может быть произведен без всестороннего рассмотрения семантики слова effekt, как отдельно взятого, так и выражений, в которых оно используется и которые могут оказывать определенное воздействие на создание смысловой структуры образований N + effekt.

В собрании *korpus 2000* зарегистрированы 33 слова с этим элементом на втором месте. При сопоставлении этих примеров с собранием *korpus 90* в современном материале обнаруживается увеличение на 13 единиц, кроме того, количество примеров на каждое слово также возросло. Значительное увеличение употребительности отмечено у 22 слов. В картотеке новых слов Комиссии по датскому языку зарегистрировано более 200 слов со вторым компонентом -effekt.

В качестве первых элементов композитов со вторым элементом -effekt могут выступать существительные обозначающие лиц (statsministereffekt 'эффект премьер-министра', borgmestereffekt 'эффект бургомистра', købmandseffekt 'эффект владельца магазина'), при этом достаточно распространены образования композитов с собственным именем (Gorbatjov-effekt, Le Pen-effekt, Morten Olsen-effekt, Pia Kjærsgaard-effekten, Rip Rap Rup-effekt), в которых первый член композита утрачивает собственную номинативную связь с лицом и слово становится типизирующим. Образование метафоричных композитов, в которых содержится сравнение по форме, цвету, характеру протекания действия и т. п. (mosaikoeffekt 'эффект мозаики', boomerangeffekt 'эффект бумеранга', dominoeffekt 'эффект домино', lavineeffekt 'эффект лавины'), достаточно распространено. Часто встречается тип: отглагольное существительное + effekt (fortrængnings-effekt 'эффект вытеснения', forstyrelseeffekt 'эффект беспокойства', handlingseffekt 'эффект действия', ophobningseffekt 'эффект накопления'). В целом необходимо отметить, что некоторые «модные» слова, утрачивая связь с контекстом, по прошествии некоторого времени перестают быть прозрачными и даже носители языка не всегда могут сказать, в чем же состоит суть данного «эффекта».

Согласно словарю современного датского языка, можно выделить следующие значения опорной лексемы effekt:

- 1) воздействие, результат;
- 2) впечатление, воздействие.

В данном случае не принимается во внимание существование еще одного значения этого слова, используемого в большинстве случаев в форме множественного числа (effekter 'вещи, ил. щество, личная ответственность').

При сравнении семантики НС -effekt и опорной леммы обнаруживается расширение объема значения второго компонента:

1) результат, следствие, воздействие того, что обозначено первым компонентом (ja-effekt 'результат того, что на референдуме большинство проголосует «за»');

2) впечатление производимое на кого-л. (sneboldeffekt 'эффект снежного кома', gøgeungeffekt 'эффект кукушат');

3) средство, прием для создания определенного впечатления (lydeffekt 'звуковой эффект');

4) переносное значение о чем-то выступающем, заметном (lomme-effekt 'эффект кармана').

Таким образом, для указанного компонента характерно расширение значения и участие в создании большого количества метафорических образований. Расширение значения компонента может привести к неоднозначности некоторых объединений. Например, reklameeffekt теоретически может означать не только следствие рекламы, но и впечатление от рекламы, а также рекламный прием.

Второй популярный компонент, -syndrom, на первый взгляд менее частотен. Однако, хотя в собрании *korpus 2000* зарегистрировано только 20 композитов со вторым элементом, по сравнению с предыдущим собранием отмечено резкое увеличение использования этих слов. Карточка новых слов Комиссии по датскому языку насчитывает более сотни новых слов со вторым элементом -syndrom.

Словарь современного датского языка так определяет значение опорной леммы -syndrom: сочетание симптомов заболевания, характеризующих болезнь, картина болезни.

Сопоставление семантики НС -syndrom и опорной леммы позволяет обнаружить расширение объема значения второго компонента и появление двух дополнительных значений:

1) характерная модель поведения, отличающаяся от нормальной (misundelssyndrom 'синдром зависти');

2) комплекс разнородных (отрицательных) явлений, обусловленных одной и той же причиной (børnehavesyndrom 'неожиданное совпадение модели поведения у детей разных детских садов').

Среди композитов с НС -syndrom также встречается много образований с переносно-образным содержанием.

Подобные процессы характерны в большей или меньшей степени для всех частотных композитов второй группы. Во всех случаях при увеличении частотности наблюдается либо расширение объема значения компонента, либо метафоризация.

Проанализированный материал показывает, как появившиеся в 50-х гг. XX в. сложные слова с частотными компонентами получали все большее распространение в последующие десятилетия благодаря своей универсальности, лаконизму и эмоционально-экспрессивной окраске. Принадлежащие бесконечному множеству комбинаций сегменты речи приобретают стереотипность и воспроизводимость, обогащая инвентарь языковых средств, а расширение значения во многих случаях свидетельствует о намечающейся тенденции к лексикализации рассматриваемых компонентов.

E. V. Krasnova

HYPPIGT FOREKOMMENDE ELEMENTER AF SAMMENSÆTNINGER I MODERNE DANSK

I artiklen beskrives der nogle tendenser i det danske ordforråds udvikling. Materialet er hentet fra *korpus 2000* og andre kilder. Der behandles substantivsammensætninger med hyppigt forekommende andet led, forhold mellem første og andet led og semantiske ændringer af sammensætningens led.

Э. Б. Крылова

КОММУНИКАТИВНАЯ СЕМАНТИКА ДАТСКИХ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Проблема описания семантики вопросительных предложений является важной для современной лингвистики. Актуальность такого исследования вызвана растущим интересом к речевому акту и человеку как субъекту речевой деятельности, коммуникативные намерения которого отражаются на структуре дискурса. Подчеркивая необходимость исходить из принципа «у каждой формы свое значение» при анализе грамматической семантики, А. В. Бондарко пишет: «Без достаточного внимания к форме, к вопросам “как это выражено?”, “чем отличается значение данной формы от значений других форм?”, без специального анализа языковых структур в их отношении к выражаемому содержанию изучение семантики может утратить научную строгость»¹.

Наше обращение к заявленной теме объясняется тем, что, насколько нам известно, ни в работах датских лингвистов, ни в отечественных исследованиях по датскому языку этой проблеме не уделялось достаточного внимания, возможно, в силу кажущейся простоты, возможно, из-за отсутствия до недавнего времени общей системы методов и инструментов такого описания; а также желанием обсудить результаты исследований функционирования датских модальных частиц в вопросительных предложениях различной формальной структуры².

¹ Бондарко А. В. О роли формы в функциональном анализе грамматических единиц, классов и категорий // Материалы междунаро. конф., посв. 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С.163–165.

² Крылова Э. Б. Датские модальные частицы *mon, vel, vist* в вопросительных предложениях // XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Архангельск, 2001. С. 331–333.

Многообразие форм вопросительных предложений в датском языке, их кажущаяся эквивалентность затрудняют выбор носителем языка нужной структуры вопроса, соответствующей данной коммуникативной ситуации. К тому же, как показывают предварительные результаты проведенного исследования, коммуникативная стратегия русской речи несколько отличается от датской³. Понимая всю сложность заявленной проблематики, требующей серьезного исследования с привлечением самых разных параметров коммуникативной прагматики, и не претендуя на всеохватность языкового материала, мы попытаемся в рамках данной статьи обратить внимание прежде всего на зависимость формальной структуры вопросов от установки говорящего⁴, а также дать описание их семантики, что, в свою очередь, позволит решить проблему адекватности их перевода на русский язык.

В современной лингвистике нет единой классификации вопросительных предложений. Представляется удачной классификация вопросов, разработанная Ш. Балли⁵, который подразделил все вопросы на 4 типа в зависимости от того, идет ли в них речь о содержании пропозиции (диктум) или о пропозициональном отношении (модус):

1) Полный диктальный, предполагающий незнание спрашивающим события в целом и направленный ко всему содержанию ответного высказывания: *Hvad er der sket?* 'Что случилось?';

2) Частичный диктальный, предполагающий незнание частного аспекта события и направленный к части информации, заключенной в ответном высказывании: *Hvem siger det?* 'Кто это говорит?';

3) Полный модальный, предполагающий, что известно событие в целом, но не известно, соответствует ли оно действительности. Такой вопрос имеет целью установить истинность информации: *Bor du i Danmark?* 'Ты живешь в Дании?';

4) Частичный модальный, выражающий сомнение в частном аспекте известного в целом события: *Nar du virkelig talt kun med hende?* 'Ты действительно говорил только с ней?'.

В отечественной лингвистике модальные вопросы принято называть общими, или альтернативными (также — верификативные:

³ О коммуникативной стратегии русской речи см.: Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи // Языки славянской культуры. Studia philologica. 2001.

⁴ Понятие «установка говорящего» введено в работе Kiefer F. Some Semantic and Pragmatic Properties of WH-question and the Corresponding Answers // SMIL. 1977. N 3. P. 42–71.

⁵ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 47–48.

да/нет-вопросы), а диктальные — специальными, или частными, т. е. требующими конкретизации, а также вопросами с вопросительными словами. С. Н. Кузнецов предлагает называть общие вопросы неспециальными в противопоставлении специальным, подчеркивая, что оппозиция «общейинформативное предложение — частнойинформативное предложение» распространяется на все их виды, как повествовательные, так и вопросительные⁶. В рамках данной статьи мы остановимся только на анализе модальных вопросов различной структуры. Для нашего анализа необходимо также разграничить по формальным признакам вопросы повествовательной структуры и вопросительной структуры. Кроме того, по принципу наличия или отсутствия в структуре вопросительного предложения показателя негации противопоставляются негативные и позитивные вопросительные предложения. Необходимость такого противопоставления в датском языке будет понятна по ходу изложения. В русском же языке это противопоставление проводится всеми исследователями семантики вопросительного предложения⁷. Проблеме негации в вопросительном предложении также уделяют большое внимание специалисты по немецкому языку⁸.

Спрашивающий, задавая вопрос собеседнику, выбирает ту или иную структуру вопроса в зависимости от своих исходных предположений, ожиданий, т. е. от установки, которая отражает субъективное отношение говорящего к пропозициональному содержанию вопроса. Другими словами, говорящий как бы инструктирует слушающего относительно того, какой ответ он рассчитывает получить. Субъективное отношение говорящего состоит из эпистемической (достоверность высказывания) и аксиологической (хорошо / плохо, желательно / нежелательно) оценок. При этом аксиологическая модальность не является обязательным признаком коммуникативной установки говорящего, однако, не имея, по мнению многих лингвистов, прямых синтаксических способов выражения, она обнаруживается в текстах в виде различных эмотивных структур и прочих специфических форм.

Двигаясь в направлении от формы к содержанию, обратимся сначала к **вопросительным предложениям повествовательной структуры.**

⁶ Кузнецов С. Н. Теоретическая грамматика датского языка: Синтаксис. М., 1984. С. 164.

⁷ См., напр.: Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. М., 2000.

⁸ Franck, Dorothea. Abtunungspartikler und Interaktionsmanagement Tendenziuse Fragen // Die Partikeln der deutschen Sprache / Hrsg. von Harald Weydt. Walter de Gruyter. Berlin; New York, S. 3–13.

I. Одной из интересных разновидностей таких вопросительных предложений можно считать утвердительные предложения с так называемым **вопросом-привеском** в конце.⁹ Двусоставная структура такого предложения — утвердительное предложение + вопрос-привесок — способствует тому, что целиком оно воспринимается как верификационный вопрос к пропозиции: *Er det sandt at... 'Это правда, что...'*. Такой апеллирующий к истинностной оценке вопрос можно присоединить практически к любому сообщению¹⁰. При этом в зависимости от наличия или отсутствия негации в пропозиции спрашивающий использует соответственно *vel* или *ikke* в качестве вопроса-привеска:

1) Hans mor er på arbejde, ikke? — Jo.

Его мама на работе, да? — Да.

2) Du har ikke nøglen, vel? — Nej.

У тебя нет ключа, правда? — Нет.

3) Det var en god film, ikke? — Jo.

Это был хороший фильм, да? — Да.

4) Vi kan ikke spise mere, vel? — Nej.

Мы не можем больше есть, правда?

5) Så gik vi ud, ikke, for vi gad ikke se dem danse, vel?

Тогда мы пошли на улицу, да, потому что не хотели смотреть, как они танцуют, правда?

Условия успешности такого вопроса могут быть самые разные:

— говорящий не знает ответа на этот вопрос и рассчитывает, что его знает адресат: (1), (2);

— говорящий дает свою оценку ситуации, события и рассчитывает на ее принятие со стороны адресата, на его согласие: (3), (4);

— говорящий сообщает нечто адресату и использует вопрос-привесок для поддержания внимания слушателя; такая «контактоустанавливающая функция» вопросительных предложений характерна только для разговорной речи: (5)¹¹.

Интерес для нас представляют прежде всего случаи, когда говорящий не располагает достоверной информацией, но высказывает свое

⁹ «Tag-question» — по терминологии: *Wierzbicka, Anna. The Semantics of Grammar. Amsterdam. 1988;* и «pehngende» — по терминологии: *Davidson-Nielsen, Niels. Det er sgu da nu vist en misforsteelse: Om nogle svjre smeord pe dansk // Nyt fra Sprogjvnet. 1993. N 3. S. 1–9.*

¹⁰ *Арутюнова Н. Д. Речеповеденческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М. С. 6–40.*

¹¹ См. о «kontaktpåkaldelse»: *Lund, Jorn. Sprog og sprogbrug i dag: 6 kapitler om det danske sprog i det 20. Århundrede. Kbh., 1982.*

предположение в виде утверждения: (1), (2). Ikke и vel в таких вопросах — модальные иллюкутивные показатели, эксплицирующие установку говорящего: не имея знания о достоверности пропозиции, говорящий дает свою оценку ситуации и обращается к собеседнику, надеясь, что тот подтвердит, что *p*. Использование говорящим в качестве вопроса-привеска vel вполне объяснимо. Датский лингвист Нильс Давидсен-Нильсен в своей классификации частиц датского языка обращает внимание на функциональную особенность модальной частицы vel — апеллировать к собеседнику в поиске подтверждения своей гипотезы и называет ее предполагающей и ищущей подтверждения (*antagende og bekræftelsessøgende*)¹². В позитивных вопросах с этой целью используется отрицание ikke, которое «навешивается» на пропозицию и, скорее всего, воспринимается адресатом не как остаток контраста: *eller ikke?*, а как сокращенный вариант *ikke sandt?*¹³. Ikke здесь вряд ли можно считать собственно отрицанием, так как, реагируя на него формально выбором *jo*, говорящий одновременно подтверждает достоверность пропозиции, а не отрицает ее. Вопрос-привесок *ikke?* в данной структуре вполне может быть заменен на *hvad?*, при этом изменится только форма ожидаемого ответа — *ja*, а не его семантика. На русский язык такой вопрос-привесок лучше всего переводить как ‘*да?*’ или ‘*не так ли?*’ На функционально-семантических особенностях отрицания ikke в датских вопросах мы остановимся ниже и попробуем доказать, что оппозиция *ikke* — *vel* в позитивных — негативных вопросах не совсем случайна.

Установка говорящего, выражаемая экспликативом¹⁴ *vel*, имеющим реципрочную функцию, не только побуждает собеседника отреагировать на вопрос, но и сигнализирует ему, что ожидаемым ответом является *nej*. Однако, как показывает материал, ответ собеседника может быть противоположным высказанному желанию, ср.:

6) *Hvis du spiller på søndag, du dør. Du vil da ikke spille, vel?* — *Jo*.

Если ты будешь играть в воскресенье, ты умрешь. Ты же не будешь играть, правда? — *Буду*.

Такое употребление позиционно-дистантной комбинации *vel* в качестве вопроса-привеска и отрицания *ikke* в составе пропозиции в датском языке соответствует употреблению в русском модальной частицы

¹² Davidsen-Nielsen, Niels. Op. cit.

¹³ Подробнее о контрасте см.: Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи // Языки славянской культуры / (Studia philologica). 2001. С. 46.

¹⁴ Этот термин для модальной частицы *vel* введен в работе: Krylova E. Den epistemiske modalitetens betydninger // Материалы междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 73–82.

‘правда’, которая «маркирует особый речевой акт выражения желания услышать подтверждение своего мнения» и также принадлежит к числу диалогических частиц, так как ее толкование содержит упоминание и говорящего, и адресата¹⁵.

II. Описанная выше функционально-семантическая особенность модальной частицы *vel*, заключающаяся в предложении говорящего собеседнику своей гипотезы — объяснения сложившейся ситуации и ожидании от него ее принятия или подтверждения в случае, если собеседнику известно действительное положение дел, делает ее наиболее употребимой в парентетической роли¹⁶ в позитивных модальных вопросах повествовательной структуры.

Вопросы, в которых употребляется модальная частица *vel*, характерны прежде всего для диалогических речевых актов. Обычно это модальный, или, как его еще называют, верификационный¹⁷ вопрос повествовательной структуры. Говорящий использует *vel* для выдвижения гипотезы, которая кажется ему вполне вероятной в данной конкретной ситуации. Однако он не располагает информацией о реальном положении дел. Адресуя свой вопрос собеседнику, говорящий ждет от него подтверждения или принятия своей гипотезы. Так, например, если двое обсуждают вопрос, почему они давно не видели своего друга, говорящий может предложить товарищу следующую оценку сложившейся ситуации:

1) *Han er vel rejst?*

Он, наверно, уехал?

Подтверждение со стороны собеседника этого предположения спрашивающего вполне отвечает ожиданиям последнего и является достаточным. В случае же несоответствия, с точки зрения слушающего, выдвинутой гипотезы обсуждаемой ситуации, т. е. при отрицательном ответе собеседника, от участников диалога требуется определенная реакция — дальнейшая спецификация. Очень часто такой вопрос обращен к собеседнику, являющемуся субъектом содержащейся в нем пропозиции:

2) *Du har vel et værelse et eller andet sted?*

У тебя, наверно, есть где-нибудь комната?

---

¹⁵ См.: Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). М. 1996. С. 303.

¹⁶ О понятии парентезы см.: Зализняк А. А., Падучева Е. В. О семантике вводного употребления глаголов // Вопросы кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории. М., 1987; Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи // Языки славянской культуры. *Studia philologica*. 2001.

¹⁷ О верификационных вопросах см.: Янко Т. Е. Указ. соч. С. 61.

3) Du kender vel Hanne?

Ты, наверное, знаешь Ханну?

4) Du ved vel, jeg har en dreng?

Ты, наверное, знаешь, что у меня есть сын?

Поскольку такие предложения не имеют своей целью получения определенной информации, а предназначены только для подтверждения выдвинутой говорящим гипотезы, то их можно вслед за Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым отнести не к вопросам, а к гипотетическим предложениям в функции вопроса, т. е. к косвенным речевым актам¹⁸. Эта же особенность делает практически невозможным употребление в качестве субъекта такой пропозиции самого говорящего, тем более с ментальным предикатом, как в (6), по крайней мере в собранном нами корпусе материалов такие примеры отсутствуют, ср.:

5) Du kan vel huske hans navn?

Ты, наверное, помнишь его имя?

6) *Jeg kan vel huske hans navn?

*Я, наверное, помню его имя?

Предполагаемый перлокутивный эффект гипотетических предложений с *vel* в интерпозиции в функции вопроса тот же, что и у предложений с конструкцией «вопрос-привесок» без негации в пропозиции, ср. (5) и (7), где роль вопроса-привеска играет *ikke*:

7) Du kan huske hans navn, ikke?

Ты помнишь его имя, да?

8) Du kommer vel i morgen? — Ja. = Du kommer i morgen, ikke? — Jo.

Ты, наверное, завтра придешь? = Ты придешь завтра, не так ли? — Да.

И в том, и в другом случае собеседник должен отреагировать на реплику говорящего, понимая, что тот ожидает подтверждения содержания пропозиции. Однако разные структуры предложений (гипотетическое с *vel* в интерпозиции и утвердительное с навешивающимся на него верификационным *ikke*?), безусловно, влияют на выбор говорящего в той или иной ситуации.

Русское ‘*наверное*’ неспособно, к сожалению, в полной мере передать все оттенки значения модальной частицы *vel*, это значение лучше всего вносят в высказывание разговорные, употребляющиеся в основном в просторечии модальные частицы ‘*небось*’, ‘*поди*’, ср.: ‘*Ты, поди, завтра придешь?*’, ‘*Он, небось, заболел?*’

¹⁸ Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 296.

III. Негативные модальные вопросы повествовательной структуры представляют собой также гипотетические предложения в функции вопроса с позиционно-контактной комбинацией модальной частицы *vel* и отрицания *ikke*. Они требуют специального рассмотрения. По причинам прагматического характера спрашивающий стремится в вопросе передать свое субъективное отношение к его пропозициональному содержанию, выразить ожидание определенного ответа. Говорящий использует модальную частицу *vel* в вопросах с отрицанием *ikke* в ситуации, когда он опасается, что обратное возможно, но надеется, что *p*, здесь мы можем говорить об аксиологической модальности нежелательности для говорящего:

1) *Han er vel ikke syg?*

Надеюсь, он не болен? / Он же не болен?

2) *Det er vel ikke en fælde?*

Надеюсь, это не ловушка? / Это же не ловушка?

3) *Du ønsker vel ikke at ramme mine følelser?*

Надеюсь, ты не хочешь задеть мои чувства? / Ты же не хочешь задеть мои чувства?

Вопросы с *vel ikke* являются также вопросами — реакцией на сложившуюся ситуацию. Говорящий, оказавшись в неожиданной для себя ситуации, сигнализирует сочетанием *vel ikke* о своей реакции на нее и ждет ответной от слушающего. Прагматическим значением высказываний такого типа является: «Я не хочу, чтобы *не p*, но опасуюсь (сложившаяся ситуация заставляет меня опасаться), что *не p* возможно». Говорящий рассчитывает, что собеседник развеет его опасения, подтвердив, что это не так:

4) *Hvad er der i denne taske, Babette? Det er da vel ikke vin?*

Что в этой сумке, Бабетта? Надеюсь, не вино? / Это же не вино? ('Я не хотела бы, чтобы это было вино, но опасуюсь, что это так').

В такого типа вопросах с *vel ikke*, субъектом которых является собеседник, то есть истинность пропозиции зависит от него, говорящий высказывает косвенную просьбу, побуждение: 'я опасуюсь, что ты можешь сделать это > я не хочу, чтобы ты делал это > не делай этого':

5) *Ja, men du vil da vel ikke aflyse vores møde i aften af den grund?*

Да, но ты же не собираешься отменить нашу встречу сегодня по этой причине?

6) — *Du skal vel ikke have denne kjole på?*

— *Надеюсь, ты не наденешь это платье?*

— *Jo, den er køn.*

— *Надену, оно красивое.*

Иллокутивную силу первой реплики диалога (14) можно было бы, перефразировав, передать следующим образом: *‘я оцениваю ситуацию таким образом, что ты собираешься надеть это платье > мне бы не хотелось, чтобы ты его надевала > не надевай это платье’*. Такие виды побуждения (просьба, рекомендация) являются косвенной иллокутивной функцией данных высказываний и воспринимаются собеседником как ненавязчивое, т. е. более вежливое, чем прямое, побуждение. Однако перлокутивный эффект таких речевых актов может быть различным, о чем свидетельствует ответ собеседника в (6).

Как видно из приведенных примеров, все эти предложения можно перевести на русский язык двумя способами: русские *‘же... не...?’* *‘надеюсь, не...?’* употребляются говорящим именно как реакция на возможное, с его точки зрения, но нежелательное развитие ситуации, если у него есть подозрение (опасение), что это так.

Как показывает анализ материала, употребление *vel ikke* в альтернативных вопросах повествовательной структуры настолько конвенционализировалось в датском разговорном языке как специальное средство выражения вежливости, что получило широкое распространение в различных речевых актах. Приведенные ниже вопросительные предложения, являющиеся по форме сложно-подчиненными с *vel ikke* в главном предложении, представляют собой смешанные вопросы, т. е. состоят из двух частей, первая из которых — гипотеза говорящего, что собеседник не помнит (7), не знает (8), не видел (9) того, о чем он спрашивает во второй части:

7) *Du kan vel ikke huske, hvad advokaten hed?*

Ты не помнишь ли, как звали адвоката?

8) *Du ved vel ikke, hvor hun bor?*

Ты не знаешь ли, где она живет?

9) *Du så vel ikke, hvor fejemanden forsvandt hen?*

Ты не видел ли, куда исчез дворник?

В случае подтверждения гипотезы говорящего, т. е. при ответе собеседником *nej* на первую часть вопроса, вторая его часть становится неактуальной, так как его ответ на нее невозможен. При неподтверждении со стороны собеседника гипотезы, выдвинутой говорящим в первой части вопроса, т. е. при ответе *jo*, он должен ответить на вторую его часть, что требует дальнейшей спецификации. Такого типа вопросы можно, думается, отнести к так называемым безопасным вопросам, так как говорящий, не уверенный в правомерности прямого вопроса, например из (8): *‘Где она живет?’*, — выдвигает гипотезу о том, что собеседник этого не знает. В случае неподтверждения

данной гипотезы становится возможным получение ответа на заданный вопрос, являющийся содержанием второй части. Именно гипотеза говорящего «от обратного» делает такой вопрос более вежливым по сравнению с другими вопросами, содержащими эту же пропозицию. Часто такая структура вопроса говорящего обусловлена именно тем, что сам он не помнит, не знает, не видел этого, так что это протитательно и собеседнику, к чьей помощи он прибегает: *‘Я не знаю, ты тоже не знаешь?’*

10) *Jah... Hvor kan det have været? Det må vi have... Du kan vel ikke huske, hvad havekolonierne hed?*

A-a... Где же это могло быть? Должно быть, это было... Ты случайно не помнишь, как назывались эти садовые участки?

Выраженное вопросом с *vel ikke* предположение говорящего о том, что *p* возможно, а также сама структура вопросительного предложения с *vel ikke*, сориентированная на ожидаемое подтверждение собеседником этого предположения, т. е. на негативную альтернативу, ставит собеседника в благоприятные для него условия выбора, что и воспринимается им как особая форма вежливости: говорящий всеми способами показывает, что получение отрицательного ответа не будет для него неожиданностью, что он предвидит его, но на всякий случай решается спросить и будет рад, если это окажется не так¹⁹. Эрик Хансен в статье об императиве в датском языке приводит примеры использования *vel ikke* в вопросах, выражающих вежливую просьбу говорящего передать соль²⁰:

11) *Du ville vel ikke give mig saltet?*

12) *Du gad vel ikke lige give mig saltet?*

Не подашь ли соль? / Тебе было бы не трудно подать мне соль?

Предполагаемый перлокутивный эффект таких высказываний — выполнение собеседником просьбы говорящего. Особенностью таких вопросов-просьб, вторичной функцией которых является побуждение адресата к действию, являются субъект пропозиции, выраженный личным местоимением 2-го лица, и формы глаголов *ville*, *kunne*, *gide* в составе сказуемого.

Иллокутивной силой следующих высказываний является косвенно выраженное значение деонтической модальности — испрашивание разрешения:

13) *Du har vel intet imod, at jeg spørger sådant?*

Ничего, что я так спрашиваю?

¹⁹ См.: Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. М., 2000. С. 315.

²⁰ Hansen, Erik. Du skal ikke tro, du skal vide // Hansen, Erik. Glæden ved grammatik: Udvalgte artikler og afhandlinger. København, 2001. S. 132–134.

14) De har vel ikke noget imod, at jeg sætter mig ved siden af Dem?

Вы, надеюсь, не возражаете, если я сяду рядом с вами?

15) Undskyld, men jeg måtte vel ikke låne Deres avis et øjeblik?

Извините, не одолжите ли мне на минуту вашу газету?

В таких вопросительных предложениях говорящим выражается также аксиологическое значение желательности, чтобы пропозиция оказалась истинной. Сравните в этой связи также ставшие клише вежливости случаи употребления *vel ikke* в предложениях типа:

24) Jeg kommer vel ikke til ulejligheden?

Надеюсь, я не помешал? / Я же не помешал?

Значение, передаваемое сочетанием *vel ikke* в приведенных вежливых вопросах, соответствует семантике русских негативных *ли*-вопросов²¹. Наряду с *не-(ли)* вопросами при переводе с датского языка на русский могут также использоваться прагматически синонимичные им конструкции '*же... не...*', '*случайно не...*', '*надеюсь, не...*'.

Модальные вопросы повествовательной структуры с *vel*, безусловно, являются наиболее распространенными в датской разговорной речи.

IV. Перейдем теперь к совершенно другой структуре модального (общего) вопроса, а именно к **модальным вопросам вопросительной структуры**. Для удобства и наглядности сравним сразу три типа таких вопросов и проанализируем их установку: (1) — простой позитивный вопрос, (2) — простой негативный вопрос, (3) — простой позитивный вопрос с частицей *vel*. Все они относятся к альтерным (*ja/nej-spørgsmål*):

1) Er han rejst? — Ja / nej.

Он уехал? — Да / нет.

2) Er han ikke rejst? — Jo.

Он что — не уехал? — Уехал.

3) Er han vel rejst? — Nej.

Разве он уехал? — Нет.

В выборе формы вопроса отражается установка спрашивающего:

— для (1) характерно отсутствие у него предпочтения одной из двух альтернатив; условие успешности речевого акта вопроса — спрашивающий не знает ответа и пытается получить его от адресата;

— в (2) говорящий использует отрицание *ikke*, функция которого в вопросительном предложении вопросительной структуры отличается от его функции в повествовательном предложении, ср. также первое пред-

²¹ Анализ русских негативных *ли*-вопросов см.: Кобозева И. М. Указ. соч. С. 312–316.

ложение в (6). Используя *ikke*, спрашивающий 1) задает вопрос: *Er han rejst?* и 2) выражает свою эпистемическую и аксиологическую установку на позитивную альтернативу, т. е. сигнализирует адресату о том, что ответ *jo* для него является и более вероятным, и более желательным²². Этой установкой такой тип датского вопроса отличается от негативного русского вопроса: эпистемический компонент установки датского вопроса — предположение о достоверности пропозиции и вместе с тем надежда на позитивную альтернативу *jo* = не *p*, тогда как в русском негативном вопросе выражается эпистемическая установка говорящего, т. е. предположение о достоверности *p* и надежда спрашивающего на негативную альтернативу²³. Это затрудняет перевод датского вопроса на русский язык, так как буквальная передача изменяет его установку (ср.: *‘Он не уехал? — Нет!’*). Возможно, такому датскому вопросу с негацией по установке соответствует русский вопрос *‘Он что — не уехал?’*;

— иллокутивное предназначение предложения (3) — выразить речевой акт вопроса: побудить адресата сообщить спрашивающему необходимую ему информацию. Вторичной функцией вопроса с *vel* является установка говорящего на негативную альтернативу. Эпистемический экспликатор *vel* в таких предложениях уточняет иллокутивную функцию вопроса, внося в него значение сомнения говорящего в том, что возможен положительный ответ на поставленный вопрос, и сигнализируя тем самым слушающему об ожидании от него отрицательного ответа. *Vel*, как и в других случаях употребления, эксплицирует реакцию спрашивающего на неожиданную для него коммуникативную ситуацию, или предыдущую реплику диалога, и апеллирует к собеседнику, чтобы тот развеял сомнения говорящего. Здесь мы также можем говорить об адмиративном значении, так как говорящий не ожидал такой ситуации и воспринимает ее с удивлением.

Если сравнить вопросы (2) и (3), то можно обнаружить своего рода симметрию по ожидаемому ответу между *ikke* и *vel* в вопросах данного типа и так называемых вопросах-привесках с *ikke* и *vel* (см. раздел I). Анализ вопросительных предложений данного типа представляется весьма интересным. Однако в известной нам датской лингвистической литературе случаи использования *vel* в таких вопросах практически не рассматриваются.

---

²² См. также: *Kjøller, Klaus. Om sproghandlinger og samtaleanalyse // Nydanske Studier & Almen kommunikationsteori. Sproghandlinger. Akademisk Forlag. 1973. N. 5. S. 50.*

²³ Ср. анализ предложения «Вы не осуждаете меня?» в кн.: *Кобозева И. М. Указ. соч. С. 305.*

О значении сомнения говорящего в вероятности положительного ответа на подобный вопрос с *vel* упоминает датский лингвист Оге Хансен в грамматике датского языка «*Moderne dansk*»²⁴. Клаус Кьеллер²⁵, анализируя случаи использования *vel* в модальных вопросах вопросительной структуры, отмечает, что в отличие от негативного вопроса (4) позитивный вопрос говорящего с *vel* (5) содержит эпистемическую установку говорящего на то, что не *p*, и приводит следующие совпадающие по ожидаемой реакции адресата ряды вопросов:

4) Går du ikke ud med piger? = Du går vel ud med piger? = Du går ud med piger, ikke? — Jo.

5) Går du vel ud med piger? = Du går ikke ud med piger, vel? — Nej.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о тесной связи установки, отражающей субъективное отношение говорящего к пропозициональному содержанию вопроса, и формальной структуры вопроса, так как при совпадении пропозициональной части вопросов и несовпадении их формальной структуры могут быть абсолютно противоположными эпистемический и аксиологический аспекты установочного компонента их семантики, а именно: если сравнить приведенные ниже предложения, то (6) ? (7); (8) ? (9), поскольку их установку можно охарактеризовать как:

а) предположение + надежда на позитивную альтернативу:

6) Går du ikke ud med piger? — Jo.

Ты что, не встречаешься с девочками? — *Встречаюсь.*

б) предположение (в виде утверждения) + ожидание его подтверждения, т. е. негативной альтернативы:

7) Du går ikke ud med piger, vel? — Nej.

Ты не встречаешься с девочками, правда? — *Нет (не встречаюсь).*

в) сомнение + ожидание его подтверждения, т. е. негативной альтернативы:

8) Går du vel ud med piger? — Nej.

Разве ты встречаешься с девочками?

г) предположение + надежда на ее подтверждение, т. е. позитивную альтернативу:

9) Du går vel ud med piger? — Ja.

Ты, наверное, встречаешься с девочками? — *Да.*

Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что в разговорной речи датчан альтернативные вопросы вопросительной структуры с мо-

²⁴ См.: Hansen, Åge. *Moderne dansk*. В. 3. København, 1967. S. 287.

²⁵ См.: Kjøller, Klaus. *Op. cit.*

дальной частицей *vel* встречаются не так уж часто, но в собранном нами корпусе такие примеры имеются:

10) *Har jeg ikke lov til at være ligeså fuld jeg overhovedet kan? Det kan du da ikke bestemme. Kan du vel? Kan du bestemme det?*

Не могу я, что ли, напиться так, как хочу? Да это не тебе решать. Разве тебе? Тебе это решать?

11) — *Det er da ikke forbudt at snakke... Er det vel forbudt at snakke?*

— *Не запрещено же разговаривать... Разве запрещается разговаривать?*

— *Ikke for danskere.*

— *Только не датчанам.*

Итак, важным семантическим различием рассмотренных типов вопросов является их существенное различие в эпистемической и даже аксиологической установке. При этом достаточно интересным представляется то, что *vel* в альтернативных вопросах вопросительной структуры вносит именно эпистемическое значение сомнения говорящего в возможность позитивной альтернативы, т. е. в некотором роде меняет полярность своей исходной семантики. В этом, на наш взгляд, есть своя языковая логика, обнаружить которую мы попробуем с помощью математических вычислений. Если представить вопросительную структуру как незнание, отрицание *ikke*, а также негативную альтернативу *nej* и значение сомнения со знаком «минус», а повествовательную структуру, модальную частицу *vel* — с положительным значением предположения и позитивную альтернативу *ja / jo* — со знаком «плюс», то можно «вычислить» установку говорящего.

Проиллюстрируем это на приведенных ранее примерах:

6) *Går du ikke ud med piger? — Jo.*

(-) (-) = (+)

7) *Du går ikke ud med piger, vel? — Nej.*

(+) (-) (+) = (-)

8) *Går du vel ud med piger? — Nej.*

(-) (+) = (-)

9) *Du går vel ud med piger? — Ja.*

(+) (+) = (+)

Данная схема не только позволяет вычислить по структуре вопросительного предложения ожидаемый спрашивающим ответ адресата, но и наглядно иллюстрирует специфику каждого из них, а также подтверждает тесную связь или, точнее, зависимость формальной структуры от коммуникативной установки говорящего. Кроме того, мы видим, как датский язык, располагающий незначительными лексическими средствами

выражения сомнения говорящего в достоверности высказывания, использует для этого эпистемические операторы с другими значениями, помещая их с этой целью в различные формальные структуры вопросительных предложений и изменяя тем самым их коммуникативную семантику.

E. B. Krylova

DE DANSKE INTERROGATIV-SÆTNINGERS KOMMUNIKATIVE SEMANTIK

Det danske sprog har flere typer af interrogative sætninger, men ikke alle med denne sætningsform udtrykker et egentligt spørgsmål. Nogle af dem kan opfattes som indirekte sprog handlinger hvor et spørgsmål anvendes til at udtrykke en anmodning, en bøn, et retorisk spørgsmål, m.v.

Den spørgende (ytringens afsender) kan ikke direkte assertere noget, hvis sandhedsværdi han ikke kender, men det betyder selvfølgelig ikke, at han ikke har en eller anden forhåndsformodning om eller nogle klare forventninger til hvad modtager vil svare, dvs. om han vil afgive et positivt eller et negativt svar i forbindelse med fx et ja/nej-spørgsmål. Afsenders «forhåndsindstilling» har epistemisk værdi og er ofte aksiologisk. Ved at inddrage afsenders «forhåndsindstilling» og analysen af selve ytringssituationen i interpretationsprocessen kan man beskrive de interrogative strukturer (positive/negerede udsagn; spørgende sætningsform/fremsættende sætningsform) og de sproglige midler (fx modale partikler), som afsender vælger i enhver konkret situation for at gengive sin indstilling. Og omvendt: ved at analysere den interrogative struktur får vi mulighed for at forudse og forklare, hvornår en illokutionær afledning vil finde sted.

Ю. К. Кузьменко

СКАНДИНАВСКИЙ УМЛАУТ > СААМСКАЯ МЕТАФОНИЯ > ШВЕДСКО-НОРВЕЖСКОЕ ВЫРАВНИВАНИЕ (TILLJÄMNING)

В 1979 г. на очередной конференции скандинавистов в Петрозаводске я делал доклад о саамском источнике североскандинавского выравнивания (tilljämning). Валерий Павлович Берков спросил меня тогда, почему из множества саамских черт в скандинавские языки проникла только саамская метафония. Восприняв вопрос как скрытое возражение, я много думал над этим. Результатом этих раздумий явился ряд работ о саамско-скандинавских языковых контактах, последняя из которых была опубликована в 2003 г.¹ Вовсе не собираясь перелажать хотя бы часть ответственности за предлагаемые в них гипотезы на Валерия Павловича, я хотел бы поблагодарить его за импульс, полученный мной в Петрозаводске, который в значительной степени определил круг моих занятий на многие годы.

1. Введение

Почти во всех финно-угорских языках господствует гармония гласных (прогрессивная дистантная ассимиляция гласных), функция которой состоит в обеспечении фонетического единства слова или основы. Однако в двух из них, в саамском и ливском, эту же функцию выполняет не гармония, а так называемая метафония (регрессивная дистантная

---

¹ Кузьменко Ю. К. О появлении суффигового отрицания в древних скандинавских языках // *Philologica Scandinavica*: Сборник статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 98–117.

ассимиляция гласных). Подобная метафония очень напоминает германский умлаут, и встает естественный вопрос о том, является ли такое развитие параллельным или подобное сходство результат языкового контакта². К типологически сходным явлениям относится и так называемое выравнивание (шв. *tilljämning*, норв. букв. *tiljevning*, новонорв. *jämning*), дистантная регрессивная ассимиляция гласных в исконных краткосложных словах, характерная для восточнонорвежских, центрально- и северошведских диалектов. Более 20 лет назад я предположил саамское происхождение скандинавского выравнивания³, однако не видел никакой связи между скандинавским умлаутом и саамской метафонией кроме типологической. В настоящей статье мне хотелось бы вернуться к саамским и скандинавским регрессивным дистантным ассимиляциям и попытаться установить их возможную взаимозависимость.

Однако прежде чем приступить к теме, хотелось бы выяснить некоторые общие вопросы определения языковой интерференции. Поскольку при сравнении сходных изоглосс языков, находящихся в контакте, следует всегда учитывать возможность параллельного развития, для определения интерференции нужны факторы иные, чем простая географическая близость. Действительно, если в одном языке в определенных условиях могли развиваться инновации, почему подобные инновации не могут развиваться при сходных условиях в другом языке? Географическая близость может оказаться в данном случае простым совпадением. Примеров типологически сходного развития, обусловленного сходными структурными предпосылками, великое множество. Какие же аргументы, кроме географических, могут увеличить вероятность рассмотрения явления как результата языкового контакта? Основными аргументами на этапе определения кандидатов интерференции должны быть сравнение с родственными языками, определение хронологического соответствия явлений, сравнение их структуры и функции. Если по этим параметрам мы определили возможных кандидатов интерференции, необходимо установить, насколько направление заимство-

---

² *Kylstra A. D.* Skandinavisch-Lappische Parallelen // *Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia 185* (Symposium saeculare Societatis Fennougricae). Helsinki, 1983. С. 67–168.

³ *Кузьменко Ю. К.* Взаимодействие диалектов и фонологические изменения (развитие систем гласных в скандинавских диалектах) // *Взаимодействие лингвистических ареалов*. Л., 1980. С. 100–160; *Кузьменко Ю. К.* Истоки скандинавской метафонии (о саамском влиянии на скандинавские диалекты) // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии*. Л., 1983. С. 44–50.

вания соответствует сложившейся социолингвистической ситуации. Попытаемся определить соотношение упомянутых выше саамско-скандинавских соответствий, исходя из этих критериев.

2. Скандинавский умлаут > саамская метафония

Саамская метафония характерна для всех саамских языков, однако сильнее всего она представлена в южносаамском. Причем различают два типа метафонии. Первая саамская метафония, связанная с ассимиляцией по степени подъема, свойственна всем саамским языкам. Вторая метафония, характеризующаяся ассимиляцией по огубленности и по ряду, распространена наиболее последовательно в южносаамском.

Германский умлаут характерен для всех германских языков, кроме готского. В истории скандинавских языков различают три типа умлаута: *a*-умлаут, *i*-умлаут и *u*-умлаут. Соответственно первая саамская метафония наиболее похожа на скандинавский *a*-умлаут, а вторая — на скандинавские *i*- и *u*-умлауты. Три типа скандинавского умлаута отличаются друг от друга не только по типу ассимиляции, но и по времени. Чередования по *a*-умлауту фонологизовались до IV в., *i*-умлаут относят к VII в., а *u*-умлаут еще младше⁴. Рассмотрим вначале подробнее первый по времени германский умлаут и первую саамскую метафонию.

2.1. Первый германский умлаут и первая саамская метафония

И в протоскандинавском и в протозападногерманском языках видна зависимость степени подъема корневого гласного от степени раствора закорневого гласного. Предполагается, что первоначальное распределение *i/e* и *u/o* было позиционным и зависело, в частности, от степени раствора заударной гласной. Перед *a* были возможны *e* и *o*, а перед *i* и *u* соответственно *i* и *u*. Если *i/e*, *u/o* находились в дополнительной дистрибуции, то их следует рассматривать как аллофоны фонем⁵, фонологизация которых произошла, в частности, после отпадения *a*. В скандинавской традиции ассимиляция по степени раствора называют *a*-умлаутом от *u* и *i* и *i*/*u*-умлаутом от *e* и *o* (ср.: рун. *hornA*, *gotnA*, *hlewa-gastiR*, *kepan*, *heldaR*,

⁴ Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962. Т. 2. С. 151.

⁵ Marchand J. W. Germanic Short *i and *e: Two Phonemes or one? // Language. 1957. Vol. 33. N 1. P. 346–354.

но **gudija**, **gibu**, **irilaR**, **kunimu(n)dui**). В скандинавском ареале есть немало бесспорных случаев *a*-умлаута от *i* (ср.: **hAidera**, дрисл. **hedra**, дрисл. **pidr**, но **pedan**), немного примеров на *i*-умлаут от *e* (ср.: **irilaR**, дрисл. **figdir**, но **fjördr**) и еще меньше примеров на *u*-умлаут от *i* (ср.: дрисл. **siðr**, двн. **situ**, дсакс. **sidu**). Однако имеется много примеров на *a*-умлаут от *u* (ср.: **horna**, дрисл. **stolinn** < ***stulanR**).

Гораздо больше примеров ассимиляций, соответствующих первому скандинавскому умлауту, мы находим в древних западногерманских языках, особенно в древневерхненемецком и древнесаксонском⁶. Это явление имеет тут, правда, другое название — «преломление», ср., например: двн., дсакс. **biru** (1. ед.) — **beran** (инф.), двн. **hulfum** (1. мн. прет.) — **giholfan** (прич. II); да. **bir(e)þ** (3. ед. през.) — **beran** (инф.).

Аллофоническое распределение ассимиляций сохранялось до III–IV в., когда произошла фонологизация различий по подъему и появилось множество обусловленных морфологической аналогией исключений из правил; ср., например, закономерную форму **irilaR** и форму по аналогии **erilaR** в рунических надписях V–VI вв. В надписи на золотом роге из Галлехуса (начало V в.) мы встречаем как закономерную форму **horna** < ***hurna**, так и аналогичную форму **holtijaR** < ***hultijaz**⁷.

Первая саамская метафония действие которой относят к протосаамскому периоду, т. е. 1000 г. до н. э. — 800 г. н. э.⁸, и следы которой находят во всех современных саамских языках, состояла в понижении гласных среднего подъема ***e** и ***o** перед более открытой гласной заударного слога (***e** > ***ε**; ***o** > ***ā**), ср.: ***pesä** > ***pe“sä**, севсаам. **beassi** (фин. **pesä**) ‘гнездо’; ***kota** > ***kāta**, севсаам. **goahiti** (фн. **kota**) ‘саамский чум, дом’ и в повышении открытых гласных перед более закрытыми гласными заударного слога (**e** или **o**), ср.: ***kāte** > ***ke“tE**, севсаам. **giehta** (фин. **käsi**) ‘рука’; ***lakte** > ***lo“kte**, севсаам. **luokta** (фин. **lahti**) ‘залив’; ***kala** > ***ko“la**, севсаам. **guolli** (фин. **kala**) ‘рыба’.

Мы видим, таким образом, что не только регрессивное направление, но и тип ассимиляции (по степени раствора) первой перегласовки в протоскандинавском и в протосаамском языках совпадают. Что касается различий в качестве закорневых гласных, то оно было не столь

⁶ Hesselman B. Omljud och brytning i de nordiska språken. Uppsala, 1945. S. 7.

⁷ Krause W. Die Sprache der urnordischen Runeninschriften. Heidelberg, 1971. S. 28.

⁸ Korhonen M. 1) Lapin metafoniasta // Juhlakirja paavo Siron täyttässä 60, vuotta 2.8.1969. Tampere, 1969. S. 80; 2) The History of the lapp language // Denis Sinor (red.) The Uralic languages. Leiden, 1988. P. 269.

большим, как это можно было бы предположить, основываясь на их традиционном обозначении. Относительно протофинского и раннего протосаамского языков предполагают существование четырех заударных гласных, которые обозначают как *e*, *o*, *ä*, *a*⁹. Из этого следует, что и в протосаамском и в протоскандинавском языке были только две степени подъема безударных гласных. Гласные, обозначаемые в протосаамском как *e* и *o*, были самыми закрытыми безударными гласными и соответствовали гласным, которые в протоскандинавском обозначаются как *i* и *u*, а гласные, обозначаемые как *ä* и *a*, — самыми открытыми безударными гласными и соответствовали скандинавскому *a*. Фонологическое, а возможно, и фонетическое сходство между протосаамскими и протоскандинавскими безударными гласными было большим, чем это предполагает их традиционное обозначение. В обоих случаях самые закрытые гласные (*e* и *o* в протосаамском и *i* и *u* в протоскандинавском) обуславливали высокий подъем гласного ударного слога, а открытые гласные (*a* и *ä* в протосаамском и *a* в протоскандинавском) обуславливали низкий подъем ударного гласного; ср.: протосаам. *kota > *kâta, севсаам. goahti; протосканд. *hurna > hornâ, протосаам. *pesä > *pe“sä, севсаам. beassi; протосканд. *ferðir > firðir.

Таким образом, очевидно, что и первая протосаамская метафония и первый протоскандинавский умлаут представляют собой структурно и функционально абсолютно идентичные процессы. Ранее я вслед за Стейницем¹⁰ предполагал «внутрисаамское» происхождение саамской метафонии¹¹. Теперь же более вероятным мне представляется ее скандинавское происхождение. Об этом свидетельствует в первую очередь сравнительно-исторический аргумент. Первый германский умлаут (и немецкое преломление) распространен во всех, кроме готского, германских языках, причем наиболее последовательно в западногерманских языках, особенно в древневерхненемецком. Первая же метафония характерна только для саамских языков (подобной метафонии нет даже в ливском) и отличает саамские языки от всех других финно-угорских языков, в которых господствует гармония гласных.

Замена финно-угорской гармонии на саамскую метафонию не могла иметь никаких функциональных препятствий, поскольку их функ-

⁹ Korhonen *Ī*. The History... S. 271.

¹⁰ Steinitz *W*. Geschichte der finnisch-ugrischen Vokalismus. Berlin, 1964. S. 111–112.

¹¹ Кузьменко Ю. К. Истоки... С. 44–50.

ция (показывать границы основы) и механизм (дистантная ассимиляция гласных) абсолютно идентичны.

Предполагаемая датировка первой саамской метафонии (1000 г. до н. э. — 800 г. н. э.) не противоречит возможности ее заимствования из протоскандинавского в протосаамский в III–IV вв. еще до фонологизации аллофонов первого умлаута, когда умлаут был чисто фонетическим правилом.

2.2. Скандинавский палатальный и лабиальный умлаут и вторая саамская метафония

Вторая саамская метафония, которую Корхонен датирует IX в.¹², характерна для части восточносаамских диалектов, но наиболее последовательно она прошла в южносаамском, где сохраняется правило первой метафонии (регрессивная ассимиляция по степени раствора), но к этому правилу добавляется регрессивная ассимиляция по ряду и огубленности. В современной южносаамской норме примерами первой метафонии являются чередования *bissem* ‘я мою’, *bissieh* ‘они моют’, но *bæssa* ‘он, она, оно моет’; *lohkem* ‘я читаю’, *luhkieh* ‘они читают’, но *lâhka* ‘он, она, оно читает’; примерами палатальной метафонии чередования типа *bâetieh* ‘приходи!’, но *bœtî* ‘он (она, оно) пришел’; *vuelkieh* ‘поезжай’, но *vœlki* ‘он (она, оно) ездил’, и примерами лабиальной метафонии чередования *gæljoeh* ‘они кричат’, но *gylje* ‘он, она, оно кричит’; *tjeaeroeh* ‘они плачут’, но *tjyøre* ‘он, она, оно плачет’¹³. И в данном случае структурное сходство со скандинавским палатальным и лабиальным умлаутом очевидно. Лабиальный умлаут в скандинавских языках представлен не только изменением *a > o, ö* (ср.: шв., исл. *öl*; норв., дат. *øl < alu*), но и изменениями типа *e > ö, i > y* (ср.: дрисл. *tryggr*, гот. *triggws*, дрисл. *røkr*, гот. *riqis*). Лабиализация передних гласных характерна и для южносаамской лабиальной метафонии (ср.: чередования типа *gæljoeh* — *gylje*; *tjeaeroeh* — *tjyøre*).

Сравнительно-исторический и географический критерии свидетельствуют о возможности заимствования и второй саамской метафонии из скандинавского. Палатальный и лабиальный умлаут характерен и для других германских языков (палатальный умлаут — для всех, даже для вестготского¹⁴), велярный — прежде всего для древнеанглийского и для

¹² Korhonen J. Lapin... S. 81.

¹³ Bergsland K. Sydsamisk grammatikk. Tromsø; Oslo; Bergen, 1994. S. 31–32.

¹⁴ Сравнительная грамматика... С. 142.

древних скандинавских языков, а сходные явления в финно-угорских языках характерны только для южносаамского¹⁵.

Хронология фонологизации аллофонов палатального и лабиального умлаута и второй саамской метафонии также соответствуют друг другу. Фонологизацию *i*-умлаута традиционно относили к началу VII в.¹⁶, хотя, возможно, она несколько старше¹⁷, а второй саамский умлаут — к IX в.

Таким образом, географические, сравнительно-исторические, хронологические и структурно-функциональные аргументы позволяют предположить возможность скандинавского влияния на замену гармонии гласных метафонией в саамских языках, в первую очередь в южносаамском. Остается выяснить, не противоречит ли изменению скандинавский умлаут > саамская метафония социолингвистическая ситуация, и каков был механизм скандинаво-саамской интерференции.

2.3. Механизм интерференции умлаут > метафония

Для того чтобы понять, была ли возможна такая интерференция, необходимо реконструировать социолингвистическую ситуацию в III–IX вв. Проникновение скандинавского правила умлаута в протосаамский предполагает наличие скандинавов, говоривших по-саамски, из языка которых этот признак распространился на протосаамский. Исходя из отношений между саамами и скандинавами в последние века II тысячелетия н. э., такое предположение кажется абсолютно невероятным. Однако, как показывают последние археологические и исторические исследования, отношение между саамами и скандинавами в I тысячелетии н. э., т. е. до принятия скандинавами христианства, были иными¹⁸. «Симбиоз культур», который шведский археолог

---

¹⁵ Единственным, кроме саамских, финно-угорским языком с метафонией является ливский. Однако здесь нет ни метафонии по степени подъема, ни лабиальной метафонии, а есть только палатальная метафония, т. е. изменение *a, o, u* > *d, ь, ц* перед *i* и *j* (*Korhonen M. Lapin...* S. 80). Ливская метафония более позднее явление, чем обе саамские метафонии (*Kylstra A. D. Op. cit. S. 171*), и, скорее всего, ее нужно связывать с немецким *i*-умлаутом.

¹⁶ *Сравнительная грамматика...* С. 145–146.

¹⁷ *Schulte M. Grundfragen der Umlautphonemisierung.* Berlin; New-York, 1998. S. 253.

¹⁸ *Mundal E. Coexistence of Saami and Norse culture — reflected in and interpreted by Old Norse myths // Old Norse Myths, Literature and Society. International Saga Conference.* Sydney, 2000. P. 346–355; *Zachrisson J. Möten i gränsland: samer och germaner i Mellanskandinavien.* Stockholm, 1997.

Сахриссон обнаруживает и в эпоху викингов¹⁹, и в более ранний вендельский период²⁰, не мог не отразиться и во взаимном владении языками. О том, что, например, норвежский хевдинг Оттар (IX в.), основным богатством которого были олени, понимал по-саамски²¹, свидетельствует его рассказ о путешествии на север, который вставил в свой перевод на древнеанглийский язык «Истории Беды Достопочтенного» король Альфред Великий. В Северной Швеции говорящие по-саамски шведы встречались еще в первой половине XX в.²² О существовании смешанных браков свидетельствует антропология, древнеисландская литература и существование имени Hálfínnr («*Саами наполовину*»), образованному по типу более известного имени Hálf-dán («*Дан наполовину*»). Важным свидетельством отсутствия стигматизации саамов является широкое распространение у скандинавов собственного имени Finn, Finni или Finna и имен со словом finn- в качестве первого или второго компонента и до эпохи викингов, и в эпоху викингов, которое ассоциировалось с названием народа «саами»²³. Первый случай такого употребления мы находим в рунической надписи из Эстерьетланда (около 500), состоящей всего из двух имен собственных saligastiR fino (мужское имя «*Салигастур*» — «*гость в зале*», т. е. «*воин; предводитель воинов*») и женское имя «*Финна*» («*саамка*»).

Таким образом, исторические факты подтверждают существование скандинавов, говорящих в VI–IX вв. по-саамски. Появление в их саамском произношении правила скандинавских умлаутов вполне допустимо, и соответственно еще более допустимо распространение черт скандинавской интерференции в саамский язык саамов. Умлаут был не единственной чертой скандинавской интерференции в саамском, кроме него в саамский проник ряд синтаксических черт, и прежде всего порядок слов SVO < SOV²⁴.

¹⁹ Zachrisson I. Op. cit. S. 131.

²⁰ Zachrisson I. Encounters in Border Country. Saami and Germanic peoples in Nentral Scandinavia // Kingdoms and Regionality. Stockholm, 2001. P. 13–17.

²¹ Simonsen P. Bønder og vikinger i nord-norsk jernalder // Ottar. 1959. N 20. S. 23.

²² Wallström S. Studier i Övre Norrlands språkgeografi med utgångspunkt från Arjeplogsmålet. Uppsala, 1943. S. 21.

²³ Kusmenko J. Utvecklingen av suffigerad negation i urnordiskan // Strövtåg i nordisk språkvetenskap. Berlin, 2002. S. 113–116.

²⁴ Wickman B. Nordisk påverkan på samisk syntax // Språkhistoria och språkkontakt i Finland och Nord-Skandinavien. Studier tillägnade Trygve Sköld den 2. November 1982. Stockholm, 1982. S. 279–285.

3. Саамская метафония > скандинавское выравнивание (*tilljämning*)

Скандинавское выравнивание (регрессивная ассимиляция гласных в исконных краткосложных словах) характерно для восточнорвежских и центрально- и северошведских диалектов (ср. чередования *drepa* — *dripit*, *tælcer* — *tålå*).²⁵ Самое сильное выравнивание характерно для восточного Тренделага, где часто выравнивание полное, и для шведских диалектов в Норботтене и Вестерботтене. Однако следы метафонии есть и в более южных областях, например в Рингерике в Норвегии и в Упланде и Седерманланде в Швеции²⁶. В диалектах с сохраняющейся краткосложностью выравнивание является живым морфонологическим чередованием, однако во многих случаях, особенно в диалектах с удлинением корневого слога, оно уже лексикализовано. Основной тип скандинавского неполного выравнивания, уподобление по подъему, как и в эпоху германского *a*-умлаута *i* и *u*, могут вызывать одинаковый тип выравнивания (ср. *ladu* > *lædu*; *galin* > *gælin*)²⁷, однако возможно и уподобление по ряду и по огубленности, ср. форму *vøtá*²⁸, где мы имеем дело с уподоблением и по подъему, и по огубленности.

Функция скандинавского выравнивания — качественное объединение двух гласных единого двухморного ударного комплекса. Выравнивание характерно для диалектов с балансом гласных и равновесным акцентом, который равным образом выделяет два гласных (две моры) и приравнивает их к долгому слогу долгосложных слов.

Появление и наибольшее распространение метафонии относят к XVI–XVII вв.²⁹

Южносаамская метафония соответствует по своему механизму североскандинавскому выравниванию; ср. уподобление по подъему, по ряду и по огубленности (*bissieh* ‘жарь’ — *bæssam* ‘я жарю’ — *byssove* ‘поджарен’)³⁰. Причем и здесь мы можем иметь дело с полной ассими-

²⁵ Borg A. Jamning // Svenska Landsmål och svenskt folkliv. 1973. N 298. S. 82–100.

²⁶ Ibid. S. 86–87.

²⁷ Hesselman B. Sveamålen och de svenska dialekternas indelning. Uppsala, 1905. S. 15, 32.

²⁸ Borg A. Jamning. S. 86.

²⁹ Hovda P. Ymist kring jamvektlovi // Maal og Minne. 1954. S. 109–114.

³⁰ Bergsland K. Language contacts between Southern Sami and Scandinavian // Language Contact. Theoretical and Empirical Studies (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 60) / E. H. Jahr. Berlin; New York, 1992.

лящей (ср. севсаам. *bassii* ‘*жарил(a)*’ и южносаам. *bissii(j)*), или чередование *tonno* ‘*иду*’ — *manat* ‘*идти*’ в диалекте Елливаре³¹ и с частичной ассимиляцией (при этом *i* и *u* оказывают одинаковое воздействие, ср. *harri* > *hæggi*, *aluk* > *æluk*)³².

Хотя механизм скандинавского выравнивания и механизм саамской метафонии схожи, функция южносаамской метафонии отличается от функции североскандинавского выравнивания, сфера действия которого — краткосложные слова (см. выше).

Предполагая ранее южносаамское происхождение североскандинавского выравнивания, я строил свое предположение в основном на их географическом распространении и на сходстве общего механизма ассимиляций. К этим доводам теперь мне хочется добавить и сходство конкретного направления ассимиляции, прежде всего полные ассимиляции типа саам. *tonno*, *bissii(j)* и сканд. *tålå* и *dripit*, и одинаковое воздействие заударных *i* и *u* и хронологический фактор. Время заимствования южносаамсаамской метафонии из скандинавских языков — VIII–IX вв., время появления скандинавского выравнивания — XVI в.

Конечно, можно было бы сказать, что североскандинавское выравнивание — прямое продолжение скандинавского умлаута и вызвано к жизни действиями тех же тенденций. Однако скандинавский *a*-умлаут перестал быть морфонологическим правилом уже в V в., а одинаковое (соответствующее действию немецкого преломления) действие *i* и *u* перестало быть правилом еще раньше. Возобновление этого механизма стало возможным не потому, что какие-то неясные тенденции дремали в течении тысячи лет, а потом вдруг дали о себе знать (подобное объяснение повторяющихся процессов можно часто встретить³³), а потому, что заимствовавший скандинавский умлаут южносаамский продолжал и продолжает сохранять соответствующие живые морфонологические чередования до сих пор. Именно эти живые морфонологические чередования и стали источником скандинавского выравнивания в XVI в. Однако каков был механизм этой интерференции и почему выравнивание было заимствовано именно в XVI в.?

---

³¹ *Collinder B.* Lautlehre des waldlappischen Dialektes von Gällivare. Helsinki, 1938. S. 59.

³² *Ibid.* S. 53, 67.

³³ *Wagner H.* Nordeuropäische Lautgeographie // Beiträge zur typologischen Sprachgeographie (Hg. B. Beneš et al.). Bern, 2002. S. 19–88.

3.1. Механизм интерференции метафония > выравнивание

Саамская интерференция в североскандинавские диалекты предполагает саамов, говорящих по-скандинавски, из языка которых это явление и распространилось в североскандинавские диалекты. Предположение о том, что саамы, прежде всего южные, знали скандинавский с древних времен, не вызывает возражений. До христианизации скандинавов такое знание не предполагало, однако, отказа от родного языка. После христианизации началось вытеснение саамского языка, т. е. происходила смена языка, причем в особой степени этот процесс коснулся южносаамского. Большинство южных саами сменили свой идентитет и стали шведами и норвежцами, причем наиболее сильную скандинавизацию саамов отмечают в эпоху Реформации, т. е. именно в XVI в. Хотя существуют разные предположения об исконной южной границе расселения саамов на Скандинавском полуострове³⁴, даже наиболее радикальные из них отмечают особое распространение саамов в Тренделаге (в центре скандинавского выравнивания) именно в XVI–XVII вв.³⁵ Повсеместная смена языка на территории, которая почти полностью соответствует территории скандинавского выравнивания (южная граница саамскандинавской контактной зоны в Средние века, ср. карту Сахриссон³⁶), почти до мелочей совпадает с южной границей следов распространения метафонии³⁷. Метафония, собственно, не распространялась на юг в исконные скандинавские диалекты, как я полагал раньше. Она, наоборот, вытеснялась из наиболее южных областей своего распространения. Функциональное переориентирование метафонии на консолидацию краткосложного двухморного комплекса в шведских и норвежских диалектах способствовало, однако, сохранению метафонии прежде всего в диалектах с сохранившейся краткосложностью.

Таким образом, мы видим, как одна и та же контактная изоглосса (регессивная дистантная ассимиляция гласных) на протяжении веков несколько раз меняла и направление движения, и продуктивность в зависимости от социолингвистической ситуации и от функциональной необходимости.

---

³⁴ *Baudou E.* Kulturprovinsen Mellannorrland under järnåldern // *Namn och Bygd*. 2002. N 90. S. 5–36.

³⁵ *Sandnes J.* Om samenes utbredelse mot sør i eldre tid // *Historisk tidsskrift*. 1973. Bd. 52. S. 135.

³⁶ *Zachrisson I.* Möten i gränsland. S. 131.

³⁷ *Кузьменко Ю. К.* Взаимодействие диалектов... С. 134, карта 11.

А. Н. Ливанова

О ЗНАЧЕНИИ КОНСТРУКЦИИ «ОТРИЦАНИЕ + ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В СЛАБОЙ ФОРМЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ С СУФФИГИРОВАННЫМ АРТИКЛЕМ» В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

В норме существительное, имеющее впереди стоящее определение, выраженное прилагательным и оформленное суффиксированным артиклем, должно иметь при себе в норвежском и отдельно стоящий артикль; прилагательное в таком случае выступает в слабой форме (которая в общем случае имеет окончание -e): *den lange veien* 'долгий путь'. Так утверждают все грамматики норвежского языка¹. Вообще же в континентальных скандинавских языках аналитический артикль противопоставляется суффиксированному именно как атрибутивный субстантивному².

Между тем в норвежском разговорном языке встречается, хотя и редко, указанная в заглавии конструкция (немыслимая в датском или шведском). Для наглядности приведем пример:

1) *Saabye Christensen var ikke gamle sneipen da han oppdaget en roman ved navn «Sult» i foreldrenes bokhyller* 'Соби Кристенсен был еще совсем крохой, когда обнаружил на родительских книжных полках роман под названием «Голод»' (DB. 19.02.02).

Обращение за разъяснениями к существующим грамматикам норвежского языка (как учебным, так и научным) дает немного. О трактов-

¹ См., напр., авторитетнейшую из них, созданную под патронажем Исследовательского совета Норвегии (Norges forskningsråd): *Faarlund J. T., Lie S., Vannebo K. Norsk referansegrammatikk*. Oslo, 1997. S. 296.

² См., напр.: *Скандинавские языки*. М., 1996. Вып. 3. С. 30; *Никulichева Д. Б. Синтагматические отношения в континентальных скандинавских языках*. М.; СПб., 2000. С. 145–178.

ке этой конструкции в грамматике Вестерна 1921 г. будет сказано ниже. В самой же уважаемой научной грамматике сказано так: определенная форма существительного используется «в отдельных предикативных конструкциях... Сюда относятся также отдельные предикативные выражения в предложениях, содержащих отрицание»³. Далее приводятся примеры: *Det var ikke rare greiene* 'Дело было худо'; *Mange kronene var det ikke* 'Крон-то было немного'; «*Du var ikkje gamle karen du da*», *sa han, og tende ein goyk...* 'Ты тогда еще совсем молоденький парнишка был, — сказал он и зажег сигаретку...'

В грамматике М. И. Стеблин-Каменского эта конструкция упоминается, но с указанием, что если свободно стоящего артикля нет, а есть только суффиксированный, а это случается редко, то прилагательное может употребляться и в слабой, и в сильной форме (последнее, по нашим наблюдениям, устарело). По мнению этого ученого, в таком случае «употребление артикля противоречит его основному значению» и субстантивная группа в соответствующих сочетаниях имеет значение неопределенности⁴.

Чтобы разобраться в «значении» и функциях данной конструкции, по-видимому, недостаточно ограничиваться рамками чистой грамматики; необходимо учитывать семантику лексического наполнения конструкции. Обратимся к собранному материалу. Классификация примеров показывает, что рассматриваемая конструкция встречается главным образом при описании ситуаций, где объектом сообщения являются следующие обстоятельства:

1. ВРЕМЯ. При указании на дискретные временные промежутки используется сочетание слова *mange* 'многий' с обозначением единицы измерения времени; при указании на длительность периода — сочетание прилагательного *lange* 'долгий' + слово *tid* 'время' или реже — другое обозначение временного промежутка (*øyeblikk* 'мгновение', *sekund* 'секунда', *minutt* 'минута', *time* 'час', *dag* 'день', *uke* 'неделя' и даже *mellomrom* 'интервал'):

1) *Jeg* (Hanne Harlem) *er mest bekyret over at jeg ikke har kommet sa langt at jeg kan peke ut hva som er aller viktigst å gripe fatt i. Nøyst sannsynlig tar det ikke lange tiden* 'Меня (Ханне Харлем, министра юстиции) больше всего беспокоит, что я даже еще не успела выяснить, чем важнее всего заняться. Скорее всего, у меня это много времени не займет' (КК. 2000. № 19).

³ Faarlund J. T., Lie S., Vannebo K. Op. cit. S. 300–302.

⁴ Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка. М.; Л., 1957. С. 67, 70.

2) Ja, til og med å re senga passet han på, enda han visste at han egentlig skulle ligge i den hele dagen, og at han ville legge seg i den igjen om **ikke så altfor mange timene**, til en slags middagshvil '*Мало того, он даже потрудился застелить постель, хоть и знал, что, вообще-то, ему бы следовало весь день пролежать в ней и что через не так уж много часов он снова туда уляжется, на своего рода послеобеденный отдых*' (SP. 128).

II. ВОЗРАСТ. В этом случае используется сочетание слова gamle '*старый*' + существительное — наименование лица (чаще всего kar '*парень*'); возможно также (если речь идет о ребенке) сочетание прилагательного store '*большой*' и существительного (gutt '*мальчик*' и т. п.; см. также пример I):

3) Vi ble tidlig voksne. Jeg var **ikke gamle karen** da jeg kunne lage mat, sy og gjøre rent '*Мы рано выросли. Я еще совсем мальчишкой был, а уже научился готовить, шить, убирать*' (KK. 1998. № 20).

4) Jeg var **ikke store knøtten** første gang jeg fikk fisk på kroken '*Я еще совсем крошкой был, когда подцепил первую рыбу на крючок*' (KK. 1999. № 51).

III. РАССТОЯНИЕ. При указании на дискретные отрезки пути используется сочетание слова mange + обозначение единицы измерения длины; при указании на длительность пути — lange + слово vei '*путь*':

5) Man skal **ikke ha gått mange meterne** i Grønlandsleiret før det flerkulturelle mangfoldet gjør seg gjeldende '*Не пройдешь и нескольких метров по территории полицейского участка Гренланди, как заявит себя этнокультурное многообразие*' (KN. 2000. № 1).

6) Det **har aldri vært lange veien** fra terer til latter i mitt liv '*В моей жизни от слез до смеха всегда было недалеко*' (H. 1998. № 3).

IV. МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ. При указании на определенное количество денежных единиц используется сочетание слова mange + название единицы; при указании на значительность общей суммы — слово store '*большой*' + слово, в значение которого входит указание на сумму каких-либо денежных средств:

7) Be banken overføre et fast beløp fra lønnskontoen samme dag som du får lønn. Det **behøver ikke å være mange kronene** — du kommer langt med 500–1000 kroner i måneden '*Попросите банк переводить определенную сумму со счета, на который поступает ваша зарплата, в день ее поступления. Это не обязательно должны быть крупные деньги — более чем достаточно 500–1000 крон в месяц*' (KK. 2001. № 6).

8) Det **blir ikke store arven igjen til etterkommerne?** '*Не очень-то большое наследство останется потомкам?*' (DB. 31.12.99).

V. UKAZANIE NA NALICHIE ZNANIJ, UMENIJ, NAVYKOV.

Если речь идет лишь о том, что таковые имеются — *store* + слово, в значение которого входит обозначение характеристики знания; если наличию соответствующих умений сопутствует положительная оценочность — *store* заменяется на *rare* (о значении которого речь пойдет несколько позже):

9) *Selv begynner jeg å få nok av kamskjell i sjokoladesaus og enebærmarinert hyse med bringebærsyltetøy. Det skal heller ikke store kokkunstene til for å få sjøkreps til å smake godt. Bare en stor lommebok 'Мне самому начинают уже приедаться морской гребешок в шоколадном соусе и маринованная в можжевеловнике пикиша с малиновым вареньем. Да и не требуется особых кулинарных умений, чтобы вкусно приготовить омара — только туго набитый бумажник'* (КК. 14/99).

10) *Det blir ikke rare skriftkulturen av slikt 'Такое не служит развитию культуры письменной речи'* (Ог. 1/00).

VI. ОБЩЕЕ UKAZANIE NA RAZMERY KAKOGO-LIBO MATE- РИАЛЬНОГО ИЛИ АБСТРАКТНОГО ОБЪЕКТА. Прилагательное *store* + название объекта. UKAZANIE NA KOличЕСТВО ОБЪЕКТОВ. Прилагательное *mange* + название объекта:

11) *Her har vi det meste, så det er ikke store flyttelasset vi har med oss når vi kommer og når vi forlater hytta 'У нас тут все нужное под рукой, так что когда мы едем на дачу или с дачи, нам не приходится тащить с собой воз вещей'* (F. 15/99).

12) *Det skal ikke store smørklumpen til, bare nok at den når den er smeltet i pannen, dekker den bløte eggemassen 'Вовсе не нужен огромный кусище масла, хватит такого, который, растаяв, покроем собой еще не затвердевшую яичную массу'* (KS. 10).

13) *Tom og jeg hadde ikke utvekslet mange ordene 'Том и я перекинулись лишь парой слов'* (DN. 9/01).

VII. UKAZANIE NA KOличЕСТВО ИЛИ КАЧЕСТВО УГОЩЕ- НИЙ. Если речь идет о количестве отдельных блюд/штук, используется сочетание слова *mange* с названием блюда/словом *rett* 'блюдо'; если о положительной оценке угощения — *rare* + слово, обозначающее какой-либо прием пищи:

14) *Her er ikke så mange rettene å boltre seg i 'Тут у нас не получится разгуляться с большим разнообразием блюд'* (KS. 8).

15) *«Det blir itj rare serveringa, men dere kan få te eller pulverkaffe», sier Arve Tellefsen på sitt slepne trøndersk 'Угостить вас мне особо нечем, но могу предложить чаю или растворимого кофе, — говорит Арве Теллефсен на своем облагороженном трендском диалекте'* (DB. 30.12.00).

Обобщая сказанное, отметим, что рассматриваемая конструкция выражает опровержение каких-либо данных, которые, по мнению говорящего, представляются как нечто привычное, данное, на самом же деле их параметры преувеличены (приукрашены) — иначе говоря, употребление конструкции создает эффект обманутого ожидания. Необходимость выражения такого смысла проявляется в подобных речевых ситуациях, когда требуется уверить слушающего в незначительности какого-либо обстоятельства, которое последнему, по мнению говорящего, представляется существенным.

Показателен в качестве примера ряд предложений из переводов на норвежский язык американского и шведского романов, где подобная конструкция появляется в переводе в следующих ситуациях:

16) *Var ikke andre selskaper inne i bildet? Det er ikke så mange oljekildene på denne kanten av kloden 'А другие компании не проявляли интереса? Не так уж много нефтяных месторождений на этом краю земли'* (RD, 126) — *Weren't other companies interested? Oil's getting pretty scarce in this part of the world* (RT, S. 142). Свидетель упомянул, что месторождением нефти интересовались только представители одной-единственной фирмы. Детектив же возражает. В английском оригинале соответствующий фрагмент текста служит лишь обоснованием заданного свидетелю вопроса. В норвежском переводе это обоснование еще и подчеркивается также представлением позиции собеседника, вытекающей из его реплик, как не соответствующей действительности.

17) *«Ingen ting som tydet på selvmords-tanker? Eller sykdom? Hjertet var visst ikke rare greiene», sier legen 'Ничего, что говорило бы о суицидальных намерениях? Или о заболевании? Сердечко-то было слабенькое, — говорит доктор'* (RD, 55) — *«No sign of suicidal impulse? Or illness? She had a pretty bad heart», the doctor says* (RT, 60).

Норвежский перевод также передает представление о ситуации со здоровьем пострадавшего, которое могло сложиться у собеседников говорящего как ошибочное.

18) *Men det varte ikke mange minuttene før han innså at de to hadde skapt en underfundig tekst 'Но прошло всего несколько минут, и он увидел, что эта парочка создала изобретательный текст'* (HO, S. 282) / *Men det dröjde inte många minuter förrän han såg att de två hade skapat en underfundig text* (HS, 278). В этом фрагменте перевода со шведского языка речь идет об отце, приглашенном на первый спектакль дочери и заранее готовящемся к тому, чтобы оценить ее работу честно, но не обидев. Однако спектакль оказывается хорошим.

19) Han så på de forskjellige datomerkene som var lesbare. Han kjente at det fremdeles luktet ferskt fra platen. De hadde ikke ligget her mange timene. Ikke i denne varmen 'Он посмотрел на разные маркировки дат, которые еще можно было прочесть. Понюхал — от пластика все еще пахло свежим. Не много часов они здесь пролежали. В такую-то жару' (НО, 382) / Han kände att det fortfarande luktade färskt kött från platen. De hade inte legat här i många timmar. Inte i den här värmen (HS. 377).

Интересующая нас конструкция появляется там, где ожидания нарушаются изменением привычной обстановки, в частности необычно жаркой погодой.

Во всех этих случаях в оригинале используется экспрессивная фигура речи с отрицанием («не много часов» вместо «мало часов»); использование как этого лексического средства, так и соответствующей лексико-грамматической конструкции в норвежском языке позволяет говорящему выразить несогласие с уже складывающимся или сложившимся, но неверным представлением о положении дел в менее категоричной, менее явной, но более экспрессивной форме, чем прямое заявление о таком несогласии.

Как показывает этот материал, далеко не любые существительные и прилагательные могут заполнять данную конструкцию, а ограничения на использование тех и других накладываются их семантикой. Попытки обратиться к отдельным составляющим конструкции в поисках той из них, что блокирует употребление свободностоящего определенного артикля, приводят к следующему.

Вряд ли управляющий конструкцией глагол может мешать употреблению артикля. Предложения, в которых встречается данная конструкция, чаще всего начинаются с формального подлежащего, соединенного с указанной конструкцией глаголом-связкой *være* 'быть' или *bli* 'становиться' в требующейся по контексту временной форме; кроме того, может быть использован предикат со значением 'необходимо, требуется, надо' (*behøve, kreve, trenge, skulle*) или со значением 'занимать', 'идти' (о времени) — *gå, ta*. Указанные глаголы роднит то, что они (в этом значении) требуют при себе прямого дополнения; других ограничений нет, в чем легко убедится любой владеющий норвежским языком специалист.

Можно предположить, что блокировать употребление артикля может отрицание *ikke* 'не'. Грамматика Вестерна гласит: «Отметьте, определенный артикль также и когда перед существительным имеется прилагательное — особенно *mange* — с отрицанием»⁵. Приводится один-

⁵ *Western Aug. Norsk Riksmåls-Grammatikk*. Kristiania, 1921. S. 518.

единственный пример: De talte ikke mange ordene ‘Они проронили всего несколько слов’. Однако далее, описывая kvantitets-adjektiver — «количественные прилагательные», Вестерн высказывает мнение, что такие конструкции равнозначны сочетаниям с неопределенным артиклем⁶. Напомним, что отрицание является фактором, обладающим возможностью радикально менять форму слов в конструкциях, к которым относится (например, в русском производится замена именительного падежа на родительный: у меня есть машина — у меня нет машины). Однако в данном случае находим ряд примеров с отрицанием ‘же’, в сочетании с определенным артиклем (где, однако, вся конструкция не имеет выявленного нами для конструкций без артикля значения). Подтверждением нашего предположения могут служить и примеры, в которых используются прилагательные и существительные рассмотренных лексико-семантических групп, однако в конструкции с артиклем, используемым в соответствии с каноническими правилами. Это, во-первых, рамочный или только отдельно стоящий определенный артикль при существительном, определением к которому служит прилагательное в слабой форме:

20) Dette område ble ikke en del av den nye provinsen Judea i 6 e. Kr., og derfor er det en merkelig tanke at Josef og høygravide Maria skulle dra den lange veien til Betlehem for å registrere seg der ‘Этот район не был включен в новую провинцию Иудею в 6 году н. э., и потому странно, зачем Иосифу и Марии было отправляться в долгий путь до Вифлеема, чтобы там зарегистрироваться’ (DB. 9.01.99).

21) Det trenger ikke å være de store tingene. Det kan være en fisketur i kveldingen, en tur i skogen... ‘Это вовсе не обязательно должны быть какие-то грандиозные предприятия. Это может быть рыбалка на закате, прогулка по лесу...’ (Hj. 25/01).

22) Man orker ikke å gå den lange vei. Man gjør som en av medaljevinnerne i Oslo Maraton gjorde forleden år. Man tar bussen til man nesten er framme, og løper lettvent det siste stykket ‘Нет сил и желания выбирать дальний путь. Поступают так, как один из победителей марафона Осло в прошлом году. Добираются на автобусе почти до самого финиша и с легкостью пробегают последний участок’ (H. 6/98).

Во-вторых, это существительное без артикля, к которому относится определяемое прилагательное в неопределенной форме:

23) Det gikk ikke så veldig lang tid før vi prøvde oss fram ‘Не так уж много времени нам понадобилось, чтобы найти оптимальный вариант’ (SU. 1–2/02).

⁶ Ibid. S. 523.

В четырех вышеприведенных примерах словосочетание с соответствующим прилагательным не имеет того оттенка значения и той экспрессии, о которых говорилось выше.

Общим же для существительных, определяемых интересующими нас прилагательными, является лишь относительная значимость их денотатов в повседневной жизни и возможность их квантифицировать. Так, существительные, встречающиеся в данной конструкции, варьируют в значительных пределах, но относятся практически только к вполне определенным лексико-семантическим группам, из которых наиболее частотными оказываются время, расстояние, обозначение лица и его характеристика («talанты») и жизненные блага (деньги, еда), т. е. это существительные, обозначающие нечто, чаще всего подлежащее квантификации в реальной жизни.

Ограничения в наибольшей степени касаются прилагательных. В этой конструкции встречаются лишь параметрические прилагательные (чаще обозначающие положительную часть шкалы): gammel ‘старый’, lang ‘долгий’, stor ‘большой’; mange ‘многий’; а также rar (имеется в виду редкий ЛСВ этого слова, встречающийся именно в конструкциях с отрицанием и определяемый в новом Большом норвежско-русском словаре так: «2 (med nektelse) в кач. предиката нехорошо, плохо; det står ikke ~ t til med ham adv ‘с ним дело неважно, дела у него неважные’; dette var ikke ~ e greiene ‘плохи дела, плохо дело’; Hvordan var filmen? — Det var ikke ~ e greiene ‘Ну как фильм? — Да не особенно {Не (чтобы) очень, Не бог весть что}’; det blir ikke ~ t igjen ‘да, не много же здесь останется’»⁷ (ср. следующий пример):

24) ...selv da var det ikke rare greiene som kom ut av den rike munnen hans ‘...даже тогда не слишком-то удачные выражения слетали с его уст’ (Ог. 1/02).

В современной норвежской лингвистике принято говорить о «квантифицирующих» («kvantifiserende») прилагательных и относить к ним следующие: all, enhver, hver, ingen, mang en, noen, т. е. те, что мы считаем местоименными прилагательными⁸ (как ранее считали и согласно норвежской традиции⁹).

Отметим, что другими исследователями группа квантифицирующих прилагательных выделяется на основе таких их общих свойств, как

⁷ Большой норвежско-русский словарь / Главн. ред. В. П. Берков. Осло, 2003.

⁸ Faarlund J. T., Lie S. Vannebo K. Op. cit. S. 218–219.

⁹ См., напр.: Western Aug. Op. cit. S. 493–496; Coward G. Riksmålsgrammatikk. Oslo, 1986. S. 122–127.

невозможность использования перед ними определенного артикля, а также отсутствие у них степеней сравнения¹⁰. Обоснований проявления таких свойств не приводится.

Иначе эту группу называют также «кванторами»: «К детерминативам относят также весьма неоднородную группу счетных слов, или кванторов. Традиционно их называли неопределенными местоимениями (*alle, noen, ingen, hver, annen*), числительными или неопределенным артиклем (*en*). Синтаксически детерминативы отличаются от местоимений тем, что все они выполняют важную функцию стоять перед (прилагательным) с существительным, в то время как собственно местоимения заменяют субстантивную группу целиком»¹¹.

Отметим, что и параметрическое прилагательное в нашей конструкции может оформлять не только одиночное существительное, но и субстантивную группу, составляющую единое семантическое целое:

25) Schøtt-Pedersen (41) var ennå ikke fylt ti, da han en dag myste opp fra sine organisasjonskabler og konstaterte at det lokale guttelaget ikke holdt mål. Da var det ikke mange administrative grepene om å gjøre, før en ny fotballklubb så dagens lys i nabolaget 'Шетт-Педерсену не исполнилось еще и десяти лет, как он разочек поднял глаза от своих головоломных бумаг и констатировал, что команда мальчиков далека от совершенства. Понадобилось применить всего-то парочку административных уловок, и в микрорайоне появился новый футбольный клуб' (DB. 18.11.00).

Отечественные исследователи более четко различают частеречную принадлежность слова и его функциональные свойства. Так, Падучева говорит о «кванторных словах», выделяя среди них кванторные прилагательные, существительные, наречия (места и времени), глаголы и даже фразеологические сочетания, и отмечает, что «правильнее... говорить не о кванторных словах, а о кванторных значениях, называя кванторным такое слово, хоть одно из значений которого является кванторным»¹².

Очевидно, важнейшим является то их семантическое свойство, по которому они и названы, — способность обозначать меру чего-либо. В таком случае все вышеперечисленные прилагательные, встречающиеся в интересующей нас конструкции, в данной конструкции именно это и обозначают и выполняют, таким образом, роль кванторов, обре-

¹⁰ Golden A., McDonald K., Ryen E. Norsk som fremmedspråk: Grammatikk. Oslo, 1990. S. 47.

¹¹ Faarlund J. T., Lie S., Vannebo K. Op. cit. S. 23.

¹² Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974. С. 79.

тая и первое их формальное свойство — невозможность употребления при них свободостоящего артикля.

Не следует удивляться тому, что в кванторные попадает, скажем, прилагательное *stog* при том, что русское 'большой' не имеет кванторного значения. Норвежские параметрические прилагательные обладают иными свойствами, функционируя в системе языка, построенного по-иному. Так, *liten* 'маленький' тоже может употребляться как квантор, скажем, в следующем примере:

26) *skotter bort på det lille publikummet som... ' (она) бросает взгляд на тех немногочисленных наблюдателей (букв. «на ту малую публику»), что... ' (DB. 16.02.02).*

Сферой действия кванторных прилагательных, перечисленных выше, служит интересующая нас конструкция.

Слабая форма употребляется в ней, во-первых потому, что отсутствие аналитического артикля характерно для кванторов как показатель отсутствия конкретной референции. Во-вторых, квантор составляет единое семантическое целое с существительным; ведет себя так же, например, как постоянный эпитет какого-либо лица, обладающий тем же семантическим свойством.

По иной традиции, идущей от Дидериксена¹³, принято в отношении субстантивных групп говорить о «поле», понимая под ним позицию, занимаемую «адьюнктами» одного и того же вида. Среди этих полей выделяют и определительное, которое образует «артикль, местоимение, существительное в форме родительного падежа, порядковые и количественные числительные», а также «слова типа *begge, selve, alle, hele*»¹⁴ — как видим, именно эти слова и приводятся в данном списке и употребляются именно в слабой форме, как и в нашей конструкции, и точно так же в сочетании с существительным, оформленным лишь суффиксированным артиклем, выражают значение определенности.

Почему все же имеется суффиксированный артикль? В академической грамматике норвежского языка указывается, что главной для выделения этой группы служит их способность указывать на особенности референции существительного¹⁵. Ведь вся субстантивная группа целиком мыслится как определенное, уже замысленное слушающим (хотя вслух

¹³ *Diderichsen P. Elementær dansk grammatikk. København, 1957. S. 150–151.*

¹⁴ *Diderichsen P. Op. cit. S. 221–223, 226. См. также Appo T. A. Препозитивные адьюнкты в структуре субстантивной группы // Скандинавские языки. М., 1984. Вып. 1. С. 169.*

¹⁵ *Faarlund J. T., Lie S., Vannebo K. Op. cit. S. 23, 202.*

и не произнесенное) мнение, на которое говорящий и возражает. «Употребление говорящим определенного артикля заставляет слушающего поместить референт грамматического объекта в множество объектов, информацией о котором обладают как говорящий, так и слушающий»¹⁶.

Крайне редкие отступления от канона, как, в частности, употребление существительного в этой конструкции без суффигового артикля (примеры ниже), легко объяснимы.

27) ...det er sunt å riste seg selv litt hvis dagene blir for alminnelige. Det skal ikke store forandringer til '*...полезно встряхнуться, если дни проходят все будничнее. Для этого не нужно таких уж значительных изменений*' (КК. 19/00).

28) Ikke mange millimeter: Anne Grete cirka to år gammel '*Совсем не много миллиметров: Анне Грете в 2 года*' (DB. 13.10.01).

29) Jeg fikk diagnosen osteoporose. Det skal ikke store anstrengelser til før det kan komme et brudd. Å slepe på en bærepose med tre melkekartonger kan være nok '*Мне поставили диагноз остеопороз. Совсем не требуется сильно напрягаться, чтобы получить перелом костей. Может хватить всего лишь переноски сумки с тремя пакетами молока*' (А. 4/01).

Как видим, опущение артикля возможно только при существительных во множественном числе и объяснимо тем, что в норвежском языке прилагательное во множественном числе употребляется всегда в слабой форме; в данном случае она и воспринимается как таковая, не несущая в себе той информации о месте в категории обусловленности, которую несет в себе слабая форма прилагательного при существительном в единственном числе.

Во-вторых, при наличии в высказывании двух связанных между собой по смыслу субстантивных сочетаний подобного рода суффигованный артикль может быть использован лишь в первом; по-видимому, поскольку рассматриваемая конструкция экспрессивна, достаточно выразить эту экспрессию один раз.

30) Ikke mange timene etter at den nye regjeringen var dannet, kom de første signalene om at den ville modernisere offentlig sektor. Og det gikk heller ikke lang tid etter dette før bøygen for reformene var pekt ut: de ansatte i sektoren. Fiendebildene dannes før første spadestik er tatt '*Едва прошло несколько часов после образования нового правительства, как*

---

¹⁶ Огуречникова Н. Л. Семантика определенности и типы референции в «Старшей Эдде» // Скандинавские языки: Диахрония и синхрония. М., 1999. Вып. 4. С. 248.

поступили первые сигналы о том, что оно собирается модернизировать общественный сектор. А после этого прошло совсем немного времени и нашли, кто же это тормозит реформы: занятые в этом секторе. Образ врага формируется раньше, чем сделаны даже первые шаги в реальном деле' (ДВ. 31.03.00).

И наконец, последнее исключение из правила — модификация значения прилагательного словом *helt* 'совсем, очень', однако именно наличие этого слова, которое делает группу квантора распространенной, вполне объясняет появление вновь отдельно стоящего артикля:

31) Han er 30 år og har ikke de helt store ambisjonene i livet 'Ему 30 лет, и у него нет в жизни совсем уж высоких амбиций' (КК. 41/94).

32) Markeder som dette i Hermanus finner du mange steder, men du kan neppe vente å gjøre det helt store handlekuppet 'Рынки вроде этого, в Германусе, встречаются во многих местах, но вряд ли стоит ожидать, что удастся совершить очень уж выгодную покупку' (Нј. 1/99).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, подтверждается тезис Никуличевой¹⁷ о том, что сверхопределенность в норвежском языке «мотивируется не узкими формально-грамматическими факторами... а связывается с более широкой семантической мотивировкой, что согласуется с характерной для норвежского языка тенденцией к функционально-обусловленному варьированию структур».

С другой стороны, в указанной работе рассмотренная нами конструкция не упоминается; утверждается, что в норвежском (и шведском) языке структурные изменения в синтагматике именных групп используются как дополнительные средства маркирования семантической целостности этих групп, однако среди возможных вариантов указанный не упоминается. Мы считаем, что и данная конструкция служит дополнительным свидетельством верности концепции Никуличевой: «...базовым принципом соединения элементов именной группы для норвежского и шведского языков является принцип контактного присоединения. Нарушение этого принципа позволяет маркировать создание более тесных ономаσεологических целостностей»¹⁸.

В указанной конструкции наличие лишь одной из составляющих рамочной конструкции служит показателем того, что субстантивная группа в ней имеет «референтный денотативный статус слабой опреде-

¹⁷ Никуличева Д. Б. Указ. соч. С. 178.

¹⁸ Там же. С. 178–179.

ленности»¹⁹. Определенность состоит в том, что объект, о котором идет речь, известен и говорящему, и слушающему. Слабость же этой определенности состоит в нечеткости количественных характеристик объекта, поскольку здесь отрицается значение, выраженное квантифицирующим прилагательным.

Источники и их сокращения

- A — «APOLLON» (журнал)
DB — «Dagbladet» (газета)
DN — «Det Nye» (журнал)
F — «Familien» (журнал)
H — «HENNE» (журнал)
Hj — «Hjemmet» (журнал)
HO — *Mankell H. Villspor*. Oslo, 2000.
HS — *Mankell H. Villospår*. Stockholm, 2000.
KK — «Kvinner og Klær» (журнал)
KN — «Kulturnytt» (журнал)
KS — *Siem K. Kåres nam-nam-bok*. Oslo, 1975.
Or — «Ordet» (газета)
SP — *Solstad D. Professor Andersens natt*. Oslo, 1996.
SU — «Shape-Up» (журнал)
RD — *Macdonald R. Dragsuget*. Oslo, 1974.
RT — *Macdonald R. The Drowning Pool*. M., 1992.

A. N. Livanova

OM BETYDNINGEN AV KONSTRUKSJONEN «NEKTELSE + ADJEKTIV I SVAK FORM + SUBSTANTIV MED SUFFIGERT ARTIKKEL» I NORSK

Dobbel bestemmelse er et karakteristisk norsk trekk. Adjektivet som er brukt i substantivgrupper med bestemt artikkel, skal da stå i svak form. Det er få unntak, og ett av dem er tittelkonstruksjonen, som hverken forekommer i dansk eller svensk. Gjeldende grammatikkbøker gjør ikke forsøk på å tyde den. M. I. Steblin-Kamenskij mente at i slike tilfeller var artikkelbruk i strid med sin grunnleggende betydning. Her ser vi nærmere på konstruksjonens bestanddeler og kommer til konklusjonen at det er adjektivene, som hører til en begrenset semantisk gruppe, nemlig kvantifiserende, som er avgjørende for artikkelbruk og for sin egen form i konstruksjonen, og at konstruksjonen står for uttrykk av svak bestemthet.

¹⁹ *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 2001. С. 212.

И. В. Матыцина

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Глубокие перемены, происшедшие за последние пятьдесят лет в социальной, научной и культурной жизни всех европейских (и не только европейских) стран, коснулись и Швеции. Изменившиеся условия жизни вызвали изменения в системе языка, который, в свою очередь, стал важным фактором дальнейших общественных преобразований.

И хотя особенно заметно изменился язык, обслуживающий те сферы жизни, в которых занята молодежь (дошкольное, школьное и вузовское образование, новые отрасли науки и производства), все это лишь заостренное проявление тенденций, характерных для общества в целом.

«История шведского языка продолжается и будет продолжаться, пока существует шведский язык. Однако он непрерывно меняется, и эти изменения, поначалу не заметные для нашего глаза, со временем становятся очевидными, и мы с удивлением замечаем, что формы, выученные в школе, уже не являются единственно верными или — еще того хуже — что они частично или полностью устарели», — пишет Б. Мольде во вступлении к своему сборнику статей¹. О том же, но только еще более категорично говорит и другой шведский лингвист У. Юсефсон², сравнивая нынешний период истории языка с языковой ситуацией XV в. и опасаясь, что в скором времени даже самые образованные люди будут с трудом читать тексты столетней давности.

¹ *Molde B. Svenska idag. Stockholm, 1992. S. 3.*

² *Josephson O. Kom Loss! Lagg av! Ge järnet! Bingo // Svenska Dagbladet. 1986. 01 dec.*

Наиболее динамичен и подвержен изменениям, естественно, лексический слой языка. В чем же эти изменения заключаются? Кратко суть происходящих процессов можно сформулировать так: демократизация, «онаучивание», американизация языка и культуры³. И хотя два первых пункта кажутся несовместимыми, это лишь внешнее противоречие. Всеобщая грамотность — одна из основных предпосылок возникновения письменной культуры. Однако распространение письменной нормы происходит значительно быстрее и легче там, где она достаточно близка к устной, т. е. неформальна.

В последние несколько десятилетий письменная речь шведов пополнилась немалым количеством слов, которые раньше являлись исключительно принадлежностью устной речи. Нормой в газетной статье стали фразы, типа *Ren tank i kåken, Tullen gjorde knarkbeslag*; слова, относящиеся к разговорному стилю, потеснили, а кое-где и вытеснили «книжные»: *andock* → *ändå*; *allenast, blott, endast* → *bara*; *ehuru* → *fastän*; *emedan* → *eftersom*. Сегодняшним подросткам слово *rojke* кажется столь же старомодным, как их родителям — *gosse*, единственно возможная альтернатива сейчас — *kille* (причем даже для взрослых людей, которые, говоря о своих ровесниках, называют их *killar och tjejer*). Отчасти нарушено табу на употребление ненормативной лексики, которую можно услышать из уст радио- и телерепортеров, увидеть в газетных интервью и даже (впервые в истории!) найти в словнике, изданном Шведской академией (SAOL⁴). Как указывает главный редактор словника М. Геллерстам⁵, некоторые из этих выражений мелькают в газетах так часто, что проигнорировать их существование составители сборника не могли и включили в него, например, не только слово *skit*, но и композиты с этим компонентом: *skitbra, skitstövel, skitlukt* è *skitgubbe*. Зато слово *alfons* как безнадежно устаревшее было исключено из списка и заменено словами *sutenör* и *hallick*, которые лучше отражают изменившиеся реалии.

В результате демократизации письменного языка в него вошли (хотя и с некоторыми стилистическими оговорками) усеченные формы *dan* (вм. *dagen*), *stan* (вм. *staden*), *sen* (вм. *sedan*), *lite* (вм. *litet*), *nånting* (вм. *någoting*), которые еще недавно считались сугубо разговорными.

³ Ibid. — Этой же теме были посвящены доклады К. Грюнбаум на «Днях шведского языка» в Москве в 1994 г. и в Новгороде в 1999 г. (*Grünbaum C. Tendenser i modern svenska. Moskva, 1994; Grünbaum C. Vad händer i svenska språket? Novgorod, 1999*).

⁴ SAOL. Stockholm, 1986.

⁵ *Andersson B. Runda ord blir rumsrena i nya upplagan av Saol // Svenska Dagbladet. 1986. 12 oct.*

Другие формы, еще несколько десятилетий назад вполне актуальные⁶, безнадежно устарели: сейчас уже никто не пишет *hava, draga, taga, giva, bliva*, и даже формы *lade* и *sade* понемногу выходят из употребления, заменяясь на более короткие *la* и *sa* (У. Телеман⁷ объясняет это принципом языковой экономии (*den språkliga ekonomiprincipen*), т. е. стремлением языка к простоте и краткости).

Одновременно возвращаются некоторые старые (архаичные) слова: *ej, dock, tu* и целый ряд других (см., например, произведения такого знаменитого шведского писателя, как У. Лагеркранц).

Эволюционные процессы затрагивают не только лексику, но и морфологию и синтаксис шведского языка. Изменяется глагольная парадигма, формы сослагательного наклонения *låge* и *såge* (отчасти даже *voge* и *finge*) большинству молодых людей не знакомы. Глаголы, имеющие параллельные формы и изменяющиеся как по сильному, так и по слабому типу, например *simma — sam — summit* и *simma — simmade — simmat*, постепенно переходят (или уже перешли) в слабое спряжение. Сказанное относится также к глаголам *tvinga, besluta, lyda* и др.

Разговорные формы *mej, dej, sej* все чаще можно увидеть на письме, и даже вариант *dom* (вм. *de* и *dem*) отчасти признается допустимым⁸. Союз *och* под влиянием разговорного языка вытеснил показатель инфинитива *att* в выражениях типа *han håller på och förblöder*. В других

---

⁶ См., напр.: Миланова Д. Э. Шведско-русский словарь = *Svensk-rysk ordbok*. М., 1985.

⁷ *Lundqvist Å. De nya orden gör verkligheten gripbar // Dagens Nyheter. 1987. 15 feb.*

⁸ Некоторые преподаватели шведского языка, например Г. Персон и Т. Петерсон (*Persson G., Pettersson T. Mig eller mej, de eller dom // Svenskläraren. 1984. N 5. S. 8.*) даже настаивают на проведении реформы, максимально упрощающей, в частности, систему личных местоимений «для уменьшения пропасти, разделяющей людей с разным уровнем подготовки» (*klyftan mellan kunniga och okunniga skribenter*). Под этим «демократическим» лозунгом, они призывают лингвистов избавить язык от «ненужных» сложностей и легализовать, а кое в чем даже усовершенствовать разговорную норму. Система личных местоимений, таким образом, приобретает следующий вид: *ja — mej, du — dej, han — han, hon — hon, den — den, de — de, vi — oss, ni — er, dom — dom*. Правда, сами авторы признаются, что преемственность языка при этом будет нарушена и все, написанное прежде, в скором времени может стать для массового читателя практически недоступно. К тому же изменение системы личных местоимений неминуемо вызовет цепную реакцию и приведет к разрушению системы притяжательных местоимений и появлению форм типа *des, doms, hons* и т. д. (*Meyer O. Ja såg de i hons ögon // Svenska Dagbladet. 1985. 02.21.*)

случаях показатель инфинитива просто опускается, например *jag beslutade gå på festen* или *du kommer få höra mer om detta*.

В результате сближения письменного и разговорного языка сократилась длина предложений и упростилась их структура, причем эта тенденция последовательно прослеживается в текстах любого стиля.

Все это — проявления общего процесса демократизации, который разрушил старую иерархию и сделал общественные отношения более неформальными. Это сказалось на стиле одежды (на смену галстукам и костюмам пришли джинсы и свитера), на стиле общения (традиционные условности и правила этикета потеряли прежнее значение, и даже представители власти начали обращаться к гражданам на «ты» (*du*). Наряду с этими процессами происходила демократизация языка. Учителя в школе стали более терпимыми, меньше уделяли внимания грамматике и правописанию.

«Можно сказать, что в каком-то смысле гимназисты стали писать хуже. Если оценивать сегодняшнее выпускное сочинение по критериям тридцатилетней давности, оно окажется ниже всякой критики», — признается Тур Хультман, преподаватель Педагогического института в Мальме. Однако нынешние выпускники, по его мнению, отличаются от своих родителей большей самостоятельностью в формулировке мыслей и выборе языковых средств⁹.

Как отмечалось выше, процесс размывания границ между жанрами и стилями языка не является однонаправленным: наряду с «демократизацией» письменной речи происходит «онаучивание» речи устной.

Среди факторов, увеличивающих влияние письменной речи на устную, следует назвать рост бюрократического аппарата (особенно заметный после вступления Швеции в ЕС), стремительное развитие техники и производства, появление новых и исчезновение старых социокультурных реалий, расширение межнациональных и международных контактов, а также профессионализацию образования. С раннего детства ребенок начинает готовиться к школе под руководством дипломированного воспитателя (*förskollärare*), продлевается время обучения в школе, занятия приобретают все более теоретическую направленность. Если раньше, например, домоводство называлось *hemkök* (т. е. 'домашняя кухня') — на этом уроке детей учили готовить, — то теперь существует теоретический курс домоводства, со своим учебником, терминологией и тестами.

Стремление языка как можно более полно и точно отразить сложную, непрерывно меняющуюся действительность приводит к возникновению

---

⁹ *Lundqvist Å. Op. cit.*

огромного количества сложных слов, как окказионализмов, так и более устойчивых комбинаций, которые пополняют лексический состав языка.

«Gatukökens vitaminberikade kebaber funkade som basmat för långpendlare», «Offentliganställda biståndsarbetare MBL förhandlar om flexitid», «Lyx-saneringar, andelslägenheter och smygkontoriseringar snedfördelar bostadskonsumtionen». Подобными примерами пестрят страницы любой шведской газеты, и мало кто задумывается о том, что за исключением артиклей, нескольких союзов и предлогов все слова в этих предложениях молоды — им не более 30–40 лет «от роду»¹⁰. Преимуществом этих композитов является их содержательность и компактность, недостатком — избыточная длина (лексемы, состоящие из трех и более основ — далеко не редкость). Очевидно, в противовес этому процессу, в качестве своеобразной компенсации, в языке увеличивается количество аббревиатур, типа OB, FOA, IT, SYO, усечений *säljchef* (вм. *försäljningschef*), *jämförpris* (вм. *jämförelsepris*), *beställpris* (вм. *beställningspris*), *kombi* (вм. *kombinerad person- och varutransportbil*), *porn* (вм. *pornografi*), *max* (вм. *maximum*), *flexitid* (вм. *flexibel arbetstid*) и т. д.

В Словаре новых слов¹¹ есть даже лексема *lasad* — причастие, образованное из начальных букв слов, входящих в словосочетание *lagen om anställningsskydd*. А метеорологическая служба, которая раньше называлась *Väderlekstjänsten* (Служба погоды), теперь называется *Statens meteorologiska och hydrologiska institut*. Это длинное и абстрактное название известно далеко не всем, и многие употребляют вместо него аббревиатуру *SMHI*, даже не зная, что точно она обозначает.

В основном усечению и упрощению подвергаются имена существительные, реже — глаголы. Например, целый ряд заимствованных глаголов, оканчивающихся на *-era* (*-isera*, *-ifera*) были ассимилированы разговорным языком и подверглись усечению — *aha* (*accelerera*), *difff* (*differentiera*), *reka* (*rekomendera* / *rekognosera*), *sabba* (*sabotera*), *tracka* (*trakassera*).

Примеров американизации языка найти можно немало. По мнению У. Телемана, этот процесс начался в 40-е гг. XX в. вместе с изменением культурной и национальной ориентации Швеции. До этого шведские наука, культура и язык были ориентированы на Германию, однако после Второй мировой войны Швеция постаралась максимально дистанцироваться от Германии и обратила свои взоры к США, все американское стало модным¹², и английский язык сделал

¹⁰ *Lundqvist Å.* De nya orden gör verkligheten gripbar.

¹¹ *Nyord i svenskan från 40tal till 80tal.* Stockholm, 1986.

¹² *Lundqvist Å.* Medierna styr 1900-talet // Svenska Dagbladet. 1986. 01 dec.

ся основным источником иностранных заимствований как в профессиональной, так и в общеупотребительной лексике шведского языка.

«Если не остановить процесс разрушения шведского языка (*avsvenskingsprocess*), то в скором времени он будет напоминать уродливое бесформенное одеяло, многократно залатанное и потерявшее свой первоначальный вид»¹³. «Если мы не будем активно сопротивляться американизации нашей культуры и нас самих, то в скором времени и мы, и наши дети потеряют свой язык и свою культуру»¹⁴. Эти высказывания разделяют двадцать лет, в течение которых многие лингвисты, писатели, журналисты и деятели культуры, обеспокоенные процессами, происходящими в языке, неоднократно поднимали в печати вопрос о необходимости разработки последовательной языковой политики. Особенно активную работу по поддержанию статуса шведского языка вели *språkvårdare* — специалисты, осуществляющие контроль за правильностью и чистотой языка.

Например, в редакции одной из крупнейших утренних газет «*Dagens Nyheter*» был проведен конкурс среди журналистов, пишущих на экономические темы. Цель конкурса — создание шведских эквивалентов для наиболее частотных английских заимствований, таких, например, как *cash management* (шв. *kassaskötsel*), *headhunter* (шв. *talangjägare*), *image* (шв. *profil*), *sleeping partner* (шв. *passiv delägare*), *venture-capitalbolag* (шв. *riskkapitalbolag*) и др.

В журнале «*Språkvård*» регулярно публиковались статьи о правомерности использования тех или иных модных заимствований в шведском языке. При этом оценивалось их соответствие фонетической и грамматической системе шведского языка, рассматривались возможные шведские эквиваленты, подробно анализировались достоинства и недостатки каждого из вариантов¹⁵.

¹³ *De Geer V. Svenska språkets engelska sjuka*. Stockholm, 1962. S. 11.

¹⁴ *Journalisten*. 1984. 10 maj. S. 1.

¹⁵ Например, профессор лингвистики В. Сигурд находит семь шведских слов и словосочетаний, передающих значение английского выражения «*stand up comedian*»: *ståuppkomiker*, *uppstående komiker*, *ståkomiker*, *stående skämtare*, *uppståndelseskämtare*, *uppståndare*, *ståuppare*. Последнее, т. е. *steuppare*, кажется ему наиболее подходящим, так как оно емко, компактно, не имеет дополнительной коннотации (в отличие от *uppsstendare* и *uppstendelseskämtare*, которые ассоциируются со словом *uppstend* 'непенолох') и образовано по модели уже существующих слов типа *gepeare* и *knäppuppare*, зафиксированных шведскими словарями (*Sigurd B. Vad skall en stående skämtare kallas? // Språkvård*. 1993. N 1. S. 22).

В 2002 г. в свет вышел Отчет экспертной парламентской комиссии¹⁶, в котором отмечалась необходимость проведения последовательной языковой политики по отношению к английскому языку для укрепления статуса шведского языка во всех значимых сферах общественной жизни. Для контроля за языковой ситуацией было предложено создать новый государственный орган — Шведский совет по языку.

Интересно, однако, отметить, что, несмотря на вполне оправданное беспокойство лингвистов, влияние английского языка на шведский не столь велико, как кажется. Прямых заимствований не так уж много, в основном происходит калькирование внутренней формы (*befolknings-explosion* вм. *population explosion*) или значения английского слова (лексема *aktiivitet* в шведском языке получила почти конкретное значение: *Barnen ägnade sig åt olika aktiviteter*).

Один из крупнейших шведских лингвистов У. Телеман считает, что в дальнейшем темпы обновления языка будут только увеличиваться¹⁷, и это потребует постоянной ревизии словарей и справочных изданий.

Главным виновником языковых преобразований У. Телеман считает прессу, которая, по его мнению, является законодателем моды в современной Швеции. Для подтверждения своей точки зрения У. Телеман обращается к истории: в XVII в. решающее влияние на развитие языка в стране оказывала церковь, в XVIII — дворянство, в XIX — государственные чиновники. В XX в., особенно после Второй мировой войны, лидирующая роль отошла к прессе, и мобильная, злободневная, охочая до всего нового журналистика стала задавать тон в выборе языковых средств. Известный шведский писатель Т. Линдгрэн называет происходящее «саботажем, в котором участвуют политики, журналисты, «рекламщики» и «технари», и отмечает, что хотя молодые «поколения во все времена «саботировали» старый язык, чтобы на его месте создать новый, лучше отвечающий их интересам, никогда прежде этот саботаж не принимал такие массовые и хорошо организованные формы». Разрушаются сами основы языка, и цель этих действий, по мнению Т. Линдгрэна, — подчинить людей своей власти, сделать общество более управляемым. Язык — синоним человеческого сознания. Упрощение языка означает обеднение сознания¹⁸.

¹⁶ Mål i Mun. SOU. Stockholm, 2002.

¹⁷ Lindqvist Å. Op. cit.

¹⁸ Lindgren T. Medvetandets verktyg är språket // Svenska i skolan. Svenskläraryrörelsen årskrift. 1986. S. 4–13.

«Мы забыли, что материальная оболочка слова и его значение — общающиеся сосуды, и употребляем материальную оболочку отдельно от лексического наполнения слов»¹⁹. Слова семантических полей «страх», «любовь», «святость» и «радость» теряют свое прямое значение и применяются в сниженном или переносном значении. «Катастрофы» происходят на хоккейных площадках, поп-звезды испытывают ужас (*ångest*) перед выходом на сцену, *любовь* в рекламных роликах приравнивается к поездке на “мерседесе” или адресуется “Juicy Fruit”, тренер дает свое *благословение* команде перед игрой, слово “Бог” стало междометием, а *удовлетворение* наступает после занятий сексом. Яркий символ происходящих в языке и обществе изменений — знак вечности — перевернутая восьмерка — которая в современном шведском обществе прочно ассоциируется у людей с товарной маркой универмага “Домус”»²⁰.

«Дом языка разрушен, — пишет Т. Линдгрен. — Ключи от комнат потеряны, дом превратился в пансионат или бордель. Но мы родились в этом доме, и другого дома у нас нет»²¹. Современный язык болен и не может служить для выражения и отражения сознания человека, ему требуется немедленное «очеловечение» и «реставрация», лечение и «дезинфекция»²².

I. V. Matitsina

THE BASIC TENDENCIES OF THE DEVELOPMENT OF THE SWEDISH LANGUAGE AT THE SECOND HALF OF THE XX C.

The status of the society is reflected in its language. The language of the society adapts the changing conditions of the life of people, their ideals, orientations and tastes. Deep changes, which took place in the Swedish society in the second half of the XX century, accelerated the process of the language evolution on all levels. The most intense changes are the changes taken place on the level of the vocabulary of Swedish language and its words' structures.

According to Swedish linguists there are three main tendencies in the development of Swedish language during the last decades. They are: «democratization», «americanization» and «scientification» of the language.

---

¹⁹ Ibid. S. 12.

²⁰ Ibid. S. 11.

²¹ Ibid.

²² Ibid. S.12.

И. А. Мирецкий

О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУППАХ ФАЗОВЫХ И ФАЗОВО-БЫТИЙНЫХ ГЛАГОЛОВ (На материале датского языка)

Глаголы, принадлежащие к синонимическим рядам с общим значением 'начать', 'возобновить', 'продолжать', 'перестать', 'кончить' (напр.: *кончить*, *закончить*, *окончить*, *завершить*, дат. *slutte*, *afslutte*, *fuldende*, *fuldføre* 'кончить', *завершить*), получили в лингвистической литературе название фазовых глаголов (ФГ), так как их семантика заключается в указании на начальную, срединную или конечную фазу процесса (действия)¹. В тесной семантической связи с ФГ находится группа глаголов, значение которых в общем виде можно представить как 'начать/перестать быть': *возникнуть*, *исчезнуть*, *начаться*, *кончиться*, дат. *opstå* 'возникнуть', *forsvinde* 'исчезнуть', *begynde* 'начаться', *slutte* 'кончиться' и т. п. Такие глаголы являются разновидностью бытийных глаголов², в связи с чем Г. И. Кустова называет их фазово-бытийными³.

Целью настоящей работы является исследование лексико-семантических групп (ЛСГ) фазовых и фазово-бытийных глаголов современного датского языка. Учитывая ограниченный объем статьи, мы намерены ограничиться общим обзором данных глагольных групп, уделяя основное внимание их центру. При этом, исследуя датские фазово-бытийные глаголы, мы акцентируем внимание на одной из подгрупп⁴: нас

¹ См., напр.: Кириленко Е. И. Фазовые глаголы в английском языке. М., 1997.

² Шведова Н. Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты // Слово и грамматические законы языка: Глагол. М., 1989. С. 8, 9.

³ Кустова Г. И. Семантические аспекты лексических функций (глаголы со значением 'начаться'/'кончиться') // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М., 2002. С. 70.

⁴ Анализ всех подгрупп на материале русской лексики см.: Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 45–80, 144–168.

интересуют фазово-бытийные глаголы, находящиеся в особенно тесной смысловой связи с ФГ, а именно глаголы со значением *'начать/продолжать/перестать происходить'*.

Фазовые глаголы образуют в русском, датском — равно как и любом другом европейском языке — несколько ЛСГ синонимического типа, или синонимических рядов: глаголы начала, прекращения, окончания и т. д. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в синонимические словари. Однако возникает вопрос: можно ли в таком случае говорить о ФГ как о единой ЛСГ? Если да, то какой элементарный смысл является ее инвариантом?

Л. В. Малаховский считает, что «необходимо выделять не одну ЛСГ фазовых глаголов, а несколько — по числу выделяемых фаз процесса» — и рассматривает на материале английского языка «три ЛСГ — глаголов начала... глаголов продолжения... и глаголов прекращения действия»⁵. Тем не менее из названия цитируемой статьи («О структуре лексико-семантической группы фазовых глаголов в английском языке») видно, что ФГ признаются в то же время одной ЛСГ. Здесь, на наш взгляд, нет противоречия. Действительно, с одной стороны, каждый фазовый глагол передает то или иное «конкретное» (Л. В. Малаховский) фазовое значение — *'начать'*, *'возобновить'*, *'продолжать'* и т. п. — и на основании этого может быть отнесен к соответствующему синонимическому ряду. В то же время, хотя в семантической структуре многих ФГ содержатся модальные, каузативные и другие семы, все фазовые глаголы имеют как минимум фазовое значение и на основании этого образуют определенное семантическое единство.

Существует ли такое фазовое значение, которое, будучи наиболее простым, входит составной частью во все остальные фазовые значения? Если такое значение удастся обнаружить, то его можно считать семантическим инвариантом, или интегральным семантическим признаком ФГ. Ю. Д. Апресян указывает на то, что «общим компонентом значения всех фазовых глаголов является смысл *'начать'*. Действительно, *начинать* $P = \text{'начинать } P'$, *переставать* $P = \text{'начинать не } P'$, *продолжать* $P = \text{'не переставать } P' = \text{'не начинать не } P'$ и т. п.»⁶. Таким образом, интегральным признаком ЛСГ фазовых глаголов является сема *'начать'*.

⁵ Малаховский Л. В. О структуре лексико-семантической группы фазовых глаголов в английском языке // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985. С. 160.

⁶ Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «смысл — текст». Wien, 1980 (Wiener slawistischer Almanach; Sonderband 1). S. 27.

Глаголы, значение которых в общем виде можно представить как 'начать', мы будем называть глаголами начальной фазы, глаголы с минимальным набором сем 'начать не' ('перестать') — глаголами конечной фазы, а с минимальным набором сем 'не начинать не' ('продолжать') — глаголами срединной фазы.

На материале Большого нового словаря современного датского языка издательства «Politikens»⁷ (БНС) нами была выявлена группа фазовых глаголов:

1) начальной фазы — angribe P⁸, anstifte P, attackere P, begynde (på) P, binde an med P, briste [i gråd], bryde ud i P, igangsætte P, indlede P, fange an med P, forny P, genoptage P, gribe P an, kaste sig over/ud i P, knytte [venskab], komme op [at slå], lægge for/ud med P, lægge sig efter P/P efter, optage P, påbegynde P, påtage sig P, springe ud i P, starte (på/med) P, stikke [i rend], søsætte P, udløse P, åbne P;

2) срединной фазы — blive ved med P, fortsætte (med) P, vedblive med P, videreføre P;

3) конечной фазы — absolvere P, afblæse P, aflive P, afbryde P, afrunde P, afslutte P, afstå fra P, afvikle P, bremse P, bryde P (af), droppe P, dæmme op for P, dæmpe P, ende P, fuldbringe P, fuldbyrde P, fuldende P, fuldføre P, færdiggøre P, gøre P forbi, holde op med P, holde P tilbage, hæve P, indstille P, kvitte P, kvæle P, nedlægge P, ophøre med P, skippe P, skrotte P, slukke P, slutte P (af), standse (for) P, stoppe (for/med) P, tilendebringe P.

Необходимо выяснить, какие глаголы составляют центр рассматриваемой ЛСГ, т. е. выражают фазовость в наиболее общем виде, а также являются наиболее частотными; для этого мы используем данные о синонимах в БНС. Поскольку данный словарь не является синонимическим, в нем приводятся только наиболее важные синонимы. Выписывая синонимы к словам *begynde* 'начать', *fortsætte* 'продолжать' и *ende* 'кончить', синонимы к полученным синонимам и т. д., мы получаем список из 22 глаголов: 1) начальной фазы — *begynde*, *indlede*, *påbegynde*, *starte*; 2) срединной фазы — *blive ved*, *fortsætte*, *vare ved*, *vedblive* (форм.), *vedvare* (форм., уст.); 3) конечной фазы — *absolvere* (уст., форм.), *afslutte*, *ende*, *fuldbringe* (уст.), *fuldende*, *fuldføre* (форм.), *gennemføre*, *holde op*, *ophøre*, *slutte*, *standse*, *stoppe*, *tilendebringe*. Некоторые глаголы имеют стилистические пометки: «уст.» — устаревшая лексика, «форм.» — лек-

⁷ *Politikens store nye nudansk ordbog*. København, 1996.

⁸ *P* — обозначение предиката или его лексического выражения. Термин «предикат» в настоящей работе употребляется только применительно к содержательной стороне языкового знака.

сика, свойственная «формальному» (formel) стилю (слова с такой пометкой «используются в основном в серьезных или официальных ситуациях, особенно в письменном языке»⁹).

Чтобы данный список превратился в список центральных ФГ современного датского языка, из него следует исключить слова, отмеченные как устаревшие или свойственные «формальному» стилю. Кроме того, глагол *gennemføre* ‘осуществлять, выполнять’, на наш взгляд, не является фазовым. Он приводится как синоним *fuldende* и *fuldføre* ‘завершить’, однако его значение определяется как ‘выполнить что-л. от начала до конца’, т. е. его семантика не акцентирует внимание на собственно конечной фазе действия. С другой стороны, список необходимо пополнить глаголами «возобновления» и «прерывания» — *genoptage* и *afbryde*. Подтверждение этому мы находим в Синонимическом словаре издательства «Политикен»¹⁰: глагол *genoptage* приводится там как доминанта синонимического ряда, куда (в одном из значений) входит *fortsætte*, а также словосочетание *begynde igen* ‘начать снова’; глагол *afbryde* является доминантой группы, в которую входит *standse*.

Итак, список сводится к 18 единицам. Рассмотрим их структурные типы. Три ФГ всегда имеют при себе поствербы — *blive ved*, *holde op*, *vare ved*. Из остальных глаголов шесть имеют корневую основу — *begynde*, *ende*, *slutte*, *standse*, *starte*, *stoppe*, а оставшиеся девять можно разделить на две группы: 1) приставочные глаголы, у которых в роли префикса выступают предлоги *på*, *af*, пространственные наречия *ind*, *op* или собственно префиксы *fort-*, *gen-*; 2) композиты, одним из компонентом которых является лексически полнозначное слово (*fuld* ‘полный’ в *fuldende*, *ende* ‘конец’ в *tilendebringe*). Последние, на наш взгляд, необходимо исключить из списка, так как глаголы, образующие центр ЛСГ, как правило, не имеют сложного морфологического состава. Что касается остальных 16 глаголов, то сплошная выборка из ряда художественных и газетных датских текстов последнего десятилетия показала, что *påbegynde* и *vare ved* являются низкочастотными, а глагол *ende* в значении ‘кончить’ вообще не встретился ни разу (в современном языке он употребляется в фазово-бытийном значении ‘кончиться’, см. ниже). Эти глаголы мы также исключаем из списка.

Таким образом, центр ЛСГ фазовых глаголов современного датского языка образуют 13 глаголов: 1) начальной фазы — *begynde*, *genoptage*,

⁹ *Politikens store nye nudansk ordbog*. S. 15.

¹⁰ *Karker A. Politikens synonymordbog*. København, 1997.

indlede, starte; 2) срединной фазы — blive ved, fortsætte; 3) конечной фазы — afbryde, afslutte, holde op, ophøre, slutte, standse, stoppe.

Проведя исследование лексической семантики и лексико-грамматической сочетаемости каждого из перечисленных глаголов, мы пришли к выводу о том, что в начальной фазе следует выделять подфазу «возобновление», являющуюся, по сути, промежуточной смысловой зоной между собственно начальной и срединной фазами, так как «возобновить» ('начать снова') = «продолжить». Глагол, которым представлена данная подфаза — genoptage — можно, как правило, заменить на глагол срединной фазы fortsætte (но не blive ved!) без существенного изменения общего смысла высказывания, например: Jeg genoptog træningen efter tre uger 'Я возобновила тренировки спустя три недели' [Politiken 10 mar. 2002, s. 4] = Jeg fortsatte (*blev ved med) træningen efter tre uger 'Я продолжила тренировки спустя три недели'. При этом обратное верно в отношении только тех высказываний, где речь идет — как в рассмотренном примере — о продолжении какого-либо действия или процесса (P) после перерыва¹¹. В тех же высказываниях, где fortsætte указывает на то, что P не прекращается с тех пор, как начался, его невозможно заменить на genoptage, но, как правило, можно заменить на blive ved. Из этого следует вывод о том, что смысловые компоненты 'после перерыва': а) занимают важное место в семантической структуре genoptage, б) отсутствуют в семантике blive ved и в) являются «потенциальными семами» у fortsætte.

Конечная фаза также представлена несколькими подфазами. На основании того, содержится ли в семантике глагола указание о том, что P достигает предела (в аспектологическом смысле этого слова) — не содержится/не достигает/достигает, — выделяются глаголы подфаз «прекращение» — holde op, ophøre, stoppe, standse, «прерывание» — afbryde и «окончание» — slutte, afslutte. При этом, когда P означает предельный процесс, употребление в конкретном высказывании глагола «прекращения», а не «окончания» указывает на то, что процесс не достиг предела¹².

Глаголы starte и stoppe представлены каждый двумя лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) — каузативным и некаузативным. Сема каузации обнаружена также у глаголов standse, afbryde и afslutte. На

¹¹ Существует также синтаксическое ограничение возможности замены *fortsætte* на *genoptage*: у *fortsætte* (как и у *blive ved*) дополнением может быть и существительное, и инфинитив, в то время как у *genoptage* — только существительное.

¹² Ср.: Бульгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 59.

субъектной валентности у каузативных предикатов может быть как предметный (X), так и предикатный (P') актанта; X или P' каузируют некий Y начать/перестать P. Поясним это примером: For hvis vi virkelig ville standse folkevandringen, så skulle vi simpelthen dele vores rigdom med den fattige verden 'Потому что, если бы мы действительно хотели остановить это великое переселение народов, нам надо было бы поделиться своим богатством с бедным миром' [Jyllands-Posten 23 sep. 01, s. 3]. Действительно, 'X останавливает переселение Y-a' означает 'X каузирует Y перестать переселяться'. Следует сказать, что субъект включенного предиката (Y) может иметь тот же денотат, что и субъект фазового предиката (X); признак «каузация» в таких высказываниях нейтрализуется, например: Han standsede sin storstilede indsamling af forskningsresultater... 'Он прекратил свой грандиозный сбор результатов исследований' [Balle S. Ifølge loven¹³. S. 16].

Три предиката начальной фазы ('begynde', каузативный 'starte' и 'indlede'), один предикат срединной фазы ('fortsætte') и оба предиката «окончания» имеют факультативную семантическую валентность на еще один включенный предикат помимо объектного. Данный предикат (P2) называет начальную, срединную или конечную фазу P. Приведем пример предложения с семантической структурой 'begynde' (X, P, P2): Per Pallesen *begynder* sin direktørtid på Nørrebro Teater med en gedigen succes, букв.: 'Пер Паллесен начинает свой директорский срок в Театре Нørrebro со значительного успеха' (Jyllands-Posten. 23 sep. 01. S. 7). Здесь 'Per' является X, или субъектом «начинания», 'direktørtid' является P, или объектом «начинания», а 'succes' — P2, или начальной фазой P.

Теперь приведем описание значения каждого ФГ, а также сведения об их грамматической сочетаемости с синтаксическими актантами на «правой» валентности. После двух параллельных черточек приводится второй оттенок значения. В тех случаях, когда полностью повторяется приведенная непосредственно до этого «сентенционная форма» (финитный глагол с переменными, например: X *begynder* P) или описание лексического значения (напр.: 'X *начинает* P'), в целях экономии места используется многоточие. Сокращения означают: ngt — дополнение, выраженное существительным; inf — дополнение, выраженное инфинитивом.

Глаголы начальной фазы:

X *begynder* P = 'X *начинает* P' ~ (på) at inf/ngt || ...med P2 = '...; начальной фазой P является P2' ~ ngt med at inf/ngt.

¹³ Balle S. Ifølge loven. Fire beretninger om mennesket. København, 1999.

X/P' starter P = 'X или P' каузирует Y начать P' ~ (på) ngt || X starter P med P2 = 'X каузирует Y начать P; начальной фазой P является P2' ~ ngt med at inf/ngt.

X starter med P = 'X начинает P' ~ med at inf/ngt.

X indleder P = 'X начинает P' ~ ngt || ...med P2 = '...; начальной фазой P является P2' ~ ngt med at inf/ngt.

X genoptager P = 'X начинает P снова, после перерыва' ~ ngt.

Глаголы срединной фазы:

X bliver ved med P = 'X продолжает P' ~ (med) at inf/ngt.

X fortsætter P = 'X продолжает P; если P мыслится как две (или более) идентичные ситуации, разделенные перерывом во времени, — после перерыва' ~ (med) at inf/ngt || ...med P2 = '...; срединной фазой P является P2' ~ ngt med at inf/ngt.

Глаголы конечной фазы:

X holder op/ophuurer med P = 'X перестает P' ~ med at inf/ngt.

X/P' stopper P = 'X или P' каузирует Y перестать P' ~ (for) ngt.

X stopper med P = 'X перестает P' ~ med at inf/ngt.

X/P' standser P = 'X или P' каузирует Y перестать P' (for) ~ ngt.

X/P' afbryder P = 'X или P' каузирует Y перестать P; P не достигает предела' ~ ngt.

X slutter P = 'X перестает P; P достигает предела' ~ ngt (af) || ...med P2 = '...; конечной фазой P является P2' ~ ngt (af) med at inf/ngt.

X/P' afslutter P = 'X или P' каузирует Y перестать P; P достигает предела' ~ ngt || X afslutter P med P2 = 'X каузирует Y перестать P; P достигает предела; конечной фазой P является P2' ~ ngt med at inf/ngt.

Заканчивая анализ ЛСГ фазовых глаголов, необходимо сказать несколько слов о периферии группы (т. е. остальных ФГ из списка в начале статьи). Периферийные ФГ не выражают фазовое значение в наиболее общем виде и/или являются низкочастотными. Примерно у половины глаголов на основании словарных дефиниций БНС видно, какие именно дополнительные смысловые компоненты входят в значение глагола. Можно говорить о двух типах такого семантического содержания: 1) семантика глагола содержит указание на особенности, характеризующие фазовое действие, или на обстоятельства, сопровождающие его: angribe P 'энергично браться за что-л.' (здесь и далее дефиниции БНС), påtage sig P '...начинать делать что-л. и брать на себя за это ответственность' и др.; 2) семантика глагола содержит указание на особенности предикатного актанта: binde an med P 'братся за трудную задачу', gøre P forbi 'положить конец каким-л. отношениям' и др. Для некоторых глаголов характерна ограниченная лек-

сическая сочетаемость (их наиболее типичные актанты указаны в прямых скобках)¹⁴.

Перейдем теперь к фазово-бытийным глаголам. Они представляют собой неоднородную группу; в то время как в общем виде значение всех фазово-бытийных глаголов можно представить как *'начать / перестать быть'*, выделяются глаголы: 1) со значением *'возникнуть / исчезнуть'* и 2) со значением *'начаться / продолжаться / прекратиться'*¹⁵.

К первой группе, по-видимому, следует относить не только глаголы, сочетающиеся с предикатными словами (*'Сомнения исчезли'* = дат. *Tvivlen forsvandt*), но и глаголы с валентностью на предметные слова (*'Йенс умер'* = дат. *Jens døde*, т. е. *'перестал существовать'*, *'исчез'* из жизни). Глаголы второй группы сочетаются только с предикатными словами. Как правило, это слова, называющие процессы и действия («темпоральные ситуации» у Г. И. Кустовой). Как нам кажется, это можно объяснить следующим образом: значение таких глаголов состоит из компонентов *'начать / продолжать / перестать происходить (совершаться)'*, а «происходят» или «совершаются», как правило, процессы или действия. Следует также отметить, что в первой группе не встречаются глаголы, называющие срединную фазу бытия, в то время как во второй группе такие глаголы есть: *'продолжаться'*, дат. *fortsætte, blive ved 'продолжаться'* и др.

В рамках настоящего исследования особый интерес для нас представляет вторая группа фазово-бытийных глаголов. Именно глаголы со значением *'начать / продолжать / перестать происходить'* находятся в наиболее тесной смысловой связи с ФГ. Будем условно называть их «фазово-процессуальными» глаголами и рассматривать как отдельную ЛСГ, состоящую из подгрупп глаголов начала процесса, продолжения процесса и прекращения процесса.

На материале БНС была выявлена группа фазово-процессуальных глаголов: 1) начала процесса — *begynde, bryde frem, gå ind* (о сезоне охоты), *udbryde, starte*; 2) продолжения процесса — *blive ved, fortsætte, gase, vare ved, vedvare*; 3) прекращения процесса — *briste, ebbe ud, ende, forstumme, glide ud, holde op, høre op, klinge af, løbe ud, munde ud* (i ngt), *ophøre, slutte, standse, stoppe*.

¹⁴ Анализ семантических и синтаксических запретов на сочетаемость ФГ на материале датского и немецкого языков см.: *Engerer V. Faseverbernes tidsbetingelse. Grundtræk af den semantiske beskrivelse af faseverbkonstruktioner // Semantiske beskrivelser. 2002 (Hermes. Journal of linguistics. N 29). S. 53–71.*

¹⁵ Г. И. Кустова выделяет на материале русского языка две группы основных фазово-бытийных глаголов: *возникнуть / появиться / исчезнуть* и *начаться / кончиться*. См. об этом: *Кустова Г. И. Указ. соч.*

Как показало исследование, наиболее абстрактными и частотными в данной ЛСГ являются ЛСВ лексем, рассматривавшихся выше при анализе центра ЛСГ фазовых глаголов — *begynde, starte, blive ved, fortsætte, holde op, ophøre, slutte, standse, stoppe*, а также глагол *ende*. Ниже приводится описание лексических значений центральных фазово-процессуальных глаголов, а также информация о грамматической сочетаемости глаголов с синтаксическими актантами на «правой» валентности (*sætn* — придаточное предложение, *adv* — адвербиальный член).

Глаголы начала процесса:

P begynder/starter = 'P начинает происходить' || ...med P2 = '...; начальной фазой P является P2' ~ med ngt/at + sætn.

Глаголы продолжения процесса:

P bliver ved = 'P продолжает происходить'.

P fortsætter = 'P продолжает происходить; если P мыслится как две (или более) идентичные ситуации, разделенные перерывом во времени, — после перерыва' || ...med P2 = '...; срединной фазой P является P2' ~ med ngt/at + sætn.

Глаголы прекращения процесса:

P holder op/ophører/stopper/standser = 'P перестает происходить'.

P slutter = 'P перестает происходить; P достигает предела' || ...med P2 = '...; конечной фазой P является P2' ~ med ngt/at + sætn.

P ender med P2 = 'P перестает происходить; P достигает предела; последствием или результатом P является P2' ~ med at inf/ngt, или i ngt, или adv.

Как мы видим, у фазово-процессуальных глаголов наблюдается ряд общих семантических черт с фазовыми глаголами. Одна и та же лексема может иметь как фазовый, так и фазово-процессуальный ЛСВ, причем довольно часто такие ЛСВ, помимо актантов, различаются только семей 'происходить': *begynde* 'начать' и 'начаться', *fortsætte* 'продолжать' и 'продолжаться' и др. С. П. Тиунова рассматривает английские фазово-процессуальные глаголы как ФГ в своего рода квазипассивном употреблении¹⁶. Действительно, если считать, что фазовые предикаты имеют две семантические валентности — на субъект и предикатный объект (точка зрения С. П. Тиуновой, к которой мы присоединяемся), то, возможно, ЛСВ со значением 'начаться', 'продолжать'

¹⁶ Тиунова С. П. Соотношение семантической и синтаксической структур предложений с фазовыми глаголами современного английского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975.

и т. п. целесообразно рассматривать как «симметричные» субъектные ЛСВ, лексически тождественные исходным объектным ЛСВ 'начать', 'продолжать' и т. п.¹⁷. Однако серьезную проблему для такого подхода представляет существование «чисто» субъектных глаголов вроде *ende* 'кончиться'. Решение этого вопроса выходит за рамки настоящего исследования.

I. A. Miretskij

LEXICAL-SEMANTIC GROUPS OF PHASE VERBS AND PHASE-EXISTENCE VERBS IN DANISH

This paper discusses semantics of verbs like *begin/continue/stop* and *arise/disappear* in Danish. It is shown that transitive (*X begins P* etc.) and intransitive (*P begins/arises* etc.) lexical-semantic variants of these verbs constitute two lexical-semantic groups (LSG). The paper focuses on the first LSG and on a subgroup of the second one that means 'begin/continue/stop to exist (about a process)'. Special emphasis is made on the most important Danish verbs in the first LSG and in this subgroup.

---

¹⁷ Уфимцева А. А. Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики). М., 1986. С. 190–193.

А. В. Савицкая

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СУФФИКСА -ARE В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Аффиксальное словопроизводство является одним из наиболее важных способов пополнения словарного состава шведского языка, поэтому продуктивные словообразовательные аффиксы всегда привлекали внимание исследователей. Важнейшую роль в современном субстантивном словопроизводстве играет суффикс *-are*, поэтому представляется интересным проследить эволюцию словообразовательной активности этого суффикса в шведском языке.

Согласно данным Э. Вессена¹, этот суффикс является продуктивным словообразовательным аффиксом уже в древнескандинавских языках. На очень раннем этапе развития германских языков он в разных модификациях заимствуется ими из латыни (*-arius*) и оказывается чрезвычайно удобным для образования существительных — обозначений лиц. Проникнув сперва в южные области германского языкового ареала, данная модель быстро распространилась и на скандинавские языки. И если, например, в поэзии скальдов или «Эдде» подобных дериватов еще почти нет, то начиная с эпохи викингов они с успехом вытесняют более старые аналоги.

В древнешведском языке суффикс *-are* первоначально (как и *-arius* в латыни) использовался для образования отсубстантивных существительных — обозначений лиц, прежде всего, по профессиональному признаку: д. ш. *klockare* ‘звонарь’ < *klocka* ‘колокол’, *domare* ‘судья’ < *domber* ‘приговор’ (ср.: лат. *molinarium* ‘мельник’ < *molina*

¹ Wessén E. Svensk språkhistoria. Stockholm, 1948. Bd 2. S. 75.

‘мельница’). Среди подобных дериватов фиксируются, однако, и обозначения лиц другого характера: д. ш. *morfare* ‘убийца’ < *mor* ‘убийство’, *gotare* ‘римлянин’ < *Rom* ‘Рим’. Во многих случаях к моменту возникновения деривата в языке помимо исходного существительного имелся и глагол, обозначавший действие, на исполнителя которого и указывала новая лексическая единица: *köpare* ‘покупатель’ < *köp* ‘покупка’ и *köra* ‘покупать’, *fiskare* ‘рыбак’ < *fisksker* ‘рыба’ и *fiska* ‘рыбачить’. И уже вскоре существительные на *-are* стали по аналогии образовываться от глаголов: *bakare* (*baghare*) ‘пекарь’ < *baka* ‘печь’, *skapare* ‘создатель’ < *skapa* ‘создавать’. Со временем эта модель значительно обогнала исходную по продуктивности. В Средние века в шведский язык проникает значительное количество нижненемецких заимствований с суффиксом *-er*, которые заметно пополняют группу существительных на *-are*: *lägare* ‘учитель’, *jägare* ‘охотник’, *slaktare* ‘мясник’ и т. п. При этом можно отметить, что в шведском языке достаточно часто имеется только дериват, а «производящее» слово отсутствует: *guttare* ‘всадник’, *kurare* ‘официант’, *skotmakare* ‘сапожник’ и т. п. В новошведский период суффикс *-are* становится уже «классическим» средством для образования отглагольных существительных, как правило, указывающих на регулярный род деятельности или профессию: *sotare* ‘трубочист’, *väljare* ‘избиратель’, *läsare* ‘читатель’ и т. п. Появляются также и дериваты, образованные от сложных глаголов. Например, до настоящего времени в шведском языке сохраняются зафиксированные в конце XVIII — начале XIX в. отглагольные существительные *förståsigpåare* ‘специалист’ (ирон. или презрит.) < *förstå sig på* ‘разбираться в чем-либо’ и *gåpåare* ‘назойливый человек’ < *gå på* ‘идти напролом’. Чрезвычайная продуктивность данной модели даже позволяет Э. Вессену говорить о возможности рассматривать дериваты на *-are* как некую разновидность глагольного словоизменения². В то же время Вессен отмечает в современном языке (работа написана в 40-е гг. XX в.) значительно меньшее распространение дериватов на *-are*, образованных от нарицательных существительных. Эту модель он считает продуктивной для отсубстантивного словопроизводства, только когда производные образуются от топонимов и личных имен: *stockholmare* ‘житель Стокгольма’, *berlinare* ‘житель Берлина’, *svedenborgare* ‘последователь Сведенборга’ и т. п.³

² Ibid. S. 78.

³ Ibid.

В вышедшей в 1981 г. монографии, посвященной шведскому словообразованию⁴, У. Турелль также отмечает высокую продуктивность суффикса *-are* в образовании отлагольных существительных и дает их подробную классификацию. Однако обращает на себя внимание тот факт, что не менее подробно расписывает Турелль и отсубстантивные производные с этим суффиксом. В отличие от Вессена он считает эту модель очень продуктивной и говорит о большом разнообразии семантики получаемых таким образом дериватов. Помимо уже описанных Вессеном типов Турелль выделяет и целый ряд новых. Среди них хотелось бы особо отметить две группы:

1. Дериваты, образованные от сложных существительных или словосочетаний и служащие для обозначения как конкретных предметов, так и лиц: *enaktare* 'одноактная пьеса', *dubbeldäckare* 'двухпалубник', *tungviktare* 'боксер-тяжеловес'.

2. Дериваты, образованные от инициальных акронимов-названий организаций: *VRK-are* 'член Лево́й коммунистической партии', *AIK-are* 'член государственного спортивного клуба'.

Несколько по другому принципу построена классификация существительных с суффиксом *-are*, предложенная в вышедшей в 1968 г. монографии Р. Седерберг⁵, однако, выделенные в ней типы дериватов в целом совпадают с отмеченными Туреллем. Обе эти монографии убедительно показывают, насколько велика роль данного суффикса в шведском словообразовании в рассматриваемый в них период.

Материал конца XX в. свидетельствует о том, что суффикс *-are* лишь продолжает укреплять свои позиции в шведском языке. Во вступительной статье к вышедшему в 2000 г. словарю новейшей лексики прямо говорится, что этот суффикс в высшей степени продуктивен прежде всего при образовании существительных — обозначений лиц, но также и конкретных предметов⁶. Да и сам словарь убедительно подтверждает эту мысль: его словник включает порядка 100 единиц, содержащих суффикс *-are*.

Какие же факторы способствуют особой продуктивности именно данного суффикса? Думается, что здесь можно выделить несколько моментов.

---

⁴ Thorell O. Svensk ordbildningslära. Stockholm, 1981.

⁵ Söderbergh R. Svensk ordbildning. Stockholm, 1968.

⁶ Inledning // Nyordsboken: Med 2000 nya ord in i 2000-talet / Utarbetad av Lena Moberg. Utg. av Svenska språknämnden. Stockholm, 2000. S. 13.

1. Как уже было отмечено, при помощи суффикса *-are* с легкостью образуются дериваты от самых разнообразных типов композитов. А возможности шведского языка в создании композитов, как известно, почти безграничны. В то же время композиты, включающие большое количество корневых морфем, нередко подвергаются критике за их тяжеловесность. Прибавление же суффикса *-are* в целом ряде случаев позволяет несколько сократить такой тяжеловесный композит. У. Телеман в свое время заметил, что складывается впечатление, будто суффикс *-are* способен присоединяться чуть ли ни к любому сложному существительному, указывая при этом на лицо, определенным образом связанное с тем, что выражает первый компонент. И следовательно, суффикс вполне мог бы трактоваться как некий заместитель поглощенного им конечного компонента композита, ср.: järnvägstjänsteman = järnvägare 'железнодорожник', heltidsarbetare = heltidare 'человек, работающий на полной ставке'⁷. При всем разнообразии подобных дериватов, все они в момент своего возникновения характеризуются принадлежностью к разговорной речи. Однако в дальнейшем некоторые из них становятся официальными наименованиями профессий. Так, например, слово språkvettare < språkvetenskap 'языковед' даже послужило моделью для создания аналогов: litteraturvetare 'литературовед', samhällsvetare 'обществовед'. К. Грюнбаум отмечает, что в отличие от старых дериватов — обозначений лиц (domare, tolgare), современные новообразования нередко заменяют собой композиты с более частной семантикой, в результате чего такие лексические единицы приобретают некоторый сленговый оттенок: hemmahosare < hemmahosreportage 'репортаж «дома у...»', kriminalare < kriminalpolis / kriminalroman 'сотрудник уголовного розыска / детективный роман'⁸.

Однако суффикс *-are* способен не только сокращать композиты, но и способствовать их созданию. У. Телеман пишет, что в случае образования существительного на *-are* от глагола, имеющего при себе обстоятельство или дополнение, создание композита часто становится неизбежностью, иначе эти элементы предикативного словосочетания окажутся утраченными: en skogslöpare < en som löper i skog(en) 'любитель бега по лесу'; en hängiven skridskoåkare < en som åker skridsko hängivet 'человек, с увлечением катающийся на коньках'⁹. Анализи-

⁷ Teleman U. Om svenska ord. Lund, 1970. S. 75.

⁸ Grünbaum C. Strövtåg i språket. Stockholm, 1996. S. 129.

⁹ Teleman U. Op. cit. S. 74.

руемый суффикс также чрезвычайно продуктивен при создании особого рода композитов, которые в шведских работах обычно именуется «производными от группы слов» (avledning av ordgrupp). При таком способе словопроизводства, который часто трактуют и как разновидность сращения, основослоложение и аффиксация действуют одновременно. Например, существительное soffliggare ‘*лентяй; человек, не участвующий в выборах*; букв.: *лежащий на диване*’ образовано при помощи суффикса *-are* от выражения *ligga på soffan* ‘*лежат на диване*’. Рассматривать как обычный двухкомпонентный композит это существительное нельзя, поскольку в шведском языке отсутствует слово *liggare*. Интересно, что полученные таким образом вторые компоненты иногда становятся очень популярными и способствуют образованию целых цепочек композитов — «согипонимов». Например, в 80-х гг. XX в. в шведском языке появляется слово *trädkramare* ‘*сторонник движения «зеленых», борющийся против вырубки лесов*; букв.: *обнимающий дерево*’. Возникший в результате описанного способа словопроизводства компонент *-kramare*, первоначально обладающий совершенно «прозрачным» прямым значением, быстро приобретает значение переносное: ‘*защитник, сторонник*’, и словарь новейшей лексики уже включает 9 композитов-согипонимов: *bilkramare* ‘*борец за интересы автомобилистов*’, *brokramare* ‘*противник сношения моста*’, *rälskramare* ‘*противник свертывания железнодорожного сообщения*’ и т. п.

2. Определенную роль в укреплении позиций суффикса *-are* играют и экстралингвистические факторы. Как видно из вышеизложенного, для дериватов с этим суффиксом наиболее характерной всегда была функция обозначения лиц. При этом в шведском языке заложена возможность дифференцировать лица по гендерному признаку: для обозначения лиц женского пола существуют такие суффиксы, как *-(ar)inna*, *-(er)ska*, *-ös*, *-(a)tris*, которые способны функционировать аналогично «мужскому» суффиксу *-are*. Вот лишь несколько примеров параллельных образований: *författare* — *författarinna* ‘*писатель — писательница*’, *lyssnare* — *lyssnerska* ‘*слушатель — слушательница*’, *beundrare* — *beundrarinna* ‘*почитатель — почитательница*’. В современной Швеции, где женщины в большинстве сфер общественной жизни добились полного равноправия с мужчинами, это нашло свое отражение и в языке. Суффикс *-are* стал совершенно нейтральным в гендерном отношении, а многие «женские» существительные постепенно уходят в прошлое. Это в первую очередь касается наименований лиц по профессиональному признаку. Даже если подавляющее большинство представителей профессии —

женщины, «женские» суффиксы, как правило, не используются, а в словарь новейшей лексики вошло только одно существительное с «женским» суффиксом (*ståpperska* 'артистка, выступающая в жанре «сатирик-импровизатор»'). В то же время включенные в словарь отглагольные существительные — обозначения лиц имеют единую форму для обоих полов: *väntare* 'иностранный гражданин, ожидающий получения вида на жительство', *slutare* 'человек, оставляющий работу без «видимых» причин и без пособия по безработице'.

3. На протяжении всей своей истории шведский язык принимал в свой словарный состав иноязычные заимствования, разные по качеству и по источнику заимствования. При этом для более успешного вхождения такой лексики в строй шведского языка всегда активно использовались шведские словообразовательные средства. Далеко не последнюю роль в процессе адаптации иноязычных существительных во все времена играл суффикс *-are*. Как уже отмечалось, именно при его помощи в шведском языке в свое время быстро закрепился целый пласт немецких заимствований на *-er*. Этот же суффикс легко прослеживается в заимствованной позднее лексике из романских языков: *passagerare* 'пассажир', *jüvelerare* 'ювелир', *sekreterare* 'секретарь'. В последние десятилетия, когда шведский язык испытывает сильнейшее влияние английского языка и когда адаптации заимствований уделяется особенно большое внимание, наблюдается значительный приток существительных (прежде всего обозначений лиц) с суффиксом *-are*. Интересно, что в ряде случаев суффикс присоединяется прямо к иностранному слову, сохраняющему при этом исконные орфографию и произношение: *greenpeaceare* 'член организации Greenpeace', или к его основе, заменяя собой исходный суффикс: *downshiftare* < *downshifter* 'человек, прерывающий свою карьеру ради более спокойного образа жизни'. Процесс подобной адаптации лексики можно проследить на примере слова 'хакер'. В 1983 г. в шведском языке начинает употребляться его английский вариант *hacker*, а с 1992 г., после длительных дискуссий, официальным термином становится *hackare*. Этот термин представляется шведским языковедам особенно удачным, поскольку он перекликается с глаголом *hacka* 'долбить, стучать' и существительным *hackspett* 'дятел': *hackaren hackar sig envetet som en hackspett in i systemet* 'хакер упорно, как дятел, пробивается в систему'¹⁰.

4. Еще Э. Вессен отмечал присутствие в шведском языке отдельных отглагольных дериватов с *-are*, представляющих собой «имена дей-

¹⁰ *Grünbaum C. Språkbladet. Stockholm, 2001. S. 73.*

ствия»: ta sig en funderare (< fundera) ‘поразмьслить; букв.: *взять размышление*’, ge ngn en kōrare (< kōra) ‘подтолкнуть к чему-то, (грубовато) напомнить; букв.: *придать кому-то движение*’. В словарях современного шведского языка можно обнаружить и ряд других подобных примеров: dansa en tryckare (< trycka) ‘танцевать, тесно прижавшись’, göra en avstickare < sticka av ‘отклоняться от маршрута’. При образовании таких дериватов аффиксация может также сочетаться с основосложением: ... när man går ut i korridoren för en bensträckare (< sträcka på benen)... ‘когда выходишь в коридор, чтобы размяться...’¹¹. Складывается впечатление, что в последнее время эта модель получила достаточно своеобразное развитие, ибо в сходных конструкциях стали употребляться производные не только от глаголов, но и от личных имен. Дериваты с суффиксом *-are* существуют в шведском языке уже давно, однако если раньше они имели значение ‘последователь, приверженец обладателя данного имени’, то словарь новейшей лексики фиксирует появление в 1992 г. оборота göra en XX[are] ‘совершить поступок, аналогичный тому, которым «прославилось» указанное лицо’: Vänsterpartiets ledare Gudrun Schyman gör en Mona Sahlinare och tar time out ‘Лидер Лево́й партии Гудрун Шуман поступает, как Мона Салин, и берет таймаут’. Безусловно, заслуживает внимания тот факт, что этот оборот включается в словарь в столь обобщенном виде. Тем самым подчеркивается, что это не окказиональное употребление, а уже сложившаяся модель. Эта мысль находит свое подтверждение, как в приведенных в словаре примерах из газетных статей 1990-х гг., так и на страницах прессы самых последних лет: Elvert Jonsson, 66, är beredd att göra Jan-O-Karlssonare och sänka sin lön ‘Эльверт Юнссон, 66 лет, готов поступить, как Ян-У-Карлссон, и уменьшить себе зарплату’ (SvD. 2002. 27/11). В словаре указывается на существование аналога этого оборота в английском языке (do a Margaret Thatcher ‘сделать то же, что Маргарет Тэтчер’), однако как заимствование шведская конструкция не трактуется.

Отметим также, что в словаре присутствуют два деривата с *-are*, имеющие совершенно особую семантику. Нарисательное существительное klintbergare ‘не слишком достоверная история, передаваемая из уст в уста’, датируемое 1989 г., образовано от фамилии известного этнографа Бенгта аф Клинтберга, собиравшего подобные истории. Глагол bratta ‘поднимать тревогу по поводу противозаконной деятельности предприятия’ и существительное brattare ‘человек, совершающий по-

¹¹ Språkvård. 2002. N 2. S. 13.

добный поступок' датируются 1988 г. Их возникновение (возможно, параллельное) связано с именем Лекса Братта, который в 1984 г. заявил о незаконной деятельности компании АВ Vofors, сотрудником которой он являлся. Принимая во внимание описанный выше оборот, можно предположить, что мы наблюдаем процесс расширения семантико-синтаксических возможностей словообразовательной модели «имя собственное + -age».

5. Говоря о причинах высокой словообразовательной активности суффикса *-are*, нельзя не упомянуть и о том, что он с легкостью присоединяется к сокращенным названиям различных организаций и тому подобным структурам для обозначения принадлежащих к ним лиц. Поскольку количество разного рода сокращений в настоящее время неуклонно возрастает, увеличивается и число соответствующих дериватов. Так, в 1992 г. в шведском языке появляется слово *OSS-are* 'житель СНГ'. Широкого распространения оно, однако, не получило и в словарь новейшей лексики не вошло, как, впрочем, и сама аббревиатура. Дериваты этого типа вообще крайне редко включаются в словники шведских толковых словарей. Вероятно, это связано с тем, что данная модель уже приобрела характер регулярного образования и не вызывает никаких затруднений у носителей шведского языка. В словаре новейшей лексики имеется лишь один подобный пример: *nydare* (< *nyd* < *ny demokrati*) 'член партии «Новая демократия»'. Можно предположить, что он вошел в словарь, поскольку и сама партия, и ее сокращенное обозначение являются относительно новыми, и к тому же производящая основа в этом случае несколько отличается от описанной выше модели.

В современной ситуации, когда шведский язык испытывает сильнейшее влияние английского и когда проблема его защиты вышла на правительственный уровень, активное использование имеющихся словообразовательных ресурсов приобретает особое значение. Думается, что описанный материал наглядно демонстрирует неуклонный рост словообразовательной активности суффикса *-are* в шведском языке, и есть все основания полагать, что данная тенденция сохранится и в будущем.

A. V. Savitskaja

SUFFIXET *-ARE* SOM ETT PRODUKTIVT ORDBILDNINGSMEDEL I MODERN SVENSKA

I fornsvenska användes suffixet *-are* ursprungligen för att av substantiviska grundorden bilda personliga appellativer. Snart började också personbeteckningar på *-are* bildas direkt av motsvarande verb och så småningom blev den där modellen helt dominerande. I modern

svenska visar suffixet *-are* stark produktivitet. Avledningsbasen för are-avledningarna kan vara olika typer av verb och substantiv (inklusive sammansättningar och verb- och substantivfraser) samt personnamn och förkortningar. Suffixet *-are* har sedan gammalt underlättat anpassningen av olika lånord och idag, när svenskan flödar nästan över av engelska lånord, är detta ordbildningsmönster särskilt aktuellt.

Även om det är svårt att säga om *-are* är ett produktivt suffix i svenskan idag, så är det tydligt att det har varit det under lång tid.

Detta är en av de många ordbildningsstrategier som har gjort svenskan till en så rik och varierad språk.

Även om det är svårt att säga om *-are* är ett produktivt suffix i svenskan idag, så är det tydligt att det har varit det under lång tid.

Detta är en av de många ordbildningsstrategier som har gjort svenskan till en så rik och varierad språk.

Även om det är svårt att säga om *-are* är ett produktivt suffix i svenskan idag, så är det tydligt att det har varit det under lång tid.

Detta är en av de många ordbildningsstrategier som har gjort svenskan till en så rik och varierad språk.

Även om det är svårt att säga om *-are* är ett produktivt suffix i svenskan idag, så är det tydligt att det har varit det under lång tid.

Detta är en av de många ordbildningsstrategier som har gjort svenskan till en så rik och varierad språk.

Även om det är svårt att säga om *-are* är ett produktivt suffix i svenskan idag, så är det tydligt att det har varit det under lång tid.

Detta är en av de många ordbildningsstrategier som har gjort svenskan till en så rik och varierad språk.

Även om det är svårt att säga om *-are* är ett produktivt suffix i svenskan idag, så är det tydligt att det har varit det under lång tid.

Detta är en av de många ordbildningsstrategier som har gjort svenskan till en så rik och varierad språk.

Även om det är svårt att säga om *-are* är ett produktivt suffix i svenskan idag, så är det tydligt att det har varit det under lång tid.

Detta är en av de många ordbildningsstrategier som har gjort svenskan till en så rik och varierad språk.

Även om det är svårt att säga om *-are* är ett produktivt suffix i svenskan idag, så är det tydligt att det har varit det under lång tid.

Detta är en av de många ordbildningsstrategier som har gjort svenskan till en så rik och varierad språk.

Även om det är svårt att säga om *-are* är ett produktivt suffix i svenskan idag, så är det tydligt att det har varit det under lång tid.

Detta är en av de många ordbildningsstrategier som har gjort svenskan till en så rik och varierad språk.

Även om det är svårt att säga om *-are* är ett produktivt suffix i svenskan idag, så är det tydligt att det har varit det under lång tid.

Detta är en av de många ordbildningsstrategier som har gjort svenskan till en så rik och varierad språk.

Även om det är svårt att säga om *-are* är ett produktivt suffix i svenskan idag, så är det tydligt att det har varit det under lång tid.

Е. М. Чекалина

НОВАЯ ШВЕДСКАЯ ЛЕКСИКА В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

Известно, что словарный состав языка представляет наиболее изменчивую его часть. В многоярусной структуре языковых систем именно лексика, «непрерывно и оперативно реагирующая на все новое в жизни языкового коллектива»¹, является той открытой и динамичной областью, которой присуща экстралингвистическая детерминированность, предопределенная социальным миром носителей языка. «Каждый год язык современного общества обогащается многими сотнями лексических единиц, в первую очередь терминов»²; «главной причиной изменения лексики является изменение общественной практики, условий существования и потребностей языкового коллектива»³. Одной из важнейших функций языка и, следовательно, слова в языке является функция воздействия; слова с различными коннотациями и с различным «потенциалом воздействия» пронизывают всю лексическую систему. Созданные в языковом коллективе, они выступают для говорящего индивида в роли «смысловых ориентиров», посредством которых осознается и интерпретируется внеязыковая действительность.

На примере некоторых особенностей, характерных для новой шведской лексики, можно видеть, что общественные тенденции и отражающие их лексические изменения — это не просто взаимосвязанные, но, если можно так сказать, «обоюдосвязанные» процессы. Лексика нового поколения не только является зеркалом происходящих в обществе

¹ Берков В. П. Норвежская лексикология. СПб., 1994. С. 7.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 31.

явлений, но, подобно пучку отраженного в этом зеркале света, сама способна быть катализатором общественных тенденций.

Итак, словарный состав языка и общественные тенденции обоюдно отражают друг друга. Этой теме посвящена книга под названием «Orden speglar samhället»⁴, авторами которой являются известные лексикологи из Гетеборгского университета Стуре Аллен, Мартин Еллерстам и Свен-Еран Мальмгрен. Книга опубликована в 1989 г. в серии научно-популярной литературы «Forskningens frontlinjer», издаваемой Комитетом по планированию и координации научных исследований Швеции (FNR).

В написанной М. Еллерстамом главе «Språkliga reflexer av samhällstrender» выявляются важнейшие языковые проявления общественных тенденций последней трети минувшего столетия. В предлагаемой статье они представлены в другом, чем у автора, порядке, отнюдь не отражающем степень их значимости, а лишь более удобном для нашего изложения. К тому же, как отмечает автор, языковые факты часто (если не всегда или, по крайней мере, в большинстве случаев) отражают не одну, а несколько общественных тенденций.

1. Информационный взрыв. Одним из важнейших языковых проявлений этой тенденции является влияние письменной речи на устную, при котором происходит взаимодействие разнонаправленных процессов:

А) Языковые изменения благодаря мощному потоку информации происходят более быстрыми темпами.

Б) «Информационная составляющая» способствует большей стабилизации языковой нормы.

Средства массовой информации играют особо важную роль в этих процессах, являясь одновременно и «рупорами» языковых инноваций, и средствами закрепления новой языковой нормы, особенно в плане выражения.

2. Интернационализация. Проявлением этой тенденции в первую очередь является масштабное англо-американское влияние на шведский язык, позиции которого в некоторых сферах оказались значительно ослабленными за счет частичного, а иногда и полного вытеснения английским. Английский язык используется на международных форумах, в научной сфере, в высшем образовании, в музыкальной поп-культуре; он является рабочим языком на многих крупных предприятиях и фирмах (koncernspråk). Осознавая серьезность проблемы, шведское правительство в 1997 г. поручило Шведской языковой комиссии разработать программу поддержки шведского языка в Швеции, а в 2000 г. по реше-

---

⁴ Orden speglar samhället / S. Allén, M. Gellerstam, S.-G. Malmgren. Forskningens frontlinjer. Stockholm, 1989.

нию Риксдага для всестороннего изучения вопроса о статусе шведского языка была создана специальная парламентская комиссия⁵.

Демократизация шведского общества как одна из важнейших тенденций второй половины XX в. (см. далее), а вместе с нею расширение возможностей образования для всех слоев населения, обеспечившие высокий уровень владения иностранными языками, в современном шведском языке находят отражение в виде ухудшения ассимиляции иноязычных заимствований, причем не только англо-американских. Хрестоматийным примером этого стало написание заимствованного из английского слова *tape* в разные годы с разными значениями и с различной степенью орфографической ассимиляции: *tejr* в 1950-е гг. в значении «скок» и *tape* в 1970-е гг. в значении «магнитная лента».

Показателен также возврат к французской орфографии в заимствованиях, шведское написание которых было установлено еще реформой 1906 г. и стабильно держалось на протяжении почти всего XX столетия: *boudoir* (*budoar*) ‘будуар’, *boulevard* (*bulevard*) ‘бульвар’, *desavouera* (*desavuera*) ‘дезавуировать’, *route* (*rutt*) ‘маршрут’, *doublé* (*dubblé*) ‘дублет’, *gouter* (*gütera*) ‘ценить’, *mouche* (*musch*) ‘мушка’, *nougat* (*nugat*) ‘нуга’. Даже такие устойчивые шведские написания французских заимствований, как *rulad* ‘рулетик’ и *gratäng* ‘жюльен’, в поваренных книгах меняются в пользу французских *roulad* и *gratin*.

3. Демократизация. Одной из важных составляющих этого процесса является реальное равенство между полами. В языковых фактах это выражается в отказе от использования названий профессий с суффиксами семантического женского рода, например: *författare* ‘писатель, автор’ вместо *författarinna* ‘писательница’; *lärare* ‘учитель, преподаватель’ вместо *lära­rinna* ‘учительница, преподавательница’; *dansare* ‘танцовщик’ вместо *dansös* ‘танцовщица’.

Процесс демократизации шведского общества во второй половине XX в. нашел отражение в переходе к широкому использованию местоимения 2 лица единственного числа *du* не только в общении между отдельными людьми, но и государственных учреждений с гражданами, которое возникло в 1970-е и стало нормой в 1980-е гг. Следует, однако, отметить, что с конца 1980-х гг. наметился обратный процесс — возврат к местоимению *ni* при обращении к одному лицу не только в сфере обслуживания (*service-ni*), но и в общении молодых людей с незнакомыми и немолодыми. Показа-

---

⁵ *Матьцина И. В.* Шведский язык сегодня и завтра (по материалам отчета государственной экспертной комиссии) // *Philologica Scandinavica*: Сб. статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 150–151.

тельно, что этот процесс возник в речи поколения, которое не слышало и не могло слышать старого, обремененного сословными предрассудками Ni, которое использовалось представителями высших слоев иерархической лестницы при обращении к низшим (в том числе в армии).

4. Управление общественными процессами. Специализация. Специализация шведского общества означает, что все большее число его граждан становятся узкими специалистами в самых различных областях. Это, в свою очередь, связано с ростом образованности и объема знаний в целом, который происходит невиданно быстрыми темпами. По данным шведских социологов, если население земного шара удваивается за 50 лет, то число членов научных сообществ увеличивается вдвое всего за 15 лет; ученые и исследователи в различных научных областях в конце XX в. составляли 90% всех когда-либо живших до этого представителей той же сферы деятельности; количество научных журналов в мире к концу прошлого столетия составляло от 50 до 100 тыс.⁶

Шведский публицист и писатель Еран Хэгг ввел в обиход специалистов по общественным наукам понятие «*kupésamhället*», которым определяется устройство шведского общества по модели «купе», отражающей все большее его дробление на узкоспециализированные «ниши», внутри которых создается разветвленная профессиональная лексика⁷. Анализируя язык специалистов, работающих в различных «купе» современного шведского общества, Е. Хэгг выделил три яруса «специализации»:

- 1) узкопрофессиональная терминология специалистов (медицинская, юридическая и др.);
- 2) языки, на которых общаются между собой представители различных профессиональных групп — так называемые *gruppspråken*;
- 3) так называемый поверхностный язык (*ytspråket*) как средство общения между работниками различных учреждений и административных органов или их общения с отдельными гражданами.

Последний ярус представляет собой «скорее связующий раствор, нежели подлинное средство коммуникации»⁸; содержание слов в этом «поверхностном языке» настолько размыто, что может вызывать самые различные ассоциации. В статье М. Еллерстама приводится образец такого «административно-поэтического» языка; это небольшая выдержка из описания деятельности Комитета по профессиональной подго-

---

⁶ *Laurén Chr., Nordman M. Från kunskapens frukt till Babels torn. En bok om fackspråk-1987.*

⁷ *Hägg G. Språk i administrationssamhället // Språken i vårt språk. 1980. N 6.*

⁸ *Orden speglar samhället. S. 46.*

товке кадров Швеции: «Ett begrepp i det organiska synsättet av nästan samma vikt som målprecisering i utbildningsteknologin är upplevelsebaserad inläring. Den är på en gång mål, innehåll och metod (Statens personalutbildningsnämnd)»⁹ *‘В рамках органического подхода понятием почти такой же важности, как уточнение цели образовательных технологий, является обучение, основанное на практике. Оно является одновременно целью, содержанием и методом’* (перевод мой. — Е. Ч.). Е. Хэгг считает такой «поверхностный язык», в основе которого лежит «вымывание» смысла, вредным для общества.

Одним из наиболее важных в языковом плане проявлений последних двух тенденций является «терминологизация» общеупотребительной лексики в связи с появлением особого слоя лексики нового поколения — так называемых общественных слов, или общественных терминов (швед. samhällsord eller samhällstermer). Такие слова создаются в общественном секторе (швед. den offentliga sektorn), который вследствие процессов демократизации и управления общественными процессами значительно расширился — во многом в связи с работой государственных экспертных комиссий, создаваемых в целях подготовки изменений в шведском законодательстве.

Важной особенностью «общественных слов» является то, что они культурно специфичны. В отличие от технической терминологии, которая обычно имеет одно-однозначные соответствия в других языках, «общественные термины» с трудом переводимы. Для их образования используется богатейший потенциал словообразовательной системы шведского языка — основосложение.

М. Еллерстам классифицирует общественные слова по четырем параметрам — форма/содержание; новое/устоявшееся¹⁰:

	Новая форма	Устоявшаяся форма
Новое содержание	tidigarelärare färdbevis	bistånd
Устоявшееся содержание	äldreomsorg	deklaration

Однако анализ соотношения «общественных слов» и стоящих за ними реалий позволяет выделить шесть групп:

1. «Общественные слова», обозначающие новые явления, например: allemansrätt *‘всеобщее право на природопользование’*, dagcenter *‘центр*

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid. S. 85.

днегого досуга для пенсионеров', deltidsförskola 'подготовительная группа неполного дня', familjehem 'семья, в которой проживает ребенок или взрослый из неблагополучной семьи', hemtjänst 'обслуживание инвалидов и престарелых на дому', resedokument 'документ, заменяющий заграничный паспорт живущим в Швеции иммигрантам', källsortering 'сортировка домашних отходов'.

2. Гиперонимы, которые используются только специалистами, главным образом в документации: färdbevis 'проездной документ', объединяющий такие слова, как biljett 'билет', kupong 'купон', månadskort 'месячный проездной'; slätgöring 'глажение' для слов strykning 'утюжка' и mangling 'прокатывание белья'; produktionsenhet 'производительная единица' (о домашнем животном в фермерском хозяйстве, например о корове).

3. Центральной в лексическом пласте «общественных терминов» является группа слов типа äldreomsorg 'забота о пожилых', которую М. Еллерстам относит к разряду новых по форме слов с устоявшимся значением. Наиболее важной особенностью этой группы является то, что отягощенное негативными коннотациями слово, а следовательно и стоящее за ним понятие (в данном случае это композит äldreomsorg 'уход за престарелыми') благодаря новой словесной оболочке становится лексически нейтральным или приобретает положительную коннотацию.

Многочисленные примеры такого типа «общественных слов» можно найти в тексте вступившего в силу 1 января 1982 г. «Закона о социальной службе» (швед. Socialtjänstlagen). Уже замена слова hjälp 'помощь' на tjänst 'служба, обслуживание, услуга' в названии Закона сигнализирует о том, что система государственной социальной поддержки воспринимается в современном шведском обществе как обычная государственная служба наряду с другими; ср.: press-, militär-, säkerhetstjänst. Во многих (хотя и не во всех случаях) в тексте закона слово vård 'уход, присмотр, попечение' заменено словом omsorg 'забота', например: omsorg om barn och ungdom, omsorg om äldre, omsorg om handikappade; слово hemvård заменено на hemtjänst 'обслуживание инвалидов и престарелых на дому'. Для учреждений, деятельность которых близка медицинскому обслуживанию (sjukvård) и направлена на социальную терапию, например, наркоманов, хронических алкоголиков, трудных детей и подростков, компонент -vård в композитах сохранен: hem för vård och boende 'интернат', missbruksvård 'наркологический диспансер'. Сохранено и слово kriminalvården 'пенитенциарное учреждение'; как остроумно отмечает М. Еллерстам, его замена на композит kriminaltjänsten «по всей видимости, была бы излишне гуманной»

(*torde dock vara humanit i överkant*¹¹). В ряд формулировок и названий включен нейтральный компонент *service-*: *serviceboende*, *servicehus* 'для пенсионеров'. Показательна и замена композита *socialhjalp* '(материальная) социальная помощь' словом *bistånd*, которое ранее употреблялось только во внешнеполитических контекстах в значении 'помощь странам третьего мира'.

Как отмечает М. Еллерстам, при создании «общественных терминов» важно, чтобы они «располагались на правильном уровне, с тем чтобы различие между “картой” (языковыми названиями) и “местностью” (реалиями) не было слишком велико»¹².

Центральная для пласта «общественных слов» группа, как и рассматриваемые ниже группы 4, 5 и 6, отражает такой зафиксированный шведскими социолингвистами процесс, который известный лингвист Бенгт Сигурд в свое время назвал «вербальными реформами» (швед. *verbala reformer*)¹³. «Вербальные реформы» направлены на гуманизацию общественного сознания, включая отношение граждан к болезненным проблемам общества и отдельного человека. Создаваемые специалистами сознательно как профессиональные термины и арготизмы в недрах государственных учреждений, имеющих отношение к социальной сфере, такие «общественные слова» по мере их распространения в языковом коллективе в условиях открытости и демократичности шведского общества при огромной роли средств массовой информации неизбежно оказывают влияние на изменение общественного сознания, делая его более гуманным и толерантным.

«Закон о социальной службе» — хороший пример соответствия между идеологическими установками государственных органов Швеции, как и всего общества в целом, и «общественными словами», отражающими новую идеологию. Как пишет М. Еллерстам, изменения в лексическом наполнении таких «общественных слов» направлены на то, чтобы «стряхнуть неприятные ассоциации» (швед. *skaka av obehagliga associationer*)¹⁴.

Ярким примером «вербальной реформы» этого типа является общественно-политическая судьба таких слов, как *stat* 'государство' и *makt* 'власть'. Как отмечают шведские лексикологи, социал-демократы вряд

¹¹ *Orden speglar samhället*. S. 94.

¹² *Ibid.* S. 97.

¹³ *Sigurd B. Språkklyftor som reflexer av vissa drag i samhällsutvecklingen // Språk, människa, maskiner*. 1976. N 7.

¹⁴ *Orden speglar samhället*. S. 43.

ли смогли бы так расширить общественно-государственный сектор (den offentliga sektorn), если бы не стали широко использовать «теплое» слово *samhalle* ‘общество’ вместо «холодного» *stat*¹⁵.

Показательна и общественно-политическая судьба слова *makt* ‘власть’. В 1960–1970-е гг. у представителей левых партий оно приобрело более позитивное звучание в контекстах, содержащих идею их собственного управления государством, возможно, под влиянием американского *Black power*, как, например, в известном лозунге-призыве левых: «*Du ska ta ledningen och makten*» ‘Ты должен взять управление и власть в свои руки’.

В конце 1980-х гг. министр труда и заработной платы Швеции объявил о том, что необходимо найти замену изжившему себя политически слову *myndighet* ‘государственный орган, орган власти, ведомство’, «поскольку органы власти не особенно властны и не обладают той степенью власти, которая представляется общественности»¹⁶. Министр предложил найти ему замену в виде «общественного термина», который бы больше подчеркивал равный диалог между государственными учреждениями и отдельными гражданами, больше ориентировал общество на понятия, выраженные словами *tjänst* и *service*, и передавал идею «протянутой для помощи руки» в деятельности административно-управленческого аппарата (швед. *en hjälpande hand*). Если вместо слова *myndighet* будет использоваться, к примеру, композит *allmäntjänst* ‘всеобщая служба’, представление о государственной власти начнет меняться в сторону их восприятия в качестве обслуживающего персонала для общества и его граждан, а вместе с тем в этом направлении в еще большей степени будет меняться и деятельность государственных учреждений.

4. К этой группе относятся общественные слова, которые создаются и используются только как профессиональные названия специалистами — социологами, психологами, психоаналитиками, психиатрами, педагогами, социантропологами — теми, кого по-шведски называют *det hjälpande skiktet*¹⁷. Такие слова с нейтральной семантикой бытуют как «неформальные терапевтические профессиональные арготизмы» (*informell terapeutisk jargong*¹⁸) и используются в целях социальной терапии для гуманизации понятий, имеющих в общепотребительной

¹⁵ *Orden speglar samhället*. S. 78.

¹⁶ *Ibid.* S. 91.

¹⁷ *Lyttkens L.* Den disciplinerade människan. Udderalla. 1985.

¹⁸ *Orden speglar samhället*. S. 43.

лексике негативные коннотации, например, используемых в пенитенциарных учреждениях: påföljd 'последствие' вместо straff 'наказание', intern 'интернированный' вместо fange 'заключенный', bostådsrum 'жилая комната' вместо cell 'камера', kontaktperson 'контактное лицо' вместо övervakare 'охранник'. Сюда можно отнести и прилагательные с нейтральной семантикой вместо оценочных: lågpresterande 'неуспевающий' вместо lat 'ленивый', förståndshandikappad 'умственно неполноценный' вместо dum 'глупый'.

5. К этой группе относятся слова, создаваемые в чисто косметических целях (språklig makeup), например для обозначения традиционных профессий с низким или недостаточно высоким престижем: lokalvårdare вместо stadare 'уборщик', tidigarelärare вместо lågstadielärare 'учитель младшей школы'.

6. В эту группу включаются слова, которые сознательно выведены из употребления в качестве «общественных терминов»; например fosterbarn 'ребенок, воспитывающийся в чужой семье' — слово, которое изъято из текста «Закона о социальной службе» как негуманное: ведь все воспитывающиеся в семье дети — это просто дети. Разумеется, это слово сохраняется в общеупотребительной лексике. В данном случае стратегия «вербальной реформы» направлена на то, чтобы «по мановению волшебной палочки ликвидировать нечто, относящееся к сложной, затрагивающей человеческие чувства действительности, — ликвидировав его словесное обозначение» (att trola bort en företeelse, en svår och känslig verklighet — genom att trola bort beteckningen¹⁹).

С точки зрения лексических процессов терминологизация шведского языка характеризуется появлением особого слоя общеупотребительной терминологии. При этом, как отмечают лексикологи, происходит постоянное «перетягивание каната» между их бытованием в качестве специальных терминов или профессиональных арготизмов и обычных общеупотребительных слов. В данном процессе действуют две составляющие:

1) семантическое расширение термина, вплоть до его детерминоло-гизации, как, например, произошло со словом hemspråk 'родной язык иммигрантов, проживающих в Швеции', и многими другими «общественными словами»;

2) уточнение значения общеупотребительного слова и тем самым сужение его семантического потенциала при специальном употреблении, как, например, в словах familjedaghem 'семейный детский сад' или gymnasieskola 'гимназия'.

---

¹⁹ Ibid. S. 92.

Функционирование «общественных терминов» постоянно балансирует между стремлением специалистов как можно более четко структурировать быстро меняющуюся действительность, с одной стороны, и противостоянием со стороны носителей языка слишком быстрому и кардинальному изменению в значении и употреблении привычных им слов родного языка.

J. M. Tjekalina

SVENSKA NYORD AVSPEGLADE I SAMHÄLLSTRENDER

I artikeln behandlas kopplingen mellan ordförrådet och verkligheten med hänsyn till en särskild grupp som har fått beteckningen «samhällsord» eller «samhällstermer», vilka baseras på och definieras i svensk lagstiftning eller officiella utredningar. Dessa ord är som regel kulturberoende; de vänder sig oftast till allmänheten och uppfattas som en del av allmänordförrådet. Terminologiseringen av svenskan sker i form av dragkampen mellan fack- och allmänspråk inom skärningspunkten mellan offentligt och privat. Kopplingen mellan samhället och språket framträder i form av «verbala» reformer, då samhällstrender avspeglas i ordförrådet, men samtidigt kan dess förändring omvänt sättas upp som spegel för samhällsförändringen.

Т. А. Шенявская

У ИСТОКОВ ИСЛАНДСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В 1999 г. в серии «Лексикографические сочинения прежних веков» (*Orðfræðirit frgri alda*) в Рейкьявике вышло в свет комментированное издание Исландского словаря Гудмунда Андрессона (далее LI¹). Впервые словарь был опубликован профессором Копенгагенского университета Педером Хансеном Ресеном в 1683 г., почти через 30 лет после смерти автора². Это издание неоднократно критиковали за ошибки и недочеты³. Они были в основном исправлены Гуннлаугом Ингоульфссоном и Якобом Бенедиктссоном, подготовившими издание 1999 г. В своей работе они, в частности, опирались на список рукописи LI, который хранится в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде. Список имеет библиотечный номер MS Junius 120 и, как указано в каталоге, датируется второй четвертью XVII в. Исследователи считают, что он был сделан с авторской рукописи⁴.

¹ *Lexicon Islandicum. Orðabók Guðmundar Andr ssonar / N  utg fa. Gunnlaugur Ing lfsson og Jakob Benediktsson  nnu ust utg funa. Reykjav k, 1999.*

² *Lexicon Islandicum... scriptum   Gudmundo Andreae Islando et nunc tandem in lucem productum per Petrum Johan. Resenium. Havni , 1683.*

³ См., напр.: *J n Helgason. J n  lafsson fr  Grunnav k / Safn Fr dafjelagsins. V. Bindi. Kaupmannah fn, 1926. Bls. 97; Jakob Benediktsson. Inngangur // Gu mundur Andr sson. Deilurit / Jakob Benediktsson bj  til prentunar. Kaupmannah fn, 1948. Bls. XIX–XX; Gunnlaugur Ing lfsson. Inngangur / Lexicon Islandicum... Reykjav k, 1999. Bls. XI–XII. Однако, несмотря на все издательские недостатки, сам словарь «является замечательным источником по истории исландского языка, поскольку содержит много слов, зафиксированных впервые, и поясняет различные редкие слова» (*Jakob Benediktsson. Op. cit. Bls. XX*).*

⁴ О соотношении MS Junius 120 и печатного текста см.: *Jakoby D. R. Variant Readings in Gu mundur Andr sson's Icelandic-Latin Dictionary: A Prolegomenon. The Univ. of North Carolina at Chapel Hill, Ph. D. 1976; Gunnlaugur Ing lfsson. Op. cit. Bls. XV–XIX.*

В биографии автора словаря Гудмунда Андрессона много белых пятен. Считается, что родом он с хутора Скала, что у Среднего Фьорда, где родился и вырос Греттир, самый великий из объявленных вне закона в Исландии «эпохи саг». Однако, в отличие от знаменитого земляка, о семье Гудмунда ничего не известно⁵. Год его рождения также нигде не указан, но исследователи подсчитали, что Гудмунд родился около 1615 г. Он успешно окончил школу в Холаре, однако продолжить обучение в университете не смог по причине бедности и слабого здоровья. Некоторое время Гудмунд был дьяконом в Рейнистаде, но вскоре (незадолго до 1644 г.) лишился этого места (как он считал, по навету), после чего учительствовал в разных местах страны. Не получив места священника, он селится у матери, на родном хуторе Скала, и пишет «Полемическое сочинение»⁶, направленное против так называемого Великого приговора⁷. За это сочи-

---

⁵ Биография Гудмунда приводится, например, в указ. соч. Якоба Бенедиктссона (с. VI–XIX). Удивительная история его жизни легла в основу романа Тоура-рина Эльдьяутна (*Tórarinn Eldjárn*. BrotahöfuD. Reykjavík, 1996). Трагическая судьба Греттира известна из «Саги о Греттире» (русский перевод О. А. Смирницкой: Сага о Греттире / Изд. подг. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Новосибирск, 1976). В ней также рассказывается о том, как его прадед, великий викинг Энунд Деревянная Нога, сражался против Харальда Прекрасноволосого и, объявленный конунгом вне закона, вынужден был оставить отчие земли в Норвегии, о жизни Энунда в Ирландии и на Гибридных островах и, наконец, о том, как он поселился в Исландии. После смерти Энунда его имущество поделили сыновья — Торгейр Бутылочная Спина и Торгрим Седая Голова, дед Греттира. Торгрим взял движимое имущество, а Торгейр — землю. После этого Торгрим едет в Средний Фьорд, где покупает землю у Скалы. Он женится на Тордис, дочери Асмунда с Асмундовой Горы, и у них рождается сын Асмунд. «Был он рослый и сильный, и умный, и с прекраснейшими волосами. Но у него рано появилась седина в волосах. Поэтому его прозвали Седоволосым» (с. 18). Асмунд стал богатым купцом и водил дружбу со многими знатными людьми в Норвегии. Там он женился на Раннвейг, дочери Торстейна из Вика. У них был сын Торстейн. Вскоре, однако, Раннвейг умерла, а ее родичи взяли мальчика к себе. Асмунд же «снова ушел в плаванье и прославил свое имя» (с. 19). Решив обосноваться в Исландии, он женится на Асдис, выросшей в доме у Торкеля Разгребалы, сына Торгрима, годи с Птичьей Реки. Спустя некоторое время умирает отец Асмунда Торгрим Седая Голова. Асмунд наследует хутор Скала и поселяется там. «Асмунд Седоволосый поставил у Скалы большой и богатый двор и держал у себя много людей. Его очень любили» (с. 20). Младшим сыном Асмунда и Асдис был Греттир.

⁶ *Discursus oppositivus*, или *Deilurit*: *Deilurit / Jakob Benediktsson bjó til prentunar*. Kaupmannahöfn, 1948.

⁷ Исл. *Stóridómur* — «великий приговор (принятое альтингом в 1564 г. судебное решение по вопросу о преступлениях против нравственности, получившее

нение Гудмунд был арестован (1649), отправлен в Копенгаген и заключен в печально известную Голубую башню, где через 20 с лишним лет напишет «Память скорби» (*Jammersminde*) дочь Кристиана IV Леонора Кристина⁸. Однако уже к Рождеству (не без помощи своего будущего издателя Педера Хансена Ресена и живущих в Копенгагене соотечественников⁹) он был выпущен на свободу, но без права возвращения в Исландию и при условии, что не будет критиковать Великий приговор на территории Датского королевства. 12 июня 1650 г. Гудмунд был зачислен в Копенгагенский университет. Там он занимался скандинавской филологией под руководством Оле Ворма, пока эпидемия чумы, бушевавшая в Копенгагене в 1654 г., не унесла жизни их обоих.

В годы обучения в университете Гудмунд делает комментарии к двум эдическим песням — «Прорицанию вельвы» и «Речам Высокого» и работает над словарем¹⁰.

В 1665 г. Педер Ханс Ресен издал «Речи Высокого» (*Ethica Odini pars Eddæ Sæmundi vocata Naavamaal, uná cum ejusdem appendice appellato Runa Capitule*). В издании приводится исландский текст песни и латинский перевод (переводчик не назван, но им, вероятно, был Стефаун Оулафссон¹¹). Кроме того, в издание включены *Gudmundi Andree Islandi Notæ de Capite Runico* — замечания Гудмунда по переводу и альтернативный перевод некоторых стрóf, его комментарии к отдельным местам в заключительной части «Речей», в которую входит рассказ Одина о том, как он обрел знание рун, принеся самого себя в жертву и повисев девять дней на Мировом древе, несколько стрóf о рунах и жертвоприношениях, перечень восемнадцати заклинаний (стрóфы 138–164). В том же году Ресен издает «Прорицание вельвы» (*Philosophia antiqvissima Norwego-Danica dicta Woluspa qvæ est pars Eddæ Sæmundi*). В этом издании перу Стефауна Оулафссона, имя ко-

---

силу закона и явившееся источником многих бедствий)»: Берков В. П. Исландско-русский словарь. М., 1962. С. 710.

⁸ Леонора Кристина провела в Голубой башне 22 года (1663–1685).

⁹ Авантюрная история освобождения Гудмунда описана в предисловии к изданию *Deilurit* (Bl. XIII–XIV).

¹⁰ Гудмунд также делает выписки из исландских сочинений о Гренландии, см. о них: *Grönlands historiske Mindesmærker*. Bd. I. S. 114–115. Почти все рукописи, из которых сделаны выписки, в настоящее время утрачены. Кроме того, он сочинял римы, баллады и другие стихи (изданы Якобом Бенедиктссоном: *Persius rímur eftir Guðmund Andrésson og Bellorofontis rímur*. Reykjavík, 1949; *Guðmundur Andrésson*. *Deilurit*. Kaupmannahöfn, 1948. Bls. XXV–XXXIII).

¹¹ См. об этом: *Jakob Benediktsson*. *Op. cit.* Bls. XX.

того указано, принадлежит не только перевод, но и подстрочные примечания. В своих комментариях (Gudmundi Andreæ Islandi Notæ seu levis Paragraphus in explicationem super Versus Sibyllinos seu Philosophiam (Wölu Spá) Norvego-Danicam) Гудмунд резко критикует и толкования Стефауна, и его перевод; дойдя до 22-й строфы, он вообще отказывается комментировать из-за большого количества ошибок и пишет, что хотел бы сам толковать песнь. Позже к Ресену попадает латинский перевод Гудмунда, а также его предисловие и комментарии к песни, которые он издает в 1673 г. (Philosophia antiqvissima Norwego-Danica dicta Wöluspa alias Edda Sæmundi), предварив краткой биографией Гудмунда, написанной, как он указывает, по рассказам исландцев¹².

В 1683 г., как уже говорилось, Ресен издает LI. Словарь содержит слова, примеры и идиоматические выражения, взятые Гудмундом из древнеисландских памятников и современного ему языка¹³.

Основным источником представленного в LI языкового материала стала богатая древнеисландская литература: песни «Старшей Эдды», «Младшая Эдда» Снорри Стурлусона, скальдическая поэзия и саги. Памятники иногда цитируются, иногда просто упоминаются, при этом некоторые цитаты автор, очевидно, приводит по памяти.

Большинство ссылок — на эддические песни и Снорриеву Эдду. Чаще всего Гудмунд цитирует те песни, которые он переводил и комментировал, — «Прорицание вельвы» и «Речи Высокого». Он также ссылается на «Речи Вафтруднира» и две мифологические песни, сохранившиеся не в основной рукописи «Старшей Эдды», — «Песнь о Гротти» и «Песнь о Риге» (в словаре она названа Rígs sáttur «Прядь о Риге»). Например:

(1) Angan in völuþpä / and-gan/ *adversaria techna magica, æ var hun angan illrar brudar* [LI, 8]¹⁴ — Angan в «Прорицании вельвы»/ and-gan/ *враждебная магическая уловка*, «всегда она была отрадой злым женам».

(2) Liufr/liuf/liuft / *Amicus, a, um <...>* Havamál: *liufr verðr leidr ef leinge sitr*. [LI, 113] — Liufr/liuf/liuft / *милый, приятный <...>* Далее следует правило житейской мудрости из «Речей Высокого», но оно приведено не полностью, ср.: *liúfr verðr leiðr, / ef lengi sitr // annars fletiom í*

¹² В своем издании Ресен отмечает, что, хотя имя Гудмунда в рукописи не указано, нет никакого сомнения в том, что автором является именно он. На авторство Гудмунда указывает почерк и характер ссылок на LI: Ibid. Bls. XXI. — В то время словарь еще не был издан, но его рукопись уже была в распоряжении Ресена.

¹³ О построении словаря и орфографии в нем см.: *Gunnlaugur Ingólfsson*. Op. cit. Bls. XX–XXV.

¹⁴ Примеры из LI даны по изданию 1999 г.

(Háv. 35.4–5)¹⁵ — «даже приятель / станет противен, // коль долго гостит он» (пер. А. И. Корсуна)¹⁶.

(3) at ausa / at ausa jos / in præt. *hausi, item, inspergo, Rigs þatt/ Jöd öl Edda / Josu vatni / <...> in Völuspä / ask veit eg standa / heiter ygdrasil / här badmur / ausin / hvitum auri* [LI, 13] — at ausa / at ausa jos / in præt. *черпать, также окроплять*. «Песнь о Риге» / «Дитя родила Эдда (пробабка) / водой окропили» / <...> в «Прорицании вельвы» / «ясень, знаю я, стоит / зовется Иггдрасиль / высокое дерево, окропленное белой влагой».

(4) *Ämätkur / adi. pervalidus, in Grottusöng / Fenia og Menia amatkar tvær / ur lötunheimi / komnar ero til Kongs husa* [LI, 7] — *Ämätkur / очень сильный, могучий*, в «Песни о Гротти» / «Фенья и Менья сильные две / из Йотунхейма / пришли в королевские палаты».

«Песнь о Гротти» сохранилась в двух рукописях «Младшей Эдды»¹⁷, где Снорри приводит ее после сказания о Гротти, которое он рассказывает, поясняя, почему золото называют «мукою Фроди», однако там процитированные Гудмундом строки выглядят иначе:

Nú eru komnar
til konungs húsa
framvisar tvær.

Fenia ok Menia (*Grt.* 1.1–4)

Вот появились
в палатах конунга
вещие девы.

Фенья и Менья (*Пер. А. И. Корсуна*)

Цитируя по памяти вырванную из контекста полустрофу, Гудмунд меняет не просто порядок строк и слов, но саму логику повествования. В классическом тексте исходным являются палаты конунга Фроди, в этот локум вводятся две девы, которые сначала характеризуются, а потом именуются. Их появление становится причиной последующих собы-

¹⁵ Здесь и далее «Старшая Эдда» цитируется по: Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Text / Hrsg. von Gustav Neckel; 5. verbesserte Auflage von H. Kuhn. Heidelberg, 1983.

¹⁶ Переводы А. И. Корсуна приводятся по: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.

¹⁷ Codex Regius 2367 — пергамент из Королевской библиотеки в Копенгагене, его датируют около 1325 г., и Codex Trajectinus 1374 — бумажный список из Утрехтской библиотеки, сделанный около 1600 г. с древней рукописи.

тий. У Гудмунда, напротив, исходным являются Фенья и Менья, о которых сообщается, что они прибыли из Йотунхейма в королевские палаты. Последняя строка полустрофы становится первой. Потом следует третья, при этом великанши Фенья и Менья вместо «вещих» (*framvísar*) становятся «сильными», получив эпитет из второй части строфы в префиксальном варианте (ср. *mátcar meyjar* — Gnt. 1.7 ‘сильные девы’¹⁸; á- выполняет функцию интесификатора). Замена эпитета разрушила аллитерационную схему. Вставка следующей строки (*ur Iøtunheimi* ‘из Йотунхейма’) мотивирована как трансформацией информативной структуры, так и необходимостью восстановить аллитерацию. Кроме того, две регулярные краткие строки классического текста у Гудмунда явно слились в одну нерегулярную — *Fenia og Menia amatkar tvær* ‘Фенья и Менья сильные две’. Далее идут две первые строки классического текста, также слившиеся в одну в результате ритмико-синтаксической трансформации. В первой Гудмунд опускает наречие *nú*, которое в классическом тексте занимает первую вершину, на его место со второй вершины перемещается включенное в аллитерацию причастие *þú komnir*, а на нее из спада «поднимается» глагол-связка. Во второй строке занимающий первую вершину краткий двусложник *konungr* заменен на односложник *kóngr* (ср. даг., норв. *konge*, шв. *kung*, англ. *king*). Это сократило число слогов и тем самым способствовало отмеченному слиянию. Все описанные изменения привели к тому (или обусловлены тем?), что сочиненная в основном эддическом размере форнюрдислаг полустрофа классического текста у Гудмунда приводится как полустрофа другого размера — льодахатта. Полустрофа форнюрдислага состоит из четырех кратких строк, попарно связанных аллитерацией в две долгие. В полустрофе льодахатта три строки — две краткие, объединенные аллитерацией в долгую, и так называемая непарная (или полная) строка. Долгая строка в льодахатте имеет, в принципе, ту же структуру, что и в форнюрдислаге, но отличается большей шириотой слогового варьирования в спадах. Непарная строка характеризуется наличием автономной аллитерационной схемы и особой метрической структурой¹⁹.

¹⁸ Эту строку Гудмунд цитирует в другом месте: *In Gröttu söng / matkar mejar ad mane hafdar* [LI, 116] — В «Песни о Гротти» / «сильные девы отданы в рабство».

¹⁹ О льодахатте см.: *Смирницкая О. А.* «Речи Гримнира» на эддической сцене // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Елеазара Моисеевича Мелетинского. М., 1993. С. 257–274; *Шенявская Т. Л.* Еще раз о непарной строке льодахатта // Слово в контексте литературной эволюции: Античность — Средние века — Возрождение. М., 1989.

Название «Эдда» относится в словаре прежде всего к первой части «Младшей Эдды» — «Видению Гюльви». Вторая и третья части сочинения Снорри — «Язык поэзии» и «Перечень размеров» — объединены под названием *Skalda* («Поэтика»²⁰), однако в одном случае «Перечень размеров» указан отдельно.

(1) *Skállda* / f. g. *Nomen Libri de componendis Rythmorum generibus, skálld kalla mig / skapsmið vidris / Gauks giöff hrotud / Grepp Öhneppan / Yggs Ölbera / Ods Sparmöda / Hagsmið bragar / hvað er skálld nema það?* [LI, 141] — *Skállda* / f. g. *Название книги о сочинении стихов.* Далее цитируется искаженная вѣса Браги Старого, которую Снорри приводит в «Языке поэзии» как ответ Браги великанше на ее вопрос, кто он такой, ср.:

Skáld kalla mig
skapsmið Viðurs,
Gauts gjafirötud,
grepp öhneppan,
Yggs ölbera,
ods skap-Móða,
hagsmið bragar.
Hvað er skáld nema það?

Скальды называют меня
кузнецом корабля Видура,
обладателем дара Гаута,
щедрым певцом,
подателем напитка Игта,
творцом поэзии,
искусным кузнецом стихов.
Что такое скальд, если не это?²¹

(2) *alagshattur: genus metri in Scallda* [LI, 6] — *alagshattur: стухотворный размер в «Скальде».*

²⁰ Ср.: предисловие Расмуса Паска к его изданию *Snorra-Edda ásamt Skáldu og þar með fylgjandi ritgjörðum, eftir gömlum skinnbókum / Utgefin af R. Kr. Rask.* Stockholmi, 1818. Bls. 6; *Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary / Initiated by Richard Cleasby; revised, enlarged and completed by Gudbrand Vigfusson.* 2nd ed. Oxford, 1957. P. XI (Classification of Works and Authors. H. Works of a learned or scholastic character).

²¹ Исландский текст приводится по: *Edda Snorra Sturlusonar / Heimir Pálsson bjó til prentunar.* Reykjavík, 1988. Bls. 176. Прозаический перевод О. А. Смирницкой: *Младшая Эдда / Изд. подготовили О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский.* Л., 1970. С. 161–162.

Характеризуя этот размер, Снорри пишет, что в нем четные строки начинаются с полнозначного односложного слова, которое семантически относится к предыдущей строке и по смыслу не связано с «остальными пятью слогами»²².

(3) *In Clavi metrorum Snorri Sturlæssonii, Fliot volkat skilur Fylker / Fridlæ / rødul Sævar / Refhvörf* / [LI, 106] — В «Перечне размеров» Снорри Стурлусона [далее приводятся две строки из висы, которой Снорри иллюстрирует прием *refhvörf* «листья увертка», аналогичный оксюморону]²³.

(4) *Svasudr hiet Fader sumars / ait Edda, og er hann sællyfr / so ad af hann heite er thad kallad svasligt er blijtt er* [LI, 155] — «Свасуд звался отец лета / рассказывает «Эдда» / ведет он такую безмятежную жизнь, что его именем называется то, что приятно и ласково» (имя Свасуд значит «приятный, ласковый»).

Кроме того, Гудмунд несколько раз ссылается на «Древний ключ размеров», сложенный в середине XII в. оркнейским ярлом Регнвальдом и исландским скальдом Халлем Тораринссоном. Он также упоминает великого скальда Эгиля Скаллаgrimссона и цитирует его «Выкуп головы»²⁴; приводит начало висы, которую сказал из кургана Гуннар с Конца Склона, один из главных героев «Саги о Ньяле» (гл. 138); несколько стихотворных загадок из «Саги о Хейдреке» (она называется также «Сагой о Хервер и конунге Хейдреке») и отдельные строки из самого знаменитого исландского произведения позднего Средневековья — драмы августинского монаха Эйстейна Асgrimссона «Лилия».

LI содержит также слова и примеры из «саг об исландцах» (прежде всего из «Саги о Ньяле» и «Саги о Греттире», также упоминаются «Сага о людях с Песчаного Берега» и «Сага о союзниках»); «королевских саг» («Сага об Олаве Трюггвасоне» и «Сага об оркнейцах»); «саг о древних временах» («Сага о Вельсунгах» и «Сага о Хрольве Жердинке»). Несколько раз цитируется «Книга о заселении страны». Нужно, однако, отметить, что Гудмунд не всегда указывает источник цитаты, например:

(1) *margt amar ad mier i Dag / qvad hraffin er bardist vid Gunnlagv orrmstungu*. [LI, 7] — «много печалит меня сегодня / сказал Храффн, который бился с Гуннлаугом Змеиным Языком».

Имеется в виду «Сага о Гуннлауге Змеином Языке».

(2) *So hialpi mier Freir, niördur / og hinn helgi äs*. [LI, 11] — «Да помогут мне Фрейр, Ньерд / и священный ас».

²² См.: *Edda Snorra Sturlusonar*. Bls. 219.

²³ *Ibid.* Bls. 215.

²⁴ Правда, Гудмунд дважды путает Эгиля с его отцом, называя Скаллаgrimмом.

Подобная формула встречается в нескольких древнеисландских памятниках, но там ас не «священный», а «всемогущий», ср.: *hjálpri mér svá Freyr ok Njörðr ok inn almatkti áss* («Книга о заселении страны», гл. 7; «Сага о Торстейне Бычьей Ноге», гл. 1); *hjálpri mér svá Freyr ok Njörðr ok áss inn almatkti* («Сага о Торде Пугале» (ранняя редакция), гл. 1).

Материал для своего словаря Гудмунд черпал и в древних законах. В основном он ссылается просто на «книги законов» например: *Løgbok* [LI, 9], in *Codice Legum* [LI, 73], иногда с указанием глав и разделов: *Løgbok* § 7 [LI, 4], *Codice Leg. D. V. cap. 13* [LI, 29]. Однако в двух случаях приводится название *Gräfygla/Gräfigle* [LI, 3; 15], явно указывающее на сборник «Серый гусь» (*Grágás*). Исследователи древнеисландского права неоднократно отмечали, что название «Серый гусь» появляется в исландских источниках только во второй половине XVI в. Как общее обозначение законов эпохи народовластия оно закрепляется в традиции начиная с XVII в. Это название, однако, не было единственным. Встречаются также варианты «Серая птица» (*Gráfugl, Gráfygla*) и «Книга серой птицы» (*Gráfuglsbók*)²⁵. Название *Gráfygli* Гудмунд использует и в своем «Полемическом сочинении»²⁶.

Как уже отмечалось, в LI можно также найти образцы исландского языка более позднего периода.

Гудмунд часто цитирует стихотворные отрывки или отдельные строки. Источники примеров (за редким исключением) не указываются, но по форме можно определить, они взяты из рим или баллад²⁷. В словарь, кроме того, включено много пословиц и поговорок, а также слов и выражений из разговорной речи современников²⁸.

Встреча эпох на страницах словаря принимает иногда весьма неожиданный оборот.

(1) *Är <...> Völuspa / & Vafsrudnis mäl / <...> är var allda þä ecki var / item är var allda þä er imer bigde.* [LI, 10] — *Är <...>* «Прорицание вельвы» / & «Речи Вафтруднира» / *<...>* «в начале времен, когда ничего не было» / также «в начале времен, когда жил Имир».

---

²⁵ См.: *Inngangur // Grágás. Lagasafn íslenska þjóðveldisins / Gunnar Karlsson, Kristján Sveinsson, Mögður Arnason sáu um útgáfuna. Reykjavík, 1997. Bls. XXIV–XXV.* *Gráfygla* относится к той же словообразовательной модели, что и другие сокращенные наименования ряда известных саг и рукописей — *Njála, Egla, Landnáma, Eyrbyggja, Morkinskinna.*

²⁶ *Deilurit.* Bls. 37.

²⁷ См.: *Gunnlaugur Ingólfsson.* Op. cit. Bls. XXVI–XXVII.

²⁸ *Ibid.* Bls. XXVIII–XXXIV.

Гудмунд довольно точно цитирует два варианта начала третьей строфы «Прорицания вельвы»: только þat er заменено на þá (er), что, однако, не повлияло на смысл. Первый приводит Снорри в «Видении Гюльви», второй взят из «Старшей Эдды». Как отмечает О. А. Смирницкая, «вариант Снорри — более поздний, внушающий представление о сотворении мира ex nihilo»²⁹.

Примера из «Речей Вафтруднира» Гудмунд не приводит. В этой песне аг употребляется в композите ardagar (í árdaga ‘в древние времена’):

Óðinn qvað:
 «Segðu þat íþ fimta,
 allz þic fróðan qveða
 oc þú, Vafðrúðnir, vitir,
 hverr ása elztr
 eða Ymis niðia
 yrði í árdaga?» (Vm. 28)

Один сказал:
 «В-пятых скажи мне,
 Вафтруднир мудрый,
 ответь, коли знаешь:
 кто был вначале,
 кто старше асов,
 старейший из отпрысков Имира?»

(Пер. В. Тихомирова)³⁰

(2) frā arellids tyd / hodie arildstyd pro summa antiquitate, a primo ovo. [L1, 9] — frā arellids tyd / в настоящее время arildstyd о глубокой древности, о начале времен.

Выражение «со времен Арилля/Арильда», т. е. «с незапамятных времен», образовалось в результате ретимологизации сочетания ag alda, где ag — наречие ‘прежде, рано’, à alda — форма род. п. мн. ч. от существительного old ‘век’³¹. В Дании и Норвегии сложилась история о некоем Арилле, жившем в стародавние времена. В Швеции возникает другой вымышленный персонаж — король Орпе (kung Orpes tid), который впервые появился в небольшом произведении XVII в. «Kung Orpes Mandat»,

²⁹ Смирницкая О. А. «Прорицание вельвы»: заметки к семинару по исторической поэтике // Атлантика: Записки по исторической поэтике. М., 1999. Вып. IV. С. 191.

³⁰ Перевод В. Тихомирова приводится по изданию: Корни Иггдрасиля / Сост. и отв. редактор О. А. Смирницкая. М., 1997.

³¹ Берков В. П. Норвежская лексикология. СПб., 1994. С. 97. См. также: Falk H., Torp A. Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog. Oslo, 1996. S. 23–24.

представляющем собой пародию на канцелярский стиль того времени. В исландский язык выражение попадает в XVI в., вероятно, из датского, ср.: *fra arilldstijd og her til dags* (1576) 'с давних времен и до наших дней', *allt eptir því sem tíðkaðist í aril(d)stíð við tíundatöku* (1851, 1853) 'все согласно тому, как было принято при взимании десятины в давние времена'³². Интересно, что в последнем примере речь идет о церковной десятине, которая была введена в Исландии в 1097 г., и «незапамятные времена», таким образом, наполняются вполне конкретным историческим смыслом.

LI не был первым исландским словарем. В 1650 г. Оле Ворм опубликовал в Копенгагене *Specimen Lexici Runicí* (SLR). Большая часть этого словаря была сделана Магнусом Оулафссоном (ок. 1573–1636). Как и Гудмунд, он учился в Холаре. Потом продолжил образование в Копенгагенском университете. После возвращения в Исландию в 1599 г. Магнус становится священником монастыря в Медруветлире, но в 1607 г. был смещен при неясных обстоятельствах. В 1622 г. он получает место священника в Лауфасе и занимает его до самой смерти. В 1608–1609 гг. Магнус работает над компиляцией, известной под названием «*Laufás Edda*». Она представляет собой версию «Младшей Эдды», составленную из различных рукописей и организованную по тематическому принципу. Позже эта компиляция, а также сделанный Магнусом ее латинский перевод легли в основу издания Ханса Педера Ресена (1665), благодаря которому «Эдда» стала широко известна за пределами Исландии. За составление словаря Магнус взялся по просьбе Оле Ворма. Интересно, однако, что Ворм просил о словаре поэтического языка, в то время как ссылок на поэтические памятники в SLR относительно немного. Этот факт, вероятно, свидетельствует о том, что «к тому времени, когда Оле Ворм обратился к нему с просьбой, Магнус уже собрал значительную часть материала»³³. Смерть прервала работу Магнуса, и словарь был в основном завершён его преемником в Лауфасе Йоуном Магнуссоном. Различные дополнения внесли Оле Ворм и Гудмунд Андрессон, в то время как раз составлявший LI. Несмотря на известное сходство и ряд существенных совпадений³⁴, в его словаре, в отличие от SLR, современный автору язык впервые становится предметом лексикографического описания.

В XVI в. для Исландии наступили тяжелые времена. Если раньше страна сохраняла известную автономию, то теперь она полностью управ-

³² Примеры взяты из *Orðabók Háskólans* (<http://www.lexis.hi.is>).

³³ *Faulks A. The Sources of Specimen Lexici Runicí // Íslenzk tunga. 1964. Bls. 32.*

³⁴ *Ibid. Bls. 38–43, 121–126.*

лялась из Копенгагена. После Реформации к датскому королю как главе церкви перешли владения монастырей и все церковные земли. Соответственно, ренты, штрафы и другие платежи стекались теперь в королевскую казну. В стране начался экономический упадок, неуклонно росла нищета. Насильственно введенная Реформация резко изменила духовную жизнь Исландии. Были запрещены многие прежние обычаи, в том числе и не связанные с католицизмом, так же как расхищались или уничтожались не только католические святыни и предметы культа, но и произведения искусства, древние рукописи и документы.

Настроения той эпохи замечательно отражены в знаменитом сатирическом стихотворении Хатльгрима Пьетурссона «Нравы века»:

Все было, да сплыло!
Мужество, сила,
знание, уменье –
Все нам постыло,
живем уныло
в тоске и сомненье.
В нас сердце остыло,
нас ждет могила...

(Пер. В. Тихомирова)³⁵

Однако в заключительных строках звучит надежда на спасение:

А есть ли спасенье?
Верю и чаю!
На этом кончаю стихотворенье.

Исключительная национальная стойкость исландцев помогла им выжить. Введение книгопечатания и издательская деятельность епископа Гудбранда Торлаукссона способствовали развитию исландского языка, литературы и национальной культуры в целом. Несмотря на все тяготы, в XVI и особенно в XVII в. в стране появилось немало поэтов и писателей. Среди них, в частности, и Хатльгрим Пьетурссон (1614–1674), основоположник исландской профессиональной поэзии. Кроме сатирических стихов он сочинял также на темы из национальной истории, но особенно известен своими «Страстными псалмами». Исключительно благоприятную почву нашли в Исландии идеи гуманизма, одна-

---

³⁵ Приводится по изданию: *Европейская поэзия XVII века*. М., 1977. С. 333–338. Там же о кризисе в искусстве:

В стихах нет склада,
ни древнего лада –
искусство в разлуке.

ко характерная для него ориентация культуры на античность получила национальное преломление. Нелепости об Исландии и ее жителях, которые сообщали в своих путевых заметках некоторые иностранные авторы того времени, побудили Арнгрима Йоунссона Ученого (1574–1648) к созданию нескольких книг о стране и ее истории. Написанные на латыни и изданные за границей, они привлекли внимание ученых, прежде всего датчан и шведов, к древнеисландским памятникам. В самой Исландии делаются списки с рукописей саг и эдических песней, появляются комментарии к древним памятникам. В 1639 г. епископом Скальхольта становится Бриньоульв Свейнссон (1605–1675). Именно благодаря ему сохранились «Книга об исландцах» Ари Мудрого, одна из основных рукописей «Книги о заселении страны» и другие памятники. В 1643 г. Бриньоульв нашел древний пергаментный кодекс, содержащий песни о богах и героях и названный впоследствии «Старшей Эддой». Получив от датского короля Фридриха II позволение посылать древние рукописи на хранение в Королевскую библиотеку, он отправляет туда наиболее ценные рукописи, в том числе «Книгу с Плоского Острова» и найденную им «Эдду»³⁶. На волне интереса к великой древней литературе зарождается и исландская лексикография. Так формировалась характерная для исландской культуры непрерывность традиции и закладывались основы «единственной в своем роде языковой ситуации, когда на одном синхронном срезе совмещаются — разумеется, на разных основаниях — все этапы предшествующего языкового развития»³⁷.

T. L. Shenjavskaia

ÁRDAGAR ÍSLENSKRAR ORDABÓKARGERDAR

I greininni er fjallað um íslenska orðabók, Lexicon Islandicum (LI), sem Guðmundur Andrússon samdi með latneskum skýringum á árunum 1650–1654. LI kom fyrst út í Kaupmannahöfn árið 1683, nálega þrjátíu árum eftir dauða höfundar, en í nýrri útgáfu í Reykjavík árið 1999, í ritröðinni *Orðfræðirit fyrir alda* sem Orðabók Háskólans efndi til árið 1988. Í þessari nýju útgáfu er bætt úr helstu ágöllum hinnar fyrri, m. a. með stuðningi

³⁶ См., напр.: *Björn porsteinsson, Bergsteinn Jónsson. Íslandssaga til okkar daga*. Reykjavík, 1991. Bls. 192–218; *Йоун Р. Хьяульмарссон. История Исландии*. М., 2003. С. 84–93.

³⁷ *Смирницкая О. А. «Архаизирующие инновации» в современном исландском глаголе // Скандинавские языки. Актуальные проблемы грамматической теории*. М., 1984. С. 41.

við handrit MS Junius 120 sem varðveitt er í Bodlean Library í Oxford og kann að vera eftirrit af eiginhandriti Guðmundar. Gunnlaugur Ingólfsson og Jakob Benediktsson sáu um útgáfuna, og Gunnlaugur skrifaði ítarlegan inngang.

Orðaforðinn í LI er sóttur í fornrit, lögbækur, Eddukvæði og Snorra-Eddu, dróttkvæði, helgikvæði og sögur (konungasögur, fornaldarsögur og Íslendingasögur). Ljóst er að höfundur hefur haft aðgang að handritum í Höfn, en sumar tilvitnanir eru skrifaðar eftir minni. Einnig er þar mörg orð og orðatiltæki úr samtíð höfundar, þ. á. m. málshættir og kveðskaparbrot sem ekki koma fyrir annars staðar. Bókin er því merk heimild um íslenskan orðaforða á 17. öld og áfangi í sögu íslenskra orðabóka.

LI er ekki fyrsta íslenska orðabókin sem út kemur á prent. Árið 1650 kom út í Kaupmannahöfn Specimen Lexici Runici (SLR). Höfundurinn var sr. Magnús Ólafsson, prestur í Laufási í Eyjafirði (d. 1636), en útgefandinn var Ole Worm. Samt tók SLR einkum yfir forn málið. Einnig er sennilegt að Guðmundur Anrérsson hafi tekið þátt í útgáfu á SLR og aukið nokkru efni í orðasafn Magnúsar.

И. П. Куприянова
ТРАГЕДИЯ Й. Х. ВЕССЕЛЯ
«ЛЮБОВЬ БЕЗ ЧУЛОК»

История датской драматургии сложилась таким образом, что жанр трагедии не получил сколько-нибудь значительного развития. Обусловлено это было рядом причин социального и культурно-исторического характера. Первый профессиональный театр был открыт в Копенгагене в 1722 г. и с самого начала был ориентирован главным образом на бюргерскую публику. При королевском дворе существовал театр, где давали представления иностранные труппы и куда имели доступ лишь представители высших слоев общества; в то же время бюргерство, сыгравшее чрезвычайно важную роль в утверждении в Дании абсолютизма, обрело все большее влияние как в экономической, так и в духовной жизни. Ориентация театра на привлечение зрителя именно из этой социальной среды стала одной из причин формирования репертуара — первой постановкой явилась комедия Мольера «Скупой» в переводе на датский язык. Последнее обстоятельство было весьма существенно — в придворном театре каждая труппа играла на своем языке. Датский исследователь Андерс Боллеруп констатирует: «Было совершенно естественно, что этот театр стал комедийной сценой, так как комедия — в противоположность трагедии — выбирает своих персонажей, среду и темы из частной жизни бюргерства».¹

Второй причиной обращения к комедийному жанру стало то, что именно в связи с открытием театра Дания обрела своего первого профессионального драматурга — Лудвига Хольберга (1684–1754), дарование которого проявилось как раз в комедии. Крупнейший представитель датского Просвещения, историк, философ и литературный деятель,

---

¹ *Litteraturhåndbogen*. København, 1983. S. 384.

Хольберг был выразителем идеологии бюргерства, что наложило отпечаток на все его творчество. Таким образом, сложилась идеальная ситуация: социальная направленность театра воплотилась в подлинно художественный материал.

За свою жизнь Хольберг написал около тридцати комедий, лучшие из которых по сей день не сходят с датской сцены, и это во многом определило дальнейшее развитие датского драматического театра. Приверженность комедии была для Хольберга делом принципа. В одной из своих «эпистол» (№ 447) он заявляет: «Я никогда не пытался писать трагедий и не имею к этому склонности, ибо испытываю отвращение ко всякой аффектации, ко всему тому, что, так сказать, поставлено на ходули»². В числе его произведений мы находим даже пародию на классическую трагедию — «Мелампе», где кровавая распря между двумя сестрами разгорается из-за обладания комнатной собачкой.

С середины XVIII в. репертуар театра расширяется: на сцене появляются произведения Вольтера, Дидро, немного позднее — Лессинга. Особенно большим успехом пользуются, однако, комедии Гольдони. Интерес к трагедии возрастает в 1760–70-х гг. Триумфальной становится постановка «Заирь» Вольтера: в репертуаре театра, получившего в 1770 г. статус Королевского, она сохраняется с 1757 по 1784 г.

Столь несомненный интерес публики к вольтеровской трагедии побудил дирекцию театра объявить в 1771 г. конкурс на оригинальную датскую трагедию. Победа была присуждена трагедии норвежца Юхана Нурдаля Брюна (1745–1816) «Зарина», действие которой происходит, как и у Вольтера, на экзотическом для датчан Востоке в древнюю эпоху. При всей своей вторичности «Зарина» была с энтузиазмом встречена зрителями и не сходила со сцены в течение девятнадцати лет.

Брюн был членом содружества молодых норвежцев, получивших образование в Копенгагене (напомним, что Норвегия в то время входила в состав датского королевства и не имела своего университета). И именно в этом кружке родилось произведение, остроумно высмеивающее чрезмерное увлечение классической трагедией — «Любовь без чулок. Трагедия в пяти актах».

Автор ее, Йохан Херман Вессель (1742–1785), сын провинциально-го священника, в 1762 г. поступил в университет, но, успешно сдав часть экзаменов, пренебрег изучением теологии ради расширения знакомства с классической литературой и занятий иностранными языками. Обла-

---

² *Hundrede og tyve af Holbergs Epistler // Udg. ved F. Fabrizius. København, 1858. S. 381.*

дая живым умом и острым чувством юмора, Вессель был одной из центральных фигур норвежского кружка, став впоследствии секретарем созданного в 1772 г. «Норвежского общества», боровшегося за самостоятельность национальной культуры. Протоколы заседаний Вессель фиксировал в стихотворной форме и много позднее — в 1935 г. — они были опубликованы отдельным изданием.

Успех «Зарины» вызвал ликование в кругу земляков автора, что, очевидно, и подвигло Весселя на создание пародии. «Любовь без чулок» была написана, по свидетельству современников, всего за шесть недель. Содержание трагедии сводится к следующему. Героиня, Грете, видит страшный сон: ужасное чудовище предрекает ей, что если она не выйдет замуж в тот же день, то этого не произойдет никогда. Грете заключает, что ей грозит неминуемая гибель, — ведь если ты не уродина (а таковой она себя не считает) и не покойница, то возможность замужества всегда существует. У Грете есть возлюбленный, портной Йохан, но он уже восемь дней отсутствует — отправился шить штаны некоему майору и задержался подозрительно надолго. Грете в отчаянии, но ее подруга Метте находит выход: в качестве жениха подойдет ранее отвергнутый героиней поклонник Мадс. Тот с радостью соглашается на немедленный брак, но в это время возвращается Йохан. Он тоже готов жениться, но просит отсрочки. Дело в том, что у него нет необходимой принадлежности свадебного костюма — белых чулок. Венчаться с человеком, обутым в сапоги, Грете не мыслит — это покрыло бы ее несмываемым позором. Чулки есть у Мадса, но он гордо отказывается одолжить их сопернику. Сообразительная Метте вновь находит решение проблемы — Йохан должен эти чулки украсть. Разумеется, Грете знать об этом не следует. Успешно совершив кражу, Йохан собирается вести любимую в церковь, но тут является возмущенный Мадс. Он неопровержимо доказывает преступление Йохана — на чулках, некогда подаренных Мадсу Грете, красуются собственноручно вышитые ею инициалы «М. М.» Не в силах вынести позора, Йохан кончает с собой. Оскорбленная в лучших чувствах Грете следует его примеру. Затем наступает очередь Метте, Мадса и его приятеля Йеспера, ставшего невольным участником ужасных событий. Последние слова Йеспера обращены к будущим поколениям: «Да не испытает ваша любовь никогда недостатка в чулках!»³

За душераздирающим финалом следует эпилог, где спустившийся с Олимпа Меркурий прикосновением жезла оживляет всех действующих

³ Wessel J. H. Samlede Digte. Kierlighed uden Strømper. København, 1959. S. 134.

лиц. Завершает произведение «водевиль», в котором персонажи исполняют куплеты, хором повторяя последнюю строку: «Чем нелепее, тем лучше!»⁴

Вессель неукоснительно соблюдает все формальные требования классической трагедии, последовательно снижая их до абсурдного и комического уровня. Единство времени задано «роковым» сном героини, но сон этот она увидела, заснув после обеда на стуле. Единство места достигается полной неопределенностью этого места. Если Грете спит у себя дома, то почему сюда же приходит в поисках Мадса Метте? Почему сюда же Мадс и Йеспер приносят сундук, в котором они ищут и не находят злополучных чулок? Если дело происходит на улице, то почему в одной из ремарок говорится, что Метте выглядывает в окно? Единство действия обеспечивается тем, что весь трагический конфликт строится на проблеме чулок.

Демонстративно снижен социальный уровень героев: Йохан — портной, Мадс и Йеспер — по-видимому, тоже ремесленники, Грете и Метте — явно простолоудинки. Социальная принадлежность персонажей подчеркнута нарочитым выбором для них самых простонародных имен. Правда, Йохан носит звучную фамилию фон Эренпрайс, но она комически контрастирует с его прозаической профессией.

Борьба в душах героев между честью и любовью опять-таки предстает в сниженном виде. Грете уронила бы свою честь, представ перед алтарем с любимым, но лишенным чулок Йоханом. Йохан, в свою очередь, бледнеет при одной мысли о том, чтобы оскорбить честь возлюбленной их отсутствием.

Роковая вина героя, приводящая к трагической развязке и к гибели всех действующих лиц, снижена до уровня мелкого воровства.

Обыгрывается и традиционная для классической трагедии роль наперсников героев. Метте подсказывает неблагоприятный способ разрешения конфликта, на что Грете неосознанно соглашается. Йеспер побуждает Мадса разоблачить счастливого соперника, что приводит к печальным последствиям.

Роль Метте, впрочем, не ограничивается вышесказанным. Она — главный ревнитель соблюдения классических правил и норм. Ее задача состоит в том, чтобы не позволять героям спускаться с котурнов. Метте постоянно напоминает Грете и особенно Йохану, что они — герои и потому должны вести себя соответственно. Когда Грете одолевают, уже перед самым венчанием, недобрые предчувствия, Метте напоминает

---

⁴ *Wessel J. H. Samlede Digte. S. 116.*

ей, что такие предчувствия у нее были уже раньше и одного раза для героини достаточно. Но самый яркий в этом отношении эпизод — это сцена, предшествующая похищению чулок. Услышав предложение Метте обокрасть Мадса, Йохан сперва слишком прозаически говорит, что это чересчур опасно, но тут же соглашается, и Метте произносит поучительную речь: герою не надлежит решаться столь быстро. Он должен сначала в монологе поведать о раздирающих его чувствах, причем голос чести и голос страсти должны попеременно одерживать победу, и лишь после этого свершить преступное деяние. При этом ему следует «кривить рот, извиваться всем телом и вообще вести себя, как безумец»⁵. За недостатком времени Метте соглашается на компромисс: Йохан может произнести в ее присутствии вступительную часть монолога, а остальное договорит по дороге. Позднее Йохан признается Метте, что, когда он добрался до вожделенных чулок, в его монологе как раз торжествовала честь, но они решают, что это не играет существенной роли: ведь через минуту он поддался бы велению любви, а герою не подобает быть слишком щепетильным в отношении времени.

Трагический пафос снижается и за счет внимания, которое уделяется такой прозаической вещи, как еда. Йохан объясняет недобрые предчувствия невесты тем, что она плотно закусила (она признается, что съела пять селедок и немного гороха с салом). Мадс по совету Йеспера, прежде чем выступить с разоблачением, подкрепляет свои силы капустой.

Еда присутствует в сцене коллективного самоубийства. Персонажи по очереди закалываются, поев предварительно того же гороха, и с последними словами передают миску и нож следующей жертве. Даже Меркурий сетует на то, что его послали на землю во время пира, да еще в тот момент, когда на стол подали его любимое блюдо — *boeuf a la mode*, а к его возвращению Марс и Вулкан наверняка все прикончат. Утешается он тем, что доедает оставшийся горох и посягает на одежду самоубийц. Добавим, что само появление Меркурия в качестве «*deus ex machina*» тоже имеет пародийный характер. Юпитер, по словам Меркурия, отправил его на землю с тем, чтобы выяснить, как автор посмел «нарушить старый обычай и порядок» и обойтись без участия богов при разрешении конфликта.

Трагедия написана александрийским стихом, в высокой оценке достоинств которого единодушны все исследователи. Так Могенс Бренстед пишет: «Единственное, что не пародийно, — поэтическая форма;

---

⁵ *Bronsted M., Kristensen S. M. Dansk Litteratur. København, 1982. S. 88.*

александрийский стих диалогов столь элегантен и изящен, что едва ли до или после этого подобное создавалось на датском языке»⁶. В соответствующем разделе четырехтомной «Истории датской литературы» (авторы Густав Альбек и Фредерик Юлиус Биллескоу-Янсен) мы читаем ироническое заключение: «Один из парадоксов датской литературы состоит в том, что лучший образец александрийского стиха на нашем языке написан как пародия на александрийский стих»⁷. Свободно владея сложной стихотворной формой, Вессель добивается яркого комического эффекта, сталкивая в тексте лексику высокопарно-патетического стиля и бытовой разговорной речи. Так, Йохан в своем «героическом» монологе называет Амура «сопливым» и сетует на то, что честь и добродетель «не могут хлебать из одной миски»⁸. Прощальное обращение к Грете, в котором он признает, что оскорбил ее честь и потому должен умереть, он завершает легкомысленным «адье». Мадс, готовясь поразить себя ножом, советует Йесперу отойти в сторону, чтобы кровь не попортила любимый коломанковый жилет друга.

Объектом пародии стала у Весселя не только классическая трагедия. К этому времени приобрели популярность итальянская опера и зингшпили, и их Вессель также не обошел вниманием. В особенно волнующие моменты действия герои выражают свои переживания в «ариях», нарочито простая ритмика которых, близкая к куплетам, контрастирует со строгостью александрийского стиха. Содержание «арий» в основном имеет сниженно-бытовой характер. Так, Грете сравнивает свое отношение к вынужденному браку с нелюбимым Мадсом с положением человека, которому вместо лакомого карпа приходится довольствоваться вяленой селедкой. Мадс уподобляет борение своих чувств метанию мух, попавших в бутылку. Дуэт Мадса и Йеспера состоит в перечислении предметов, хранящихся в сундуке: иголка без ушка, пять пуговиц, кусок пластыря и т. д. Сами герои подчас иронически относятся к «ариям»: Грете, выслушав пение подруги, выражает радость по поводу того, что она наконец замолкла, а Метте признается, что лишь хотела выиграть время.

По всей видимости, Вессель первоначально написал свою трагедию только для развлечения товарищей по норвежскому кружку, и воспринята она была как остроумная шутка. Во всяком случае, известно, что ее появление не испортило дружеских отношений автора с Брюном,

⁶ *Dansk Litteraturhistorie*. København, 1964. Bd. I. S. 501.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Norrild Sv. Dansk Litteratur*. København, 1949. Bd. I. S. 133.

с которым они жили в одном доме. Вскоре была осуществлена первая постановка пьесы в частном доме силами студентов. Есть предположение, что эпилог был написан для этой постановки, так как отсутствие занавеса не давало почившим героям достойно покинуть сцену.

Написанная в марте–апреле 1772 г., уже в сентябре пьеса была анонимно напечатана, как свидетельствуют исследователи, по настоянию друзей Весселя. «Любовь без чулок» была сразу же оценена современниками: так, известный литературный критик того времени Якоб Баден признал ее достойной сравнения с комедиями Хольберга⁹.

26 марта 1773 г. состоялась премьера трагедии на сцене Королевского театра, уже с указанием имени автора. Пьеса имела шумный успех и, в течение долгого времени ее представления чередовались с представлениями трагедий Вольтера и Бюна. Таким образом, как пишет Свен Норрильд, «публика один вечер лила слезы над трагедией, а на следующий смеялась на комедии»¹⁰. Пародийный характер пьесы был удачно подчеркнут костюмами: по ходу действия героини переодевались во все более элегантные туалеты, подобные тем, в которые обычно были облачены персонажи классических трагедий.

Музыку к спектаклю создал итальянский композитор Паоло Скалабрини, в те годы капельмейстер Королевского театра. Примечательно, что в оценке его роли мнения исследователей расходятся. Так, Альбек и Биллескоу-Янсен утверждают, что композитор сознательно следовал замыслу драматурга: «В мелодиях слышно, что он понимал образный язык арий и уловил их сниженно-комический характер. Если же он не использует преувеличенно пародийных средств в своих мелодиях, то поступает так — следуя инстинкту художника — подобно Весселю, стихи которого безупречны»¹¹. Свен Норрильд придерживается иной точки зрения: «Паоло Скалабрини, который, согласно старой традиции, не знал датского языка, но получил немецкий перевод арий, написал прелестную и изящную музыку, следуя лучшим итальянским образцам... что еще более подчеркивало пародийный эффект арий»¹².

Некоторые исследователи полагают, что при создании своей трагедии Вессель опирался на опыт иностранных предшественников; при этом называются пьеса Джоджа Бэкингема «Репетиция» (1671) и «Опе-

---

⁹ Ibid. S. 501.

¹⁰ *Norrild Sv. Op. cit.* S. 133.

¹¹ Ibid. S. 130; *Винкель Горн, Фр.* История скандинавской литературы. М., 1894. С. 159.

¹² *Norrild Sv. Op. cit.*

ра нищих» Джона Гея (1728)¹³. Вполне возможно, что Вессель был знаком с этими произведениями — он серьезно занимался изучением европейской литературы. Однако для Дании «Любовь без чулок» — явление уникальное. В отличие от пародийной трагедии Хольберга, произведение Весселя благодаря своей легкости, юмору и ясности языка надолго пережило своего автора. Датский театр постоянно возвращается к постановкам этой пьесы: известно, что она с успехом шла в 1940-х гг., а в середине 1970-х гг. ставилась в Королевском театре при участии лучших актеров труппы.

Получила «Любовь без чулок» и некоторую известность за пределами страны: в 1827 г. она была переведена на немецкий, а в 1838 г. — на французский язык.

Литературное наследие Весселя невелико по объему. Ему принадлежит несколько не слишком удачных комедий в манере Хольберга, около сорока «Комических рассказов» в стихах, несколько десятков преимущественно юмористических стихотворений. Однако благодаря своей пародийной трагедии он прочно занимает почетное место в истории датской литературы и национального театра.

I. P. Kuprijanova

J. H. WESSELS TRAGEDIE «KÆRLIGHED UDEN STRØMPER»

Artiklen handler om det parodiske sørgespil, skrevet af Johan Herman Wessel i 1772. Det primære sigte for parodien har været den danske epigondramatik, der var gået i den heroiske fransk-klassicistiske tragedies fodspor.

Forfatteren har konsekvent overholdt den patetiske tragedies formelle krav, mens hele det heltemæssige apparat er trukket ned i et ganske jævnt og prosaisk miljø. Parodiens komik er yderligere tilspidset derved, at skuespillet er skrevet i formfuldendte aleksandrinerne.

---

¹³ *Norrild Sv.* Op. cit.

П. А. Лисовская

«ПАРИЖСКИЕ» РОМАНЫ
АВГУСТА СТРИНДБЕРГА И ГЕНРИ МИЛЛЕРА

Шведа Августа Стриндберга и американца Генри Миллера разделяют добрых четыре десятилетия, но объединяет их Париж, в котором каждый оказывается в критический период своей жизни. Во-первых, этот город, неоспоримая столица европейской культуры двух прошедших веков, сыграл огромную роль в становлении обоих писателей: именно Париж сделал их писателями с мировыми именами. Во-вторых, представляется, что есть основания считать, что Генри Миллер рождением своей лучшей книги («Тропик Рака», 1934), в том числе обязан и мрачному шведу Августу Стриндбергу, бродившему по Монпарнасу за 40 лет до него самого. При всей несхожести литературных темпераментов двух писателей, кажется бесспорным, что знакомство с «парижской книгой» Стриндберга «Inferno» (1897), оказало важное влияние на творчество Г. Миллера.

Оба писателя, как и многие другие, приезжают в Париж для того, чтобы этот город «завоевать». В 1895 г. Стриндбергу 46 лет, за плечами у него полтора неудавшихся брака (он навсегда расстанется и со второй женой), покинутые дети от обеих жен, 20 лет творчества с переменным успехом и полускандалная «слава» женоненавистника. В 1930 г. в Париж из Нью-Йорка приезжает сорокалетний Генри Миллер, в багаже которого наброски к неудачному роману «Бешеный петух», опыт самой разнообразной работы (от мойщика посуды до помощника редактора) в родном городе, оставленные в Бруклине первая жена и дочь, и страсть к нынешней жене, Джун, танцовщице из Гринвич Вилледж — божественного нью-йоркского квартала. Миллер называет Париж «эстрадой, вертящейся сценой». Однако «Париж не пишет и не создает драм. Они начинаются в

других местах»¹, — пишет он в начале романа «Тропик Рака». И это в высшей степени справедливо для обоих писателей. Уже здесь, касаясь драматических перипетий личной жизни обоих авторов, можно говорить о любопытных параллелях. По словам одного из исследователей, бурный, с садомазохистской окраской любовный роман Миллера с Джун (в романе — Моной) «определяли Достоевский, Стриндберг и Гамсун»². Для подтверждения справедливости этого утверждения по отношению к Стриндбергу стоит обратиться к тексту «Тропика Рака»: «Мне кажется, сейчас я понимаю лучше, почему Мона получила от Стриндберга такое огромное удовольствие. Помню, как она смеялась до слез после какого-нибудь восхитительного пассажа, а потом говорила: “Ты такой же ненормальный, как он... ты хочешь, чтобы тебя мучили!” (...). В те дни, когда мы только познакомились, воображение Моны было занято Стриндбергом. Этот сумасшедший карнавал, на котором он веселился, эта постоянная борьба полов, эта паучья свирепость... все это свело нас с Моной. Мы начали вместе *пляску смерти*...» (с. 221 — курсив мой. — П. Л.).

Следует напомнить, что творчество Августа Стриндберга принято разделять на два периода: так называемые период «до Инферно» и период «после Инферно». Сам же «период Инферно» и в без того полной загадок и эпатажа жизни Стриндберга представляет собой, как принято считать, психологический, творческий, возможно, психиатрический кризис, имевший место в 1895–1896 гг. Атрибуты «Инферно» — это алхимия, мания преследования, видения, галлюцинации и Эммануэль Сведенборг, шведский философ-мистик XVII в. Место действия — Париж. Итог кризиса «Инферно» — одноименный роман, написанный в 1897 г., и серьезные изменения творческого и религиозно-философского мировоззрения автора.

Роман «Инферно» Стриндберг написал по-французски. Это не единственное его произведение, созданное на этом языке. В 1895 г. во Франции в своем исходном варианте выходит в свет более известный роман «Слово безумца в свою защиту», который также лишь условно можно назвать автобиографическим. Он был полностью переведен на шведский язык со случайно найденного в Осло полноценного французского оригинала лишь в 70-е гг. XIX в. Стриндберг упоминает «Инферно» и ряд других своих произведений меньшего объема, в основном эссе, написанные по-французски. Нет сомнения в том, какую важную роль

¹ Миллер, Генри. Тропик Рака. Ростов-н/Д., 2000. С. 40. — Далее ссылки на это издание делаются в тексте.

² Ferguson, Robert. Henry Miller: A Life. N. Y.; L., 1991. P. 83.

для него играет признание его как мастера парижской публикой: тот, кого признал Париж, получает и всемирное признание. Недаром он несколько раз акцентирует внимание на некой своей пьесе, которая с успехом прошла на парижской сцене. Речь идет, конечно, об успешной премьере драмы «Отец» (1886) в Театр Дель Эвр в декабре 1894 г.

Персонаж стриндберговского романа по имени Август Стриндберг, о чьем опыте душевного расстройтва, саморефлексии, бесконечного блуждания по парижским улицам в поисках символов и смыслов мы читаем в «Инферно», несомненно, не идентичен писателю Стриндбергу, создающему текст. Точно так же, как и Генри Вэл Миллер, от лица которого разворачивается повествование в романе «Тропик Рака», далеко не тождествен писателю Г. Миллеру, пишущему этот роман. В обоих романах, которые можно причислить к разряду автобиографических, тонкая грань между действительными событиями и литературным вымыслом или, скорее, литературной обработкой действительных событий, между правдой и ложью бесконечно тонка. По словам одного из исследователей, в процессе создания «Тропика Рака» и в ходе жизни в Париже в начале 1930-х гг. «Генри Миллер превращался в “Генри Миллера”, и процесс “библиоморфозы” (bibliomorphosis), в который он был вовлечен, подходил к своему успешному завершению»³.

Оба романа скандальны. Видимо, нет нужды напоминать, сколько цензурных запретов выпало на долю «Тропика Рака» по всему миру. Роман запрещают продавать даже в Норвегии, что, кстати, совпадает с процессом по обвинению в порнографии норвежского писателя Агнара Мюкле в связи с его романом «Песнь о красном рубине». Что же касается стриндберговского «Инферно», то этот роман произвел настоящий фурор, в первую очередь в Швеции. Оценить роман объективно не удалось ни современникам, ни потомкам. Исследователи и читатели до сих пор не нашли ответа, является ли роман бредом сумасшедшего, искусной театральной инсценировкой или историей болезни в блестящей литературной обработке. В частности, Улоф Лагеркранц, чья биография Стриндберга является одной из лучших монографий о писателе, выдвинул и постарался обосновать предположение о том, что «Инферно» — «книга совершенно не годная в качестве основы для того, чтобы получить представление о жизни Стриндберга в тот (парижский. — П. Л.) период. Точно так же, как в «Речи безумца в свою защиту» детали настоящие, а целое — ложное»⁴.

³ Ferguson, Robert. Op. cit. P. 190.

⁴ Lagerkrantz, Olof. August Strindberg. Stockholm, 1980. S. 315.

Интересно, что и биографы Миллера, в частности его парижский друг Альфред Перле (книга «Мой друг Генри Миллер»), выведенный в «Тропике» под именем Карла, сходятся на том, что при всей полноте хронологии и избытке совпадающих деталей роман далеко не является слепком с парижского периода жизни его автора. Перле говорит в своей книге: «Миллер пишет не потому, что не может жить полноценной жизнью, а потому, что писательство заставляет его жить еще более экстенсивно. В его случае жизнь и работа переплетены и нерасторжимы...»⁵ Удивительно, насколько это близко стриндберговскому стремлению использовать все: близких людей, их судьбы, собственную душу и переживания для своих литературных экспериментов в качестве материала, который можно и нужно перекраивать, безжалостно обнажать ради достижения литературной вершины, создания романа или драмы. И тот же Перле утверждает: «Миллер не мог без людей, но причиной его тяги к общению была отнюдь не потребность в друзьях — люди были нужны ему “для пользы дела”... Он рассматривал их как материал, сырье для книг, которые пока только мечтал написать»⁶.

Очевидно, что своим рождением «Тропик Рака» обязан таким великим предшественникам, как Гамсун (мотив постоянного голода главного персонажа), Рабле (жизнеутверждающее изображение плотских отклонений человека, откровенный, на грани грубости, язык описаний), Достоевскому (мотив роковой женщины), а также Рильке, Бюнюэлю и даже Льюису Кэрроллу⁷. Однако решающими были литературные импульсы, полученные от Селина и Стриндберга, и именно последний, согласно Миллеру, «научил его писать о Париже»⁸.

Приехав в Париж в 1894 г. в четвертый раз, Стриндберг как бы принимает на себя роль паломника-пилигрима. Вольный перевод его строк: «Уж в сотый раз завязал я свою котомку и отправился в путь, чтобы найти работу в этом большом городе. Париж — это рынок и мастерская, где борются друг с другом множество великих умов»⁹. Миллер формулирует цель своего приезда несколько иначе: по его мнению, в Америке он не может состояться, и только Париж даст ему необходимый творческий импульс. Приведем высказывание об этом его друга Альфреда Перле: «Только в Париже художник может оставаться худож-

⁵ Перле, Альфред. Мой друг Генри Миллер. СПб, 1999. С. 27.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ Њi: Ferguson, Robert. Op. cit. P. 230.

⁸ Olsson, Berndt; Algulin, Ingemar. Litteraturens historia i världen. Stockholm, 1999. S. 539–540.

⁹ Lagerkrantz, Olof. Op. cit. S. 309.

ником, не теряя чувства собственного достоинства. Значит, надо обосноваться в Париже, выучить французский и стать французом»¹⁰. Хотя и сформулированные по-разному, цели обоих писателей заключаются именно в творческой самореализации. И если Миллер начинает все практически с нуля, то у Стриндберга уже есть и некоторые связи, и наработки. Он начинает прежде всего с краткой прозы и газетных статей. Одним из лучших произведений этого периода является эссе «Рассеянные впечатления», в котором Стриндберг описывает целую массу своих ощущений и странных ассоциаций, возникающих у него во время прогулок по Парижу и Версалю. Например, в версальском парке ему мерещится, что в стене, обвитой плющом, он видит перед собой некое огромное слуховое отверстие, через которое можно слышать разные голоса (по легенде, такое приспособление было у Людовика XIV, чтобы подслушивать, что происходит во дворце), в том числе и голоса прошлого. Здесь же он сравнивает Париж с раскинувшимся в пустыне лагерем, в котором сотни тысяч паломников зажигают огни, чтобы приветствовать восход солнца. В другой статье «Вздыхающие камни» Стриндберг представляет Париж в качестве нового Рима, «Вечного города», где есть амфитеатр с катакомбами, это огромная сцена, на которой вечно разыгрывается некая мученическая драма (ср. у Миллера: «Вечный город, Париж! Более вечный, чем Рим, более великолепный, чем Ниневия! Пуп земли, к которому приползаешь на карачках, как слепой слабоумный идиот» — с. 22). И как это всегда происходит со Стриндбергом, он как бы готовит и читателя, и себя к тому, что скоро главным действующим лицом этой драмы будет он сам. Действительно, «Инферно» неуклонно приближается. В середине 50-х гг. XIX в. в повести об Артюре Рембо «Время убийц» Генри Миллер напишет такую фразу: «С 1893 по 1897 год Стриндберг переживает *crise*, по выражению французов, который он мастерски, со всеми медицинскими подробностями описывает в “Аде”. Перекликается с Рембо и название другой его работы: “Ключи от Рая”»¹¹.

Особенностью таланта Стриндберга является его необыкновенная наблюдательность, внимание к деталям и великолепное мастерство, с которым он перерабатывает свои наблюдения в образы и символы, наполняющие его тексты. Роман «Инферно» — наиболее характерный пример такой работы. Его творческое воображение оживляет парижские улочки, окна и стены домов, крыши дешевых гостиниц, печные

---

¹⁰ Перле, Альфред. Указ. соч. С. 29.

¹¹ Миллер, Генри. *Время убийц*: Повести. М., 2000. С. 291–292.

трубы, самые темные закутки трущоб, детали архитектуры, даже отдельные буквы в вывесках и на витринах, а также увиденные им на мостовой никчемные предметы вроде шпильки и клочка бумаги. Все имеет свой мистический смысл и призвано формировать некую тайную картину бытия. В романе главный герой постоянно ищет подтверждения своим догадкам о роли Провидения в своей жизни, оправдания каждого своего шага и поступка «силами», коими, как он считает, он ведом. Один из наиболее ярких примеров — эпизод, когда герой, раздумывая над результатами химических опытов и последствиями своего отхода от общества, бредет по Рю де ла Гран Шомье и, дойдя до пересечения с Рю де Флерю, внезапно видит на витрине две буквы. «Воистину! Это не видение, а явь. На стекле витрины я вижу инициалы моего имени: А. и S. парят на серебристом облачке, над которым стоит радуга. Open assirio и тут я вспоминаю отрывок из Книги Бытия»¹². И герой романа утверждает в своей уверенности, что находится на верном пути и ведом невидимой рукой: ведь радуга — символ связи между Богом и землей. Другой пример — более земного свойства. Во время прогулок герой любит разглядывать купола церквей и соборов, в частности собора Сакре Кёр, купол Дома Инвалидов с позолоченным крестом, и особенно его привлекает флюгер в виде петуха над крестом собора Нотр-Дам де Шамп. В какой-то момент у героя появляется предчувствие, что скоро он должен покинуть Париж. Впоследствии ему предстоит поездка в Австрию, туда, где находится его маленькая дочь. Он находит следующие подтверждения своим предчувствиям: «Петух на кресте шпиля Нотр-Дам де Шамп, как мне показалось, махал крыльями, как будто хотел улететь в сторону севера» (62). Наконец, самый яркий пример такого поиска символических соответствий — эпизод с гостиницей на Рю де Ассаз, в которой 21 февраля 1896 г. селится альтер эго в романе и его автор в реальной жизни. Во время одной из регулярных прогулок героя по кладбищу Монпарнас он набрел на могильный памятник с надписью «Орфила, токсиколог, химик». Действительно, блаженный епископ Орфила был известен своими занятиями химией, а герой в этот момент уже получает возможность проводить опыты в химической лаборатории Сорбонны. Естественно, в этой случайной «встрече» двух «химиков» героем и автором усматривается отнюдь не случайная связь. И далее происходит совсем удивительное: неделю спустя герой, проходя по Рю де Ассаз, как вкопанный останавливается пе-

---

¹² *Strindberg, August. Inferno. Trondhjem, 1999. S. 19.* — Далее ссылки на это издание даются в тексте.

ред зданием, по его впечатлению «похожим на монастырь», на вывеске значится «гостиница “Орфила”». В одной из последующих глав мы встречаем описание тех впечатлений, которые этот ничем особо не выдающийся пансион производит на нашего героя: «Какая-то мистическая атмосфера витает в этом здании, которое уже давно притягивало меня» (34). Он фантазирует на монастырскую тему, ему видятся и монастырский двор, и часовня, и, конечно же, шпиль его любимой Нотр-Дам де Шамп. Герой ощущает себя как послушник в келье, однако вскоре монашеская идиллия будет разрушена. Именно в этой комнате пансионата «Орфила» с ним начнут происходить все те странные и патологические метаморфозы, которые могли быть как параноидальным бредом, галлюцинациями, вызванными обильным употреблением абсента, так и искусной литературной мистификацией талантливого драматурга — мифологизатора собственной биографии Августа Стринберга.

Через несколько десятилетий на страницах «Тропика Рака» появляются строки: «...ни с того ни с сего мне вдруг вспомнилось, как однажды я заинтересовался мемориальной доской на пансионе “Орфила”, которую видел чуть ли не ежедневно, и, поддавшись внезапному импульсу, зашел туда и попросил показать мне комнату, где жил Стриндберг. В то время еще ничего ужасного со мной не случилось, хотя я уже знал, что значит быть бездомным и голодным...» (с. 220). Далее альтер эго Генри Миллера, сопоставив увиденное со своими драматическими переживаниями, делает оптимистичный вывод: «Выходя на улицу, я чувствовал, как мой рот кривит ироническая улыбка, точно я говорю самому себе: «О нет, ты не готов еще для пансиона “Орфила!”» (с. 223). Кстати, именно с описаний некоторых парижских гостиниц Миллер начинает журналистскую и писательскую карьеру в Париже. Под псевдонимом он публикует в «Чикаго Трибюн» очерк «Отель «Надежда», который Альфред Перле полностью приводит в своих воспоминаниях. В нем Миллер блестяще иронизирует над названием отеля и с мастерской наблюдательностью создает образ типичного грязного маленького отеля того времени, именно такого, в каких жила и сам. Бесконечными зарисовками парижских гостиниц наполнена и его «парижская книга» «Тропик Рака». Например: «...на другой стороне улицы вы видите жалкую лачугу, напоминающую могилу, а над ней надпись: «Отель “Заячье кладбище”». Это заставляет вас смеяться тоже до слез. Вы замечаете, что повсюду кладбища для всех — для зайцев, собак, вшей, императоров, министров, маклеров, конокрадов. И почти на каждой улице “Отель де л’Авенир” — “гостиница будущего”, — что приводит вас в еще более веселое настроение. Сколько гостиниц для будущего! И ни одной для прошлого...» (с. 223).

На страницах «Инферно» Стриндберг описывает Париж таким, каким он видится сквозь призму его воображения, таким, каким он нужен ему для создания особой сумрачной и таинственной атмосферы, в которой периодически вспыхивают огненные язычки страсти и безумия. Язык романа, однако, вполне соотносим по страстности и выразительной силе с языком, например, «Слова безумца в свою защиту» и «Черных знамен». Неистовость языка — одна из явных точек соприкосновения Генри Миллера со шведским писателем.

Итак, герои обоих авторов чувствуют себя в Париже почти как дома, не ощущают себя изгоями. Конечно, это специфическое чувство причастности к жизни мегаполиса. Оба живут в районе Монпарнаса, на левом берегу Сены. Ведь они, как бы там ни было, представители творческой богемы. Латинский квартал и Сорбонна — неотъемлемая часть и плацдарм «научной» деятельности для героя Стриндберга. В «Инферно» есть даже такие строки: «Другая сторона реки для нас, жителей Монпарнаса, — иной мир. Почти год прошел со времени моего последнего посещения ее, и я не хожу далее банка Креди Лионнез или Кафе “Регенство”. На Итальянском бульваре меня охватывает тоска по дому, и я спешу обратно к реке, где я приободряюсь при виде улицы Де Сен-Пьер» (60).

В. Е. Балахонов отмечает: «Замечательнейшую главу истории Парижа в литературе могли бы составить парижские кафе, рестораны, бистро»¹³. Если и Стриндберг, и Миллер избегают употреблять в своих парижских романах настоящие имена своих современников, то названия кафе и бистро, которые являются неотъемлемой частью повседневной жизни их героев, приводятся подлинными. В романе Стриндберга чаще всего упоминаются два заведения, посещаемые героем, — это «Клозри де Ли́ла» и закусочная Мадам Шарлотты. Первое, бар на Монпарнасе, было на рубеже веков популярнейшим заведением, где сживали за стаканчиком абсента известные представители культуры fin-de-siecle. Сюда приходит пить абсент и Стриндберг, он подчеркивает в романе, что является постоянным посетителем: «Мой милый уголок в “Ли́ла” пуст; я доволен, просто счастлив под моим каштаном у статуи маршала. Абсент подан и должным образом разведен водой, сигарета зажжена, “Ле Тамп” раскрыта...» (56). Что касается закусочной Мадам Шарлотты, то это место выполняет две функции, во-первых, здесь и автор, и его герой имеют обыкновение есть, во-вторых, здесь часто собираются пред-

---

¹³ Балахонов В. Е. «Разрежьте сердце мне — найдете в нем Париж» // Париж, изменчивый и вечный: Сб. произведений. Л., 1990. С. 33.

ставители скандинавской культурной элиты, живущие в Париже. Эта скандинавская «диаспора», как мы увидим ниже, играет интересную роль в жизни писателя и изображена в романе с сильным субъективно-критическим оттенком.

В «Тропике Рака» упоминается по меньшей мере дюжина названий различных парижских заведений. Герой курсирует из одного в другое, посещения кафе и бистро — одна из важнейших составляющих сюжетной ткани романа. Чаще всего упоминаются кафе «Ле Дом» и кафе «Ле Куполь». Оба эти заведения играли заметную роль в культурной жизни Парижа, особенно в 40–50-е гг. прошлого столетия, и их даже называли «экзистенциалистскими»¹⁴. Уже на первых страницах герой безапелляционно заявляет: «Жратва — вот единственное, что доставляет мне ни с чем не сравнимое удовольствие» (с. 10). Однако это можно расценить как некую браваду, эпатаж. Действительно, роман строится так, что героя, кажется, гонит по парижским улицам исключительно стремление утолить физический голод (вот она, постоянная аллюзия к одноименному роману Гамсуна). Но постепенно начинаешь понимать, что голод — своего рода маскировка другой потребности, жадно требующей постоянного удовлетворения. Это жажда новых впечатлений, встреч, наблюдений, поиск самых разнообразных деталей и подробностей жизни людей в «столице мира». Миллеру интересно все: от сокровищ Лувра и судеб русских иммигрантов до устройства общественных туалетов, не говоря уже о том, что творится в душе самой дешевой парижской проститутки. Пример, связанный с одним из посещений героем того же кафе «Ле Дом»: сначала речь идет о том, как глупо, на первый взгляд, потратить все, что у тебя есть, на шикарный обед, затем следует длинный рассказ о встрече в «Ле Дом» с неким Марлоу, американским журналистом-пропойцей, в подробностях описываются его привычки, слабые и сильные стороны его натуры. На самом деле именно этот Марлоу, а не обед, интересен герою: оказывается, что тот прекрасный специалист по старофранцузскому языку и великолепно переводит сюрреалистов.

Помимо интереса к шпилю собора Нотр-Дам де Шамп герой Стриндберга склонен рассматривать город как бы сверху вниз. Его привлекает купол собора Сакре Кер, на закате ему видятся очертания фигур Наполеона и его маршалов на куполе собора Инвалидов, хотя в действительности император родился через шестьдесят лет после постройки этого здания. Из окна своей «кельи» в пансионе «Орфила» он рассмат-

---

¹⁴ Там же.

ривает крыши домов и окна мансард; в романе периодически появляются упоминания о звоне колоколов той или иной церкви, сопровождающем какое-то событие или мысль героя, чем как бы подчеркивается связь земного с небесным, вполне в духе теории соответствий Сведенборга, которая красной нитью проходит через «Инферно». Так, в конце главы «Чистилище» герой видит из окна, что над крышами его Рю де Ассаз струится Млечный путь, а над соседней Рю де Мадам горит Полярная звезда. При этом не следует забывать и о том, что роман Стриндберга в основе своей — аллюзия к дантевскому «Аду»: герой в середине жизненного пути оказывается в некоем таинственном месте (Париж предстает сначала как дантевский лес, затем как ад с его кругами) и начинает познавать структуру бытия.

Как бы спускаясь на землю, герой «Инферно» ощущает ее в двух ипостасях: как потерянный рай, с одной стороны, и, несомненно, как обретенный ад, населенный людьми. Ибо, как известно, писатель считал, что преисподняя находится на земле, и смертный человек фактически живет в аду.

Львиная доля парижских странствий стриндберговского героя проходит по кладбищу Монпарнас, где он в итоге находит латинскую эпитафию для собственного надгробия: «O spix ave spes unica!» («О, крест, лишь на тебя уповаю!»). Нет нужды повторять, что и это воспринимается им как путеводный знак. «Навестив» мертвых, герой обычно отправляется в Люксембургский сад, чтобы «навестить свои цветочки». Третий излюбленный тихий уголок — это Ботанический сад (Jardin de Plantes): «И чудо Парижа, неизвестное парижанам, Jardin de Plantes, стал моим собственным парком. Творение целиком, собранное за одной изгородью, Ноев ковчег, вновь обретенный рай, где я праздно брожу и не знаю страха среди диких зверей: это слишком большое счастье» (75). Отправляясь в Австрию, герой трогательно прощается с питомцами зверинца, мысленно обращаясь к каждому по отдельности: к грифу, бизону, бегемоту и т. д.

Бродя по кругам своего парижского «ада», герой из мира цветов и животных периодически попадает в мир людей. Париж людей у Стриндберга полон зловещих встреч, страхов и подозрений. Он грязен и враждебен. Лето в Париже для героя «Инферно» — это жара и невыносимая вонь из общественных уборных. Здесь нельзя не вспомнить для сравнения пассаж из «Тропика Рака», в котором Миллер так весело и остроумно расписывает особенности парижских уборных. Но Стриндберг, в отличие от Миллера, не раблезианец; Миллера же и его героя мало интересуют цветы, камни и животные. Предмет их живого интереса —

прежде всего люди. Особенно интересно в этой связи сравнить изображение двумя авторами такой неотъемлемой стороны парижской жизни, как проституция. У Стриндберга жрицы любви носят название либо «уличных нимф», либо «кокоток». Миллер в «Тропике Рака» говорит о «проститутках» либо «шлюхах», причем многие из попавших в поле зрения автора жриц любви индивидуализированы, у них есть биографии, имена и т. д. Да и в целом отношение к ним у героя как минимум добродушное; женщины, предлагающие себя у общественной уборной — квинтэссенция жизни и подчас предмет эстетического интереса, как, например, в пассаже о Париже Матисса: «Я выхожу на бульвар Мадлен, где проститутки проходят мимо меня, шурша юбками, и острейшее ощущение жизни захватывает меня... Нет, на бульваре Мадлен трудно найти красивую женщину. Но у Матисса в магическом прикосновении его кисти сосредоточен мир, в котором одно лишь присутствие женщины моментально кристаллизует все самые потаенные желания» (с. 203). Как у Мопассана, в Париже «Тропика Рака», с одной стороны, женщина и секс над всем властвуют, доминируют в сознании не только главного героя, но и многих других персонажей, с другой стороны, объективно и реалистично показывается, как женщина является игрушкой, объектом продажи.

Сравним со Стриндбергом (его герой пришел пообедать в открытый ресторанчик на Монпарнасе): «Кокотки, ютящиеся здесь и там на верхних этажах, пооткрывали окна и осыпают нас градом непристойностей; няньки выходят с ведрами и выливают нечистоты в мусорный бак. Это сам ад!» (64). Характер риторики Стриндберга в отношении проститутки и всего, что с ними связано, неизменно нравоучительный и осуждающий, в его словах — страх и омерзение, весьма, кстати, типичные для культуры рубежа веков. В одном из эпизодов герой идет по улице с дамой: «Вдобавок ко всему нам пришлось проследовать по Рю де Гайет, где кокотки и их подручные мужского пола осыпали нас пощечинами оскорбительных ругательств, принимая нас за парочку себе подобных падших» (22).

Таким образом, Генри Миллер если и не считает себя своим в мире продажной любви, то, во всяком случае, не противопоставляет себя ему, он словно хочет сказать, что проститутка ничем не хуже любого буржуа или талантливой представительницы богемы. Он не судит людей с точки зрения общепринятой морали. Стриндберг же постоянно противопоставляет себя миру обитателей бульваров, да и не только ему. Окружающий мир людей он изображает в целом как чужой и враждебный по отношению к герою. Его альтер эго в романе — пария, изгой, хотя

порой и смотрящий сверху вниз на окружающих. К тому же он — носитель эзотерического знания, «поэт-химик».

Еще одним интересным сопоставлением может быть сравнительный анализ того, как два писателя отображают ощущения героя от общения с наводняющими Париж иностранцами и соотечественниками-экспатриантами. Как известно, в романе «Инферно» ключевым моментом, стимулирующим душевный кризис персонажа, является параноидальный страх преследования. В реальной жизни этот страх был связан с польским поэтом Станиславом Пшибышевским; в книге автор один раз называет его Шмулаховским, а во всех остальных случаях — Поповским. Хотя мнимый преследователь и является поляком, однако периодически речь в романе идет о каких-то русских, которые, как мерещится герою, участвуют в некоем заговоре против него. Наконец, и сам Поповский один раз назван русским, в тот момент, когда герой узнает, что его выпустили из тюрьмы. Два других примера контактов героя «Инферно» с иностранцами — его знакомство с неким художником-американцем и кратковременный флирт с английской женщиной-скульптором. В обоих случаях эти люди вызывают любопытство героя, смешанное с львиной долей подозрения и недоверия, при этом ни художник, ни женщина-скульптор не имеют собственных имен, являя собой отчасти фантомы в воображении персонажа.

Совсем иной характер имеют многочисленные контакты с иностранцами героя романа Генри Миллера. По словам биографа писателя Альфреда Перле, Миллер «...делит ночлег и пищу с иностранцами, с русскими, болгарами (<...> он все равно продолжает смеяться. И распевать русские песни с русскими, а болгарские — с болгарами»¹⁵. Действительно, к числу наиболее ярких эпизодов «Тропика Рака» относится рассказ об обеде у русского эмигранта Сержа, блестящая, искрящаяся юмором этнографическая зарисовка, и, несомненно, глава, где повествуется о жизни героя у индуса Нанантати (Mister Nonentity). Удивительным жизнеутверждающим моментом является то, что, фактически находясь в рабстве у неприятного во всех отношениях существа, герой рассказывает об этой поре своей жизни без ненависти и жесткого презрения к Нанантати, не говоря уже о какой-то ксенофобии или расизме. Париж для Генри Миллера, как уже отмечалось, это, в первую очередь, люди, его населяющие, многие из которых дают ему кто кров и горячий обед, кто дружеское слово, кто случайную любовь. Он с благодарностью и почти детской жадностью своего без-

¹⁵ Перле, Альфред. Указ. соч. С. 110–111.

удержного любопытства принимает эти — когда скромные, когда, несомненно, щедрые — дары.

И, наконец, мотив нищенства главного героя в романах «Инферно» и «Тропик Рака». Сразу же следует отметить, что, если руководствоваться реальными денежными доходами, парижская жизнь Стриндберга отнюдь не была нищенской в отличие от длительных периодов нищеты Генри Миллера. Однако оба автора обыгрывают этот аспект существования своих романых альтер эго достаточно любопытным образом, и нас интересует прежде всего этот литературный аспект.

Для Стриндберга изображение своего героя нищим — это одна из литературных и жизненных ролей, масок, которые писатель периодически меняет. Улоф Лагеркранц отмечает: «На рубеже 1894–1895 гг. мотив нищенства начинает все более отчетливо просматриваться в переписке Стриндберга, и он чаще, чем когда-либо ранее, изображает себя в качестве убогого и гонимого»¹⁶. Тема нищенства достигнет своего апогея в драме «Путь в Дамаск» (1899–1901), когда главный герой, Неизвестный, встретит нищего и внезапно поймет, что видит своего двойника. Нет ничего удивительного в том, что в парижском «аду» главный герой романа ощущает себя нищим и гонимым, — так легче всего противопоставлять себя обществу окружающих людей. К тому же любимым библейским персонажем Стриндберга изначально был Иов, потерявший все и получивший в итоге многократное воздаяние. Кроме того, мотив нищенства прекрасно соотносится с мотивом монашества, на который уже указывалось ранее. «Монах нищенствующего ордена», «поэт-химик (алхимик)», носитель эзотерического знания и даже новый Фауст — вот неполный список ролей, примеряемых героем по замыслу автора.

Тем не менее эзотерический Август Стриндберг в романе «Инферно» продолжает встречаться с друзьями, бывает на людях, посещает кафе и бистро. В романе есть целый ряд эпизодов, где акцентируется тема нищенства. Так, неоднократно идет речь о том, что герою не на что заказать очередную порцию кофе или абсента. В частности, в эпизоде с посещением кафе в обществе англичанки ему нечем расплатиться, и он терпит невыразимые муки из-за этого. Как-то раз герой сидит в одном из своих любимых кафе, и француз, сидящий за соседним столиком, в какой-то момент кладет к нему на стол мелкую монету. Герой «Инферно» испытывает сильный стресс, так как ему кажется, что его принимают за нищего и подают милостыню, в действительности же

---

¹⁶ Lagerkrantz, Olof. Op. cit. S. 318.

незнакомый мужчина из вежливости поднял монетку, которую герой романа обронил. И наконец, намеками рассказанная в романе и ставшая хрестоматийной история о том, как представители скандинавской диаспоры собрали по инициативе Кнута Гамсуна деньги для, как они считали, бедствующего Стриндберга, так как тот не скрывал, что находится в состоянии кризиса. Писателя, как и его героя, возмутила эта попытка сделать из него нищего, ибо не о деньгах была его печаль, и вот письмо из двух строк от Стриндберга к Гамсуну от 6 апреля 1895 г.: «Оставьте себе эти тридцать сребреников, и мы с Вами в расчете на всю оставшуюся жизнь»¹⁷.

Диаметрально противоположное отношение героя к собственному нищенству, порой даже откровенному попрошайничеству изображает в своем романе Генри Миллер. Его герой лишь в Париже начинает чувствовать себя гражданином мира, поэтому он в любой ситуации не должен испытывать дискомфорт, даже когда у него в кармане лишь пара франков. Если у героя Миллера появляются какие-то деньги, они у него не задерживаются. В романе постоянно подчеркивается, что ни деньги, ни оплачиваемая работа не имеют для него какой-то ценности или сакрального смысла. В одном из эпизодов он отдает проститутке просто так, без какой-либо видимой причины, почти все так редко появляющиеся у него деньги. Однако не все так просто: в другом эпизоде герой, напротив, забирает из сумочки проститутки деньги, хотя, казалось бы, по всем правилам сам должен был ей заплатить. То есть если деньги ничего не значат для него самого, то он не хочет задумываться и о том, что у других людей все существование может быть сконцентрировано вокруг десятифранковой купюры. Таким образом, если герой Стриндберга старается представить себя в качестве нищенствующего монаха, то библейский авторитет героя Миллера — это «лилия долины», которая не сеет и не жнет. Нет сомнения в том, что в обоих случаях это, прежде всего, литературная поза, желание акцентировать ту или иную роль, которые при сопоставлении с реалиями жизни авторов будут выглядеть некоторой натяжкой. Однако именно это преувеличение, иногда гротескная, иногда трагикомичная эмфаза создают неповторимый стиль этих романов и составляют их художественную привлекательность.

Итак, и у Стриндберга, и у Миллера Париж оправдывает свою славу «великого катализатора страстей, характеров и событий»¹⁸. Их герои

---

¹⁷ *Strindberg, August. Ìin eld är den största. Brev 1858–1912 / Red. Kerstin Dahlbäck. Stockholm, 1999. S. 195.*

¹⁸ Балахонов В. Е. Указ. соч. С. 16.

постоянно движутся: то по лабиринту улочек и бульваров этого города, то вдруг устремляются глотнуть свежего воздуха за его пределами, где-нибудь у моря, (например, поездка стриндберговского героя в Дьепп и героя Миллера в Марсель). Затем они возвращаются. Несомненно, тема одиночества художника в этом городе, которую начал анализировать еще Шарль Бодлер, развивший мотив любви-ненависти к Парижу, весьма рельефно раскрывается у иностранцев Стриндберга и Миллера. У Стриндберга особенно четко проявляется лотреамоновский образ Парижа¹⁹, как некоего надреального, призрачного города, недаром именно в нем он находит мир странных видений и мрачных символов, мир, который в поздний период его творчества останется практически единственной реальностью его драм и прозы. Несмотря на весь свой здоровый эгоизм, извечную бодрость духа Генри Миллер, не склонный к мрачности и меланхолии, а также к пафосу и высокопарности, иногда уходит в рассуждения, в которых именно любовь-ненависть к городу играет основную роль: «Колыбель цивилизации — гниющая выгребная яма мира, склеп, в который вонючие матки сливают окровавленные свертки мяса и костей» (с. 223), и: «Я был совершенно один, и моими единственными друзьями были парижские улицы, которые разговаривали со мной на печальном, горьком языке, состоящем из страдания, тоски, раскаяния, неудач и напрасных усилий» (с. 225).

Так миллеровский тропик через десятилетия пересек стриндберговский «ад», и было бы в высшей мере странно, если бы это произошло где-то в другом месте, а не в Париже.

P. A. Lisovskaya

THE «PARIS» NOVELS BY AUGUST STRINDBERG AND HENRY MILLER

This article is an expanded version of the lecture given at the 30-th International Scientific Conference at the Department of Philology of St.Petersburg State University in March, 2003. The article deals with the perception of Paris by two prominent writers: the Swedish August Strindberg and the American Henry Miller. The comparative study presented is devoted to the two major works by each, which were created and what's more important are set in «the nineteenth century's capital». Novels «Inferno» and «The Tropic of Cancer» are being analyzed in matters of their similarities and differences. Certain parallels are drawn between the two works. Strindberg's influence on Miller is treated as a matter of style and views on a variety of existential aspects touched upon in the novels by both.

¹⁹ Балахонов В. Е. Указ. соч. С. 17.

А. В. Ломагина

РОЛЬ ЦИТАТЫ В СОЗДАНИИ НОВОГО СМЫСЛА В НОВЕЛЛЕ К. БЛИКСЕН «ЭЛОИЗА»

Использование цитаты как элемента художественного текста имеет давние традиции. В разные эпохи роль цитаты в построении художественного произведения менялась от равнозначного с другими смыслообразующего элемента до принципа построения художественного текста, что можно наблюдать во многих произведениях XX в. На протяжении прошлого века роль цитаты в литературе Европы и Америки возрастала. Писатели использовали включения чужих текстов в свои произведения, преследуя разные цели. Так, в 30–40-х гг. цитата приобретает в европейской литературе роль аргумента «в споре с художниками, которые в предшествующие времена пытались решить те же проблемы бытия»¹. Оттенки этого спора варьируют от полного согласия и принятия позиций цитируемого текста до резкой полемики и иронии в отношении его.

В литературоведческой традиции явлению цитаты всегда уделялось большое внимание. Особенно после введения понятий «текста культуры» (Ю. М. Лотман) и «текста жизни» (Р. Барт) цитата и цитация, диалог различных текстов становятся исключительно важными элементами для анализа построения и функционирования литературно-художественного текста как эстетического феномена. В частности, развивающая исследование М. Бахтина интертекстуальная традиция анализа литературы, основанная Ю. Кристевой, ориентирована в основном на анализ интертекста, который возникает на пересечении множества претекстов.

---

¹ Березина А. Г. Соображения о роли цитаты в европейском романе 30–40-х годов XX века // Философские и эстетические традиции в зарубежных литературах: Зарубежная литература. Проблемы метода. СПб., 1995. Вып. 4. С. 105–117.

В результате понятие цитаты расширилось и представляет собой в литературоведческом понимании скрытую (или явную) «отсылку к другому произведению литературы или искусства, к личности или событию».²

Таким образом, цитатой можно считать практически любой элемент литературного произведения (слово, группу слов, стихотворный размер, заглавие, фонемный ряд), который в данной ситуации осознается как принадлежащий одновременно и авторскому тексту, и чужому, где этот элемент изначально был взят. Основной функцией цитаты является обогащение авторского текста за счет диалога с претекстом. Таким образом, рассматривая явление цитации на примере новеллы К. Бликсен «Элоиза», приходится уделять внимание разным элементам текста в тексте: аллюзиям, реминисценциям и буквальным воспроизведениям фрагмента одного текста в другом.

Приращение и углубление смысла художественного текста происходит в сознании читателя. В случае, если цитата не имеет атрибуции в тексте, большую роль играет осведомленность читателя. Между автором и читателем возникают отношения игры, когда читателю приходится расшифровывать смысл, закодированный в тексте. Подобные отношения характерны в целом для европейской литературы 30–40-х гг.

Однако в датской литературе этого периода господствуют другие тенденции. Они определяются предпочтением реалистической картины мира. Большинство писателей в это время критикуют действительность, делая упор на социальные обстоятельства. Однако и у таких авторов встречаются произведения, где чужие тексты служат для достижения иронического эффекта. Примером такого использования цитат может служить сатирический сборник новел Х. Шерфига, некоторые новеллы К. Сойи.

И все-таки К. Бликсен в использовании цитации скорее предвосхищает последующее развитие литературы в Дании и идет в ногу с развитием европейской литературы, имея в виду Г. Гессе, Ж. П. Сартра и П. Лагерквиста. Причиной «выпадения» из датской литературной традиции стало длительное отсутствие писательницы в Дании (17 лет, проведенных в Кении) и ориентация на европейского и американского читателя. Первый вариант ее новелл и романов всегда писался на английском языке.

Новелла «Элоиза» является пятой новеллой из одиннадцати, составляющих сборник «Зимние сказки» (1942). Эта новелла, как и все

---

² Козицкая Е. А. Смыслообразующая функция цитаты в поэтическом тексте. Тверь, 1999. С. 30.

остальные новеллы этого сборника и большинство новелл К. Бликсен представляют собой пересечение множества текстовых плоскостей. Например, название сборника само по себе отсылает читателя к «Зимней сказке» Шекспира. Для писательницы очень характерна композиция, где элементы текстов предшественников оказываются в основе конфликта. Таким образом, роль цитаты, скрытой или подчеркнута очевидной на лексическом, синтаксическом и других уровнях, становится исключительно важной для интерпретации данной новеллы.

Однако для возникновения такой интерпретации необходимо прочтение текста читателем, который создает свой читательский вариант. Интерпретации творчества К. Бликсен зависят от фоновых знаний читателя. Трактовок может быть много, благодаря тому что большинство элементов из чужих текстов органично вплетены в ткань повествования, скрыты в хитросплетениях сюжета и начинают «работать» только тогда, когда «просвещенный читатель» узнает, откуда они взяты. Тогда смысл новеллы углубляется, конфликты зачастую приобретают новое значение. «Структура неочевидна, пока она не сопоставляется с другой структурой или не нарушается».³

Кроме цитат, заостряющих и объясняющих смысл новеллы, в произведениях писательницы встречаются другие включения, которые даже после установления источника цитаты скорее вводят читателя в заблуждение, запутывая его и наводя на ложный след, поскольку в текстах-источниках отсутствуют какие-либо смысловые параллели с текстом К. Бликсен.

Если попытаться определить тип отношений, возникающих между текстом новеллы и многочисленными текстами-предшественниками, то столкновение с ними производит эффект иронического переосмысления идей и ситуаций, описанных другими авторами. Возникновение полемики между цитируемым текстом и позицией, высказываемой в тексте новеллы, и развенчивание позиций, постулируемых в претекстах, является одним из основных способов создания иронии в новеллистике датской писательницы.

На композиционном уровне в новелле «Элоиза» присутствуют параллели с сюжетом новеллы Г. де Мопассана «Пышка». При сравнении обеих новелл прежде всего бросается в глаза несколько совпадений. События в обеих новеллах происходят во времена Франко-прусской войны, в самом ее начале. Речь идет о 1870 году — наступлении немцев на Францию. Действующие лица обеих новелл — спутники, задержан-

---

³ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.

ные немецкими офицерами в пограничном городке. Среди них в обеих новеллах фигурируют две монахини. Имена главных женских персонажей сходны по звучанию: Элизабет, Элоиза. Задержанных — девять человек. Они приговорены к казни, им всем предъявлено обвинение в шпионаже в пользу Франции. Одна из задержанных женщин получает от молодого немецкого офицера непристойное предложение, приняв которое она может спасти жизнь всех арестованных. Попутчики женщин в обоих случаях участвуют в принятии решения. Как в одной новелле, так и в другой немецкие офицеры в конце концов отпускают задержанных.

Сходство конфликта в обеих новеллах подчеркивает и заостряет различность его разрешения. В то время как в «Пышке» настроения спутников колеблются от патриотического возмущения до страха за свою жизнь, и они в конце концов уговаривают Элизабет Руссе уступить притязаниям немца, а затем обливают ее презрением, выставляя себя в самом невыгодном свете, в «Элоизе» все спутники проявляют героизм. Немецкий офицер предлагает ей прийти нагой за пропуском для арестантов. Элоиза пламенно обращается к нему с просьбой выяснить у ее спутников, согласятся ли они купить свою жизнь в обмен на ее бесчестие. Все ее спутники проявляют готовность идти на смерть, но не допустить ее позора.

Героизм и патриотизм арестованных в новелле «Элоиза» получает новую оценку в конце новеллы, хотя и никак не умаляется. Фредерик Ламонд встречается с Элоизой через семь лет в Париже, где видит ее выступление нагой, танцующей роль богини Дианы в одном из варьете Парижа. Так выясняется, что ей на самом деле ничего не стоило выполнить просьбу офицера, но она предоставила возможность своим спутникам почувствовать себя героями и патриотами. «Поверьте мне, для них самих было бы лучше, чтобы их расстреляли, чем всю жизнь иметь на совести такой грех». ⁴ «Они бы заставили меня сделать то, что требовал немец, если бы он сразу спросил их, а не меня и им пришлось бы самим принимать решение» ⁵. Тем самым она готова была пожертвовать своей жизнью ради того, чтобы другие арестованные не терзались затем муками совести.

Такой сюжетный поворот очень характерен для всей новеллистики писательницы. Внешнее разрешение коллизии в большинстве новелл обогащается в конце раскрытием нового, доселе скрытого событийно-

---

⁴ *Blíxen K. Vinter-eventyr*. København, 1972. S. 91.

⁵ *Ibid.*

го пласта, который представляет все произошедшее в совершенно ином свете. Для главных персонажей, как и для читателя, это всегда бывает откровением. Данный прием заставляет вернуться назад к описанным и, казалось бы, очевидным событиям и все переосмыслить.

Спутниками Пышки в новелле Мопассана являются в основном состоятельные люди — представители буржуазии, родовитых дворян и политиков. Элизабет выбивается из их компании, все чувствуют, что она из низшей среды. Общественная норма предполагает, что у женщины легкого поведения моральный уровень должен быть ниже, чем у других арестованных.

Элоиза, как и Элизабет Руссе, выпадает из общества своих спутников, но ее положение значительно выше, чем у других. В то время как ее имя, полученное в результате брака, относится к древнему французскому дворянскому роду, а ее туалеты, манеры, драгоценности и камеристка свидетельствуют о ее богатстве, другие ее спутники — буржуазного происхождения. Отличаются обе эти женщины от других персонажей и отношением к морали. Они обе по-своему оказываются выше других арестованных. Твердость моральных принципов Элизабет контрастирует с притворным приличием окружающих. А позиция Элоизы в новелле датской писательницы, хоть и проникнута сочувствием к моральным принципам других, но выявляет полное пренебрежение к самой моральной норме, существующей в обществе.

Итак, при сопоставлении новеллы К. Бликсен «Элоиза» с новеллой Г. де Мопассана «Пышка» становятся очевидны множественные совпадения в постановке проблемы и развитии конфликта. Однако имеются и существенные противоречия при сравнении того, каким образом конфликт разрешается. В случае, если читатель «узнает» тот текст, к которому в скрытой форме апеллирует автор, в его сознании происходит обогащение понимания читаемого текста. В то же время возникает дополнительный эффект нарушения предсказуемости, когда известная ситуация развивается по-новому.

Насмешка автора «Пышки» обращена на спутников Элизабет и через них — на общество в целом. Он подробно раскрывает их подлинные мотивы, и каждый типаж за маской благочестия обнаруживает свое лицемерие и двуличие. Женщина легкого поведения оказывается прямодушнее, патриотичнее и добрее их.

Ирония же К. Бликсен направлена на моральные нормы и сам конфликт в целом, который предстает совершенно в другом свете в конце новеллы. Происходит смещение акцентов. Проблема оказывается совсем не в том, что Элоиза получает оскорбительное для себя предложение, а в

том, что другие — носители морали — воспринимают это предложение как оскорбление для нее. Поскольку они находятся в плену этой морали, где поступок, подобный поведению спутников Пышки, порицаем, Элоизе приходится разыграть их, чтобы спасти от мук совести впоследствии.

Одновременно по контрасту с читаемой новеллой и ситуация, описанная Мопассаном, выглядит по-другому сквозь призму иронии К. Бликсен. Как и во многих других случаях обращения писательницы к другим литературным произведениям, подобное столкновение имеет полемический характер. После выяснения всех обстоятельств и мотивов персонажей становится очевидно, что для главных персонажей новеллы Бликсен — Элоизы и Фредерика Ламонда — проблема непристойного предложения немецкого офицера в качестве цены за жизнь выглядит совсем иначе, чем для их попутчиков. «Вы бы могли дать мне спасти свою жизнь ценой выполнения его (офицера. — *А. Л.*) условия и сразу же забыть об этом навсегда. Я хотела бы, чтобы таких, как вы, было бы побольше в этом мире»⁶.

Отношение Элоизы к немецкому офицеру тоже свидетельствует о более сложном чувстве, чем простое презрение к оккупанту: «И все же он был честным и порядочным молодым человеком. Он был в состоянии всем сердцем желать от жизни чего-то одного»⁷. Патетика конфликта тем самым снижается, развенчивается трагизм случая — тот трагизм, который читатель встречает в «Пышке». Таким образом, цитатные включения из новеллы Мопассана оказываются посредником, усиливающим иронию, а сама новелла «Пышка» играет в сознании читателя роль среды, в которой происходит развенчание конфликта.

В случае с новеллой Г. де Мопассана сигналом, включающим механизм ассоциации в сознании читателя, служат множественные сюжетные параллели. Таким сигналом, направляющим читателя к другим двум претекстам, становится заглавие новеллы.

Написание имени главного действующего лица новеллы — французское и полностью совпадает с именем, упомянутым в заглавии романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». Однако Ж.-Ж. Руссо, говоря об отношениях своих персонажей, полемизировал со средневековой любовной историей Абеяра и Элоизы, чья переписка была широко известна в XVIII в. во Франции. Абеяр — богослов, Сен-Пре — философ, а Фредерик в начале новеллы изучает религиозную философию, а в конце — занимается историей философии. В данном случае

---

⁶ *Blixen K. Vinter-eventyr. S. 92.*

⁷ *Ibid.*

речь идет о цитате, восходящей к двум источникам. Если сопоставить схему развития взаимоотношений Элоизы и Фредерика у К. Бликсен с историей реальных любовников XII в. и вымышленных XVIII в., то смысл новеллы К. Бликсен предстает в новом свете. Конфликт, который заостряется благодаря таким ассоциациям, затрагивает отношения между мужчиной и женщиной. Он является одним из центральных для всего творчества писательницы.

И в XII, и в XVIII вв. мужчина является учителем женщины, женщина в большей степени страдает от любовных отношений, попадая в монастырь против своей воли, как Элоиза, или выходя замуж из чувства долга, как Юлия. В новелле К. Бликсен в отношениях между Элоизой и Фредериком женщина побеждает мужчин, выступает в роли учителя мужчины, становится его музой. Таким образом, текст новеллы снова вступает в полемику с текстами-предшественниками.

Особенность конфликта между полами в новелле писательницы заключается еще и в том, что именно женщина является в ней носителем художественного начала. Одна из сюжетных линий новеллы посвящена процессу раскрытия у Фредерика художественного видения и восприятия жизни как произведения искусства. Свое развитие в этом направлении он начинает со знакомства с полотнами старых мастеров в музеях Берлина. Сначала он приходит, чтобы увидеть полотна с изображением святых, затем переходит к мифологическим сюжетам. Автор говорит, что среди полотен Фредерик ощущает себя счастливым. Потом он встречает Элоизу, и ее совершенная красота переносит в жизнь дух искусства. Для него она — сошедшая с полотна богиня, которая меняет вокруг себя людей.

Кроме Фредерика, который благодаря Элоизе получил вдохновение и новое отношение к жизни, изменения постигли и старого пастора. Его навсегда покидает страх, и он отправляется на фронт, где проявляет чудеса храбрости. Однако основное противостояние, иллюстрирующее конфликт между полами, возникает между немецким офицером и Элоизой в сцене допроса. Молодой немец и Элоиза похожи как брат и сестра, в его облике, как и во внешности молодой женщины, тоже есть божественное. Если Элоиза выступает в варьете в роли богини Дианы, то молодой человек становится подобным Апполону. Фредерику кажется, что их поединок олицетворяет давнюю национальную вражду, но потом он предполагает, что это более давняя история.

В тексте нет объяснения или намек на то, о каком давнем поединке может идти речь. Тема национальной вражды, несмотря на видимую очевидность, снимается в конце заявлением Элоизы, в котором в отно-

шении немецкого офицера нет неприязни. Можно предложить интерпретацию, опирающуюся на реминисценции к любовным историям Абиляра и Элоизы и Сен-Пре и Юлии. Тогда поединок, который читатель вместе с другими персонажами наблюдает, становится своеобразным любовным столкновением мужского и женского начала на божественном уровне, где женщина является триумфатором.

«Пышка» Г. де Мопассана и любовные истории Абиляра и Элоизы и Сен-Пре и Юлии представляют собой основные источники цитат в новелле К. Бликсен «Элоиза». В случае, если «просвещенный» читатель обнаруживает эти внетекстовые связи, заостряются основные конфликты новеллы, снимается непонимание некоторых образов, становится очевидной ирония автора, а источники цитирования предстают в критическом свете.

В «Элоизе» присутствуют другой тип цитат, который выполняет иную функцию. Одним из примеров аллюзий, которые уводят читателя в сторону от основной темы новеллы, является упоминание пьесы Шекспира «Гамлет». Имя одного из персонажей — Фредерик Ламонд. В случае, если читатель не сразу ассоциирует это имя с пьесой Шекспира, в новелле существует подсказка. Друг Фредерика, встретив его в Берлине, «приветствовал его словами из Гамлета: «Lamond, Saa sandt jeg lever!»⁸ («Так поручкой жизнь, Ламонд» — перевод Б. Пастернака). Для читателя это сигнал об использовании аллюзии.

Однако данная аллюзия не «срабатывает» так, как аллюзии к «Пышке» или «Юлии, или Новой Элоизе». У Шекспира Ламонд — нормандский дворянин, который упоминается лишь однажды и никогда не появляется на сцене. Его имя называет Клавдий как того, который рассказывал ему о доблестях Лаэрта. Между Фредериком и проходным персонажем драмы Шекспира нет ничего общего. Это один из ложных следов, который никак не помогает в понимании основных конфликтов новеллы.

С одной стороны, это способ автора показать читателю свою эрудицию. С другой стороны, способ мистификации читателя, который должен постоянно быть начеку, вглядываясь в загадки новеллы. Однако эта аллюзия предполагает наличие возможности новой интерпретации, что важно для художественного мировоззрения писательницы. В ее новеллах, подобно любимым ею сказкам «1001 ночи», заложено начало многих сюжетов, которые остаются неразвитыми в рамках одного повествования, но автор дает понять, что за его границами они реали-

---

⁸ *Blixen K. Vinter-eventyr. S. 79.*

зуются. Таким образом, подобные аллюзии тоже могут восприниматься как намек на возможный новый сюжет и служат достижению эффекта стирания границы между творчеством и действительностью.

Другую функцию выполняют латинские цитаты из молитв, аллюзии к ветхозаветным и евангельским притчам, французская речь в новелле. Среди библейских мотивов в этой новелле присутствуют упоминания о пророчестве Исаии и отречении Петра и праве первородства. Обсуждение пророчества Исаии, в частности, становится формальным поводом к аресту путешественников. А право первородства приходит на ум Фредерику, когда он наблюдает за Элоизой: «Det er sin Førstefødselsret hun hævder».⁹ Эти цитатные элементы новеллы придают дополнительную замысловатость изложению, усиливают ощущение того, что новелла сама постепенно превращается в притчу, и придают крайне современным взглядам автора оттенок вечной истины.

Таким образом, в новелле «Элоиза» встречается несколько типов цитат в зависимости от того, какую роль они играют в создании нового смысла и новой читательской интерпретации. Одни, отсылая к источникам цитирования, объясняют описываемые события и углубляют понимание конфликта. Как правило, при сопоставлении выявляется критическое отношение автора к претексту. Другой тип цитирования вводит читателя, привыкшего к неслучайности совпадений в новеллах К. Бликсен, в замешательство и является элементом авторской игры. В то же время читатель, не желающий раскапывать смысловые пласты новеллы, может прочесть ее, скользя по поверхности, и создать свою интерпретацию без опоры на многочисленные претексты новеллы. Тогда пропадает скрытый смысл, но у читателя остается ощущение недосказанности. И третий тип, обращающийся к мифам и религиозным притчам, возводит события и конфликты новеллы на более высокий уровень притчи.

Тем самым цитатные включения чужих текстов в творчестве К. Бликсен несут в себе потенцию порождения нового смысла, которая актуализируется только при узнавании претекста и столкновении в ходе ассоциации двух текстовых плоскостей.

Высокая степень цитатности новеллистики К. Бликсен имеет принципиальный характер и находит объяснение в художественном мире писательницы, которая в русле модернистских тенденций рассматривает жизнь как произведение искусства, творчество считает равноценным жизни и демонстрирует в своих новеллах, как размывается граница между жизнью и искусством.

---

⁹ *Blixen K. Vinter-eventyr. S. 82.*

CITATER OG DERES ROLLE I OPSTÅEN AF EN NY MENING I «HELOISE» AF K. BLIXEN

Artiklen drøfter problemet om hvordan en citat fungerer i teksten. Som eksempel analyseres en fortælling af Karen Blixen «Heloise». K. Blixens forfatterverden er i stor grad baseret på citater, som tit er hendes måde at bygge sine fortællinger op og samtidig et kunstgreb for at involvere læseren i dialog og samspil. Gennem citater indgår K. Blixens tekst i dialog med citaternes kilde og denne dialog giver læseren mulighed til at interpretere og uddybe novellens indhold paa en hel ny måde. I teksten kan man se tre typer af citater som er opdelt efter deres rolle i udvidelse af meningen i fortællingen.

Den første type af citater er de såkaldte direkte citater, hvor forfatteren citerer ord for ord fra en anden tekst. Disse citater fungerer som et middel til at etablere en forbindelse mellem den aktuelle tekst og den kilde, den er hentet fra. I «Heloise» ses flere eksempler på direkte citater, hvor Blixen citerer fra klassiske litteraturværker som fx Shakespeares «Hamlet» og «Julius Cæsar». Disse citater har en dobbeltrolle: De fungerer både som et middel til at etablere en forbindelse mellem den aktuelle tekst og den kilde, den er hentet fra, og som et middel til at etablere en forbindelse mellem den aktuelle tekst og læseren. Ved at citere fra kendte tekster kan Blixen skabe en følelse af fortid og tradition, og samtidig gøre det lettere for læseren at forstå den aktuelle tekst. Citaterne fungerer også som et middel til at etablere en forbindelse mellem den aktuelle tekst og den kilde, den er hentet fra, og som et middel til at etablere en forbindelse mellem den aktuelle tekst og læseren.

Den anden type af citater er de såkaldte indirekte citater, hvor forfatteren citerer fra en anden tekst, men ikke ord for ord. Disse citater fungerer som et middel til at etablere en forbindelse mellem den aktuelle tekst og den kilde, den er hentet fra, og som et middel til at etablere en forbindelse mellem den aktuelle tekst og læseren. I «Heloise» ses flere eksempler på indirekte citater, hvor Blixen citerer fra klassiske litteraturværker som fx Shakespeares «Hamlet» og «Julius Cæsar». Disse citater har en dobbeltrolle: De fungerer både som et middel til at etablere en forbindelse mellem den aktuelle tekst og den kilde, den er hentet fra, og som et middel til at etablere en forbindelse mellem den aktuelle tekst og læseren.

Den tredje type af citater er de såkaldte parafraiserede citater, hvor forfatteren citerer fra en anden tekst, men ændrer på ordene og sætningerne. Disse citater fungerer som et middel til at etablere en forbindelse mellem den aktuelle tekst og den kilde, den er hentet fra, og som et middel til at etablere en forbindelse mellem den aktuelle tekst og læseren. I «Heloise» ses flere eksempler på parafraiserede citater, hvor Blixen citerer fra klassiske litteraturværker som fx Shakespeares «Hamlet» og «Julius Cæsar». Disse citater har en dobbeltrolle: De fungerer både som et middel til at etablere en forbindelse mellem den aktuelle tekst og den kilde, den er hentet fra, og som et middel til at etablere en forbindelse mellem den aktuelle tekst og læseren.

И. М. Михайлова

О ЗНАЧЕНИИ ВНЕТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ВОСПРИЯТИИ СТИХОТВОРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В 1972 г. на кафедре скандинавской филологии кроме уже существующих отделений датского, шведского и норвежского языков было открыто отделение нидерландского языка — «двоюродного брата» скандинавских. Оно было создано по инициативе В. П. Беркова, незадолго до этого выучившего нидерландский язык для расширения собственного кругозора, и М. И. Стеблин-Каменского, который в то время заведовал кафедрой. После принятия решения об открытии нидерландского отделения на долю Валерия Павловича выпали поиски учебных материалов по этому редкому языку, а также разработка предусмотренных программой кафедры теоретических курсов. В первые годы, до того как на кафедре «выросли» другие квалифицированные нидерландисты, В. П. Берков руководил курсовыми работами, вел семинары по средненидерландскому языку и читал студентам такие курсы, как история нидерландского языка, лексикология, теоретическая грамматика. Под руководством В. П. Беркова три нидерландиста защитили кандидатские диссертации, в том числе искренне благодарный ему автор настоящей статьи.

Наверное, всякому, кто занимался художественным переводом, знакомо чувство разочарования, часто возникающее вскоре после публикации перевода произведения, очень знаменитого на родине его автора, но неизвестного в его новой среде. На языке оригинала это бесспорная, общепризнанная классика, а перевод вызывает лишь слабый отклик. Так бывает и при переводе прозы, но еще более часто — при переводе стихотворных текстов. Как представляется, такое различие связано не только с проблемой принципиальной переводимости прозы и принципиальной непереводимости поэзии, но и с отношением читателя к тексту.

Стихотворный текст, будучи более компактным, интенсивным и эмоциональным, чем прозаический, требует от читателя и более интенсивного чтения: с одной стороны, готовности вчитаться в глубинные слои сложного текста, с другой стороны, открытости его эмоциональному воздействию, желанию примерить его на себя, вступить в резонанс, вложить в текст свой собственный смысл. Читателю переводного стихотворения трудно и вчитываться в то, что стоит за строками, поскольку он далек от среды, их породившей и облекшей ассоциациями, и открыться эмоциональному воздействию, поскольку перевод вызывает естественное недоверие.

Рассмотрим на примере знаменитого стихотворения одного из крупнейших голландских поэтов XX в. М. Нейхофа¹ (1894–1953) «Женщина-мать» (1934), какие пласты внетекстовой информации оказывают влияние на восприятие этого сонета голландским читателем, но остаются незаметны русскому читателю. Надеемся, что изложенные сведения будут способствовать также более глубокому восприятию русских переводов данного стихотворения.²

Первым пластом внетекстовой информации можно считать те отсылки за пределы стихотворного текста, которые имелись в момент его написания: (а) аллюзии, сознательно включенные автором в текст и рассчитанные на то, чтобы читатель их уловил, и (б) семантические связи, в которые поэт вступал интуитивно как человек своего времени и житель своей страны. Этот слой информации переводчик обязан учитывать при переводе.

Вторым большим пластом можно считать ту информацию, которой обрастало стихотворение после его написания: посвященные ему и его автору критические работы (особенно именитых критиков), включение его в популярные хрестоматии по литературе и случаи его цитирования последующими авторами. Этот пласт можно назвать «ореолом славы» стихотворения.

Оба пласта тесно связаны между собой: критические статьи в значительной мере сводятся к описанию первого пласта и, раскрывая все больше и больше аллюзий и связей, давая текст все новые возможные ин-

---

¹ О рекомендации И. Бродского читать Нейхофа см. в его эссе: *Бродский И.* Как читать книгу // Соч. Иосифа Бродского. СПб., 2000. Т. VI. С. 84. Об увлечении И. Бродского этим голландским поэтом см. статью: *Верхейл К.* Иосиф Бродский и Мартинус Нейхоф // *Звезда*. 1997. № 1. С. 184–192.

² Основные русские публикации переводов данного сонета см. в кн.: *Язык и культура*. М., 1999. Вып. 2. С. 349 / Пер. Д. Закса, без соблюдения размера и рифмы; *Нейхоф М.* Перо на бумаге. Стихотворения, поэмы, проза. СПб., 2003. С. 56 / Пер. А. Пурина и И. Михайловой.

терпретации, обогащают первый слой, но одновременно расширяют и второй слой, увеличивая ореол славы. Случаи цитирования (в широком смысле) стихотворения другими поэтами и прозаиками — это: (а) *свидетельство* его известности и значимости; (б) *расширение* того, что мы назвали вторым слоем внетекстовой информации; (в) *углубление* понимания того, что было заложено в тексте первоначально, т. е. первого пласта.

Обратимся к самому стихотворению и приведем его подстрочный перевод:

M. Nijhoff

DE MOEDER DE VROUW

Ik ging naar Bommel om de brug te zien.
Ik zag de nieuwe brug. Twee overzijden
die elkaar vroeger schenen te vermijden,
worden weer bureen. Een minuut of tien
5 dat ik daar lag, in't gras, mijn thee gedronken,
mijn hoofd vol van het landschap wijd en zijd —
laat mij daar midden uit de oneindigheid
een stem vernemen dat mijn oren klonken.
Het was een vrouw. Het schip dat zij bevoer
10 kwam langzaam stroomaf door de brug gevaren.
Zij was alleen aan dek, zij stond bij 't roer,
en wat zij zong hoorde ik dat psalmen waren.
O, dacht ik, o dat daar mijn moeder voer.
Prijs God, zong zij, Zijn hand zal u bewaren.

ЖЕНЩИНА-МАТЬ

Я поехал в Боммел посмотреть на мост.
Я увидел новый мост. Две противоположные стороны,
которые раньше, казалось, избегали друг друга,
становятся снова соседями. Минут десять,
5 что я там пролежал, в траве, выпив чай,
с головой, полной широкого, бескрайнего пейзажа —
и вот прямо из этой бесконечности
я слышу голос, так что зазвенело в ушах.
Это была женщина. Судно, на котором она плыла,
10 медленно приближаясь, проходило вниз по течению под мостом.
Она была на палубе одна, она стояла у руля,
И то, что она пела, я услышал, было псалмами.
О, подумал я, вот бы это плыла моя мама.
«Славьте Бога, — пела она. — Его длань охранит вас».

Стихотворение написано простым, почти примитивным языком, в нем нет ни единого «поэтизма», некоторые предложения даже кажутся просто корявыми (строки 7–8 и 12).³ М. Нейхоф обрисовывает совершенно реалистическую картинку: в том, что в кальвинистской стране Голландии женщина на баркасе распевает псалмы, нет ничего удивительного. Однако что-то в этих строках заставляет предположить, что мост и река важны для автора не как элементы пейзажа, но как метафора. Разумеется, к поискам «двойного дна» в нейхофовских текстах подталкивает и внетекстовая информация о творческом методе Нейхофа в 30-е гг., который принято называть магическим реализмом. Для магического реализма характерно изображение реальности таким образом, что ее можно увидеть и как фотографию действительных событий, причем самых обыденных, и как проекцию на материальный мир некоего магического, мистического содержания⁴.

Если вчитаться в текст с этой точки зрения, то можно обнаружить в нем несколько лексических, грамматических и фонетических элементов, которые показались бы небрежностью автора, если бы М. Нейхоф не славился той дотошностью и скрупулезностью, с которой он оттачивал свои стихи⁵. Так, во 2-й строке словосочетание *twee overzijden* ‘*две противоположные стороны*’ является неоправданным плеоназмом: противоположных сторон по определению всегда две. Правильнее было бы сказать либо *twee oevers* ‘*два берега*’, либо *de overzijden* ‘*противоположные стороны*’. В строке *die elkaar vroeger schenen te vermijden* ‘*которые прежде, казалось, старались избегать друг друга*’ странно употреблены оба глагола: и *vermijden* ‘*можно ли сказать, что берега реки друг друга «избегают»?*’, и особенно *schenen*, выражающий сомнение в правильности высказываемого утверждения, хотя всем известно, что в этом месте мост построен впервые. Еще более удивительно слово *weer* ‘*снова*’ в 4-й строке: ‘*становятся снова соседями*’, хотя мост в этом месте построен впервые. И наконец, трудно предположить, что женщина на палубе могла петь так громко, что от этого «завенело в ушах» у человека на берегу.

³ С. Вестдейк утверждает, что «вульгарный оборот» *Laat mij...*, использованный Нейхофом в 7-й строке, стилистически был бы более уместен в анекдоте. *Vestdijk S. Hedendaags Visantiniisme // Vestdijk S. De Poolse ruiter. 2de druk. Den Haag, 1958. P. 205.*

⁴ *Верхейл К.* Указ. соч. С. 192.

⁵ Об этих «небрежностях» пишет, в частности, крупный голландский литературовед А. Л. Сетеманн в статье: *Sötemann A. L. I. Nijhoffs «De moeder de vrouw» // Sötemann A. L. Over poetica en poëzie. Groningen, 1985. P. 141–152.*

Из грамматических странностей самая разительная — это нарушение правила употребления глагольных времен: появление презенса в окружении имперфекта в 4-й (*worden weer buren*) и 7-й (*laat mij...*) строке. Praesens historicum здесь был бы крайне неестественен.

Нормы, которые господствовали в голландском стихосложении в довоенную пору и которых придерживался Нейхоф, не допускали в стихотворном языке хиатуса. Здесь же мы видим два хиатуса подряд во 2-й и 3-й строке: *twee overzijden* ‘*две противоположные стороны*’ и *die elkaar* ‘*которые друг друга*’.

Неоспоримый и конкретный ключ к расшифровке этих странностей дает Библия, цитаты из которой так любил вплетать в свои стихи Нейхоф. Слова *dat mijn ogen klonken* отсылают к 1-й Книге Царств, гл. 3, ст. 11: «И сказал Господь Самуилу: вот, Я сделаю дело в Израиле, о котором кто услышит, у того зазвонит в обоих ушах». Отсюда следует, что от голоса женщины, стоящей у руля, звонит в ушах не потому, что голос громок, но потому, что он на самом деле исходит от Господа. Отсюда понятен и основной смысл слова *oneindigheid* ‘*бесконечность*’ — речь идет не столько о просторе голландского равнинного пейзажа, сколько о Вселенной, откуда доносится Голос. Тем самым проясняется и мысль о том, что первоначально берега не были отделены друг от друга: исконно мир был един, — и сейчас, в минуту прозрения, вне всяких временных рамок (отсюда употребление презенса), поэт ощущает это единство *потустороннего* и нашего мира. Два следующие один за другим хиатуса во 2-й и 3-й строке голландские литературоведы рассматривают как иконический знак, представляющий на фонетическом уровне соположенность и разделенность двух миров⁶. Разумеется, огромную роль в стихотворении играет многоплановый образ воды — это и реальная река, и Стикс, отделяющий царство мертвых от царства живых, и первичная стихия.

Важно иметь в виду, что весь сборник «Новые стихи», в который вошло данное стихотворение, посвящен памяти матери поэта, умершей незадолго до его опубликования. В поэзии Нейхофа в целом образы матери и ребенка занимают огромное место и в реалистическом плане (в стихах о собственном детстве: чистые переживания и сознание защищенности, религиозное чувство, воспринятое от матери), и особенно в философском, переплетаясь с христианской темой Рождества, с сократовским представлением о творчестве как майевтике, с тезисом о детской сопричастности природной мудрости.

---

⁶ Sötemann A. L. *Over poetica en poëzie*. P. 141–152.

Среди первых внимательных читателей сборника М. Нейхофа «Новые стихи», кто, с одной стороны, помог современникам проникнуть в мистический план его поэзии, а с другой стороны, способствовал росту его славы и привлекательности для читателя, был Симон Вестдейк (1898–1971) — один из крупнейших голландских литераторов XX в., поэт, прозаик и эссеист, а также философ и врач-психиатр, единственный писатель из Нидерландов, чьи сочинения выходили в нашей стране в престижной серии «Мастера современной прозы»⁷. Его обстоятельная, длиной в 40 страниц, статья «Современный византизм» посвящена сборнику «Новые стихи» (куда вошла «Мать-женщина») и написана по свежим следам, в 1935–1940 гг.⁸

Рассуждая о том, что большинство стихов в сборнике Нейхофа имеют характер видений, а способом представления этих видений служит рассказ о простых, обыденных событиях, написанный исключительно простым языком, Вестдейк вспоминает о «раннехристианских веках с их рельефами на саркофагах и мозаиками, с их фресками и иконами»⁹. Характерным для картин, рисуемых Нейхофом, Вестдейк считает их плоскостность, «отсутствие выделения, что существенно, что несущественно». Данная «важнейшая черта стиля (Нейхофа) наводит на мысль о сакральном стиле мозаик первых веков нашей эры, лишенных теней, жестко полихромных, с ровным золотым фоном»¹⁰. Эти изображенные без теней на золотом фоне «чувственно-сверхчувственные фигуры всегда в высшей степени конкретно увидены и в высшей степени абстрактно задуманы»¹¹.

Родство Нейхофа с раннехристианскими авторами Вестдейк усматривает не только в стилистике, но и в представлении о процессе создания текста — это смиренная фиксация того содержания, которое посылается свыше: «Для Нейхофа поэт — это не человек с утонченной и сложной душевной жизнью, которая находит выражение в сложных поэтических формах, а человек с пером в руке — и, если все хорошо, то с “пером на бумаге”, — покорно ожидающий, что же продиктует ему божество»¹². Именно такой момент готовности к восприятию «вести» и представлен в стихотворении «Женщина-мать». Затем Вестдейк идет

⁷ *Вестдейк С.* Пастораль сорок третьего года. Рассказы. М., 1973. («Мастера современной прозы»).

⁸ *Vestdijk S.* Op. cit. P. 183–222.

⁹ *Ibid.* P. 191.

¹⁰ *Ibid.* P. 201.

¹¹ *Ibid.* P. 193.

¹² *Ibid.* P. 192.

еще дальше в глубь веков и рассуждает о том, что понимание Нейхофом творческого процесса родственно сократовскому методу.

Из всех бесчисленных литературоведческих статей, посвященных сборнику «Новые стихи» и, в частности, рассматриваемому стихотворению, мы подробно остановились на анализе С. Вестдейка не только потому, что это важнейший автор, известный даже в России, но и потому, что профессия психиатра и профессиональное внимание к вопросу религии и вопросу страха¹³ объединяет его с одним из самых крупных современных поэтов Рютгером Копландом (род. 1934), написавшим в 1996 г. «Sonetto di risposta», т. е. «ответный сонет» на стихотворение Нейхофа, — явление, в наши дни крайне редкое и знаменательное.

Прежде чем перейти к sonetto di risposta Р. Копланда, приведем некоторые факты, далекие от внелитературной жизни, но важные для восприятия обоих сонетов. Первый мост через реку Ваал близ г. Зальтбоммела, открытый 18 ноября 1933 г., о котором в 1934 г. написал свое стихотворение Нейхоф, через полвека устарел и стал причиной частых транспортных пробок, так что в 1988 г. было принято решение построить на этом же месте совсем другой мост с большей пропускной способностью. Ни одна газетная публикация на эту сугубо транспортную тему не обошлась без цитат из стихотворения Нейхофа, настолько тесна ассоциация между мостом в Боммеле и знаменитым сонетом. Второй мост на том же месте, совершенно иной конструкции, был открыт в 1996 г. Газета «NRC Handelsblad» за 5 января 1996 г. напечатала десять стихотворений крупнейших голландских литераторов, посвященных его открытию¹⁴. Одним из них и был Р. Копланд, который включил потом сонет — единственный во всем его творчестве — в свой следующий сборник¹⁵.

Крайне редкое в современной поэзии явление sonetto di risposta восходит к раннему Возрождению: «В XIII в. у итальянских поэтов был обычай: когда один поэт обращался к другому с посланием в форме сонета, другой отвечал ему сонетом, написанным на те же рифмующие слова»¹⁶.

Приведем стихотворение Р. Копланда полностью:

---

¹³ Блестящий анализ трактата Вестдейка «Будущее религии» (1947) и его диссертации «О сущности страха» (1949) дан в статье А. ван Дантцига: *Dantzig A. van. Vestdijk en de Psychiatrie // Tirade 378. 1999. N 1. G. 74–86.*

¹⁴ *NRC Handelsblad. 1996. 4 jan. P. 16.*

¹⁵ *Kopland R. Tot het ons loslaat. Amsterdam, 1997. P. 16.*

¹⁶ *Гаспаров М. Л. Русские стихи 1890-х — 1925 годов в комментариях. М., 1993. С. 210.*

R. Kopland

DE MOEDER HET WATER

Ik ging naar moeder om haar terug te zien.
Ik zag een vreemde vrouw. Haar blik was wijd en
leeg, als keek zij naar de verre overzijde
van een water, niet naar mij. Ik dacht: misschien
5 — toen ik daar stond op het gazon, pilsje gedronken
in de kantine van het verpleegtehuis, de tijd
ging langzaam in die godvergeten eenzaamheid —
misschien zou 't goed zijn als nu Psalmen klonken.

Het was mijn moeder, het lijfje dat daar roer —
10 loos stond in 't gras, alleen haar dunne haren
bewogen nog een beetje in de wind, als voer
zij over stille waatren naar een oneindig daar en
later, haar God. Er is geen God, maar ik bezwoer
Hem Zijn belofte na te komen, haar te bewaren.

Я поехал к маме, чтобы повидаться с ней.
Я увидел незнакомую женщину. Ее взгляд был широк и
пуст, словно она смотрела на далекую противоположную сторону
реки, не на меня. Я подумал: может быть

5 — пока я там стоял на газоне, выпив пива
в больничной столовой, время
шло медленно в этом забытом Богом одиночестве —
может быть, было бы хорошо, если бы сейчас зазвучали псалмы.

Это была моя мать, это тельце, стоявшее неподвижно
10 в траве, только ее жидкие волосы
слегка шевелились на ветру, словно она плыла
по неподвижным водам к бесконечному *там* и
потом, к се Богу. Бога нет, но я заклинал
Его сдержать Свое обещание и се охранять.

В стихотворении «Мать Вода» звучат те же мотивы, что и в стихотворении «Женщина-мать», но с противоположным знаком: у Нейхофа мать неожиданно «посещает» сына — у Копланда сын запланированно посещает мать, у Нейхофа мать заботится о сыне, у Копланда — сын о матери, у Нейхофа изображено фактическое одиночество на безлюдном берегу, но при этом чувство близости и с матерью, и с «простором» — у Копланда «забытое Богом одиночество» среди многолюдья больничного двора; у Нейхофа — освобождение от страха смерти в момент переживания природы, у Копланда — поиски утешения у людей в белых халатах, у Нейхофа псалмы звучат реально, наяву —

у Копланда это лишь пожелание, у Нейхофа — соединение разъединенного, у Копланда — разъединение того, что было единым. Сонет Копланда — это ожесточенный спор с Нейхофом, возражение против его картины мира.

Примечательно, что именно на этом стихотворении 1996 г. Р. Копланд строит одну из своих самых резких антирелигиозных статей «Поэзия как средство наслаждения: вариации на тему “бог и наслаждение”» (1998)¹⁷.

Пафос статьи Копланда — в том, чтобы высмеять собственную детскую веру в Бога, разобрав по косточкам свое детское религиозное чувство («Для меня бог — это мое детское воспоминание. (...) У меня, как и у Нейхофа, была верующая мать»), высмеять «так называемых любителей поэзии», видящих в поэзии нечто божественное. При этом Копланд высказывает ряд тонких наблюдений о механизме эстетического воздействия. Статья строится на созвучии слов *god* «Бог» (в статье он последовательно пишет это слово со строчной буквы) и *gat* «дыра» из выражения *een gat in de markt* (дословно — ‘дыра в рынке’, т. е. неудовлетворенный спрос): когда человеку хочется «чего-то», чего он не находит в реальном мире, он проецирует это «что-то» на им самим выдуманного бога, который тем самым оказывается не более чем дырой, пустотой. «...Желание освободиться от одиночества, присоединиться к “чему-то” и овладеть “чем-то”, желание “близости” и “связи” с другими... [Песня, которую я в детстве пел на коленях у мамы] давала мне... удовлетворение, как познавательное, так и эмоциональное: омытый наслаждением, я чувствовал: да, это правда, Бог есть, для всех для нас и для меня тоже».

Однако взрослый, свободный и бесстрашный человек, по мнению Копланда, не нуждается в мнимом утешении и должен трезво признать, что «нигде не существует ничего, что лучше бы выражало словами то великое единство, в котором мы живем, чем эволюционная теория. Мы — дети абсолютно безразличной Матери Природы и Отца Времени».

Таким образом, мы видим, что короткое стихотворение 1934 г., изображающее незначительное событие на берегу реки, оказалось настолько ясным и ярким ответом на глобальные философско-психологические вопросы (о смерти и вечности, свободе и вере, страхе и защищенности), что и через 60 лет служит поводом для запальчивого спора на эти

---

¹⁷ *Kopland R. Over poëzie als genotmiddel, variaties op het thema God en genot // Kopland R. Mooi, maar dat is het woord niet. Amsterdam, 1998. P.141–161.*

же темы. Благодаря слою ассоциаций, со временем возникших вокруг сонета Нейхофа, он стал для голландских читателей едва ли не манифестом определенного мироощущения, с которым можно соглашаться или не соглашаться, но которого нельзя не знать.

I. M. Mikhailova

ABOUT THE IMPORTANCE OF EXTRA-TEXTUAL INFORMATION FOR THE RECEPTION OF A POETICAL TEXT

The article dwells upon the importance of extra-textual information for the reception of a poetical text. The sonnet by Martinus Nijhoff (1894–1953) «The Mother the Woman» (1934), one of the most famous Dutch poems of the 20th century, contains a number of strange or illogical lexical, grammatical and phonetic elements which can be understood only if the reader has enough information about Nijhoff's method («magic realism»), philosophy and some biography facts (the first level of extra-textual information). The later celebrity of the poem and its rich associations (the second level of extra-textual information) are also important for the receptor because they have also enriched the content of the text.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ В. П. БЕРКОВА,
1999–2003¹
BIBLIOGRAFI ÖVER V. P. BERKOV'S ARBEIDER,
1999–2003

1. *Введение* в скандинавскую / нидерландскую филологию; Древнескандинавская литература; История норвежского языка; Теоретическая грамматика норвежского языка; Лексикология норвежского языка; География Норвегии (на норвежском языке) // Кафедра скандинавской филологии: Учебные программы. СПб., 1999. С. 7–14, 27–29, 31–33, 69–70.
2. *Загадки* древнеисландской культуры // Литература в зеркале эпохи. СПб., 1999. С. 6–17.
3. *Новое* в норвежском языке // Скандинавская филология = Scandinavica. СПб., 1999. Вып. 6. С. 14–34.
4. *Сага* о Ньяле // Исландские саги. [Новая редакция; пер. с др.-исл.] СПб., 1999. С. 47–370.
5. Э. Р. Кнудсен-Полонская // Скандинавская филология = Scandinavica. СПб., 1999. Вып. 6. С. 11–13.
6. *Aktiv russisk grammatikk*. Oslo, 1999. 134 s.
7. *De tospråklige ordbøkers begrensninger* // Nordiska studier i lexicografi. 4. Rapport från Konferensen om lexicografi i Norden. Esbo 21–24 maj 1997. Helsingfors, 1999. S. 11–15.

---

¹ Составил Б. С. Жаров. — Библиография работ В. П. Беркова 1954–1988 гг. опубликована в кн.: *Библиографический указатель по германскому и общему языкознанию*: Профессор Валерий Павлович Берков / Сост.: А. М. Бушуй, Б. С. Жаров, А. В. Савицкая. Самарканд, 1989. 23 с. — Продолжением ее является библиография работ 1988–1999 гг. в кн.: *Скандинавская филология = Scandinavica*. СПб., 1999. Вып. 6. С. 7–10. — Кроме этого, есть библиография работ 1954–1999 гг. в кн.: *Профессор* Валерий Павлович Берков. СПб., 1999. С. 14–34.

8. *Elvira Knudsen-Polonskaja — et varmt pust fra Norge* // *Ordet*. 1999. N 2. S. 30–32.
9. [Rec.:] *Langslet, Lars Roar*. I kamp for norsk kultur: Riksmålsbevegelsens historie gjennom 100 år. — Oslo, 1999. 447 s. // *Norsk Lingvistisk Tidsskrift*. 2001. Hefte 1. S. 144–147.
10. *Um eðli og sérstöðu orðtengslabóka* // *Íslenskt mál og almenn málfraeði*. (19–20 Árg. 1997/98). 1999. Bls. 243–250 (совместно с Х. Хальдссоном).
11. *Большой словарь крылатых слов русского языка*. М., 2000. 624 с. (совместно с В. М. Мокиенко, С. Г. Шулешковой).
12. *Введение в германскую филологию*. 3-е изд. М., 2000. 319 с. (совместно с М. А. Арсеньевой, С. П. Балашевой, Л. Н. Соловьевой).
13. *Исландский язык* // *Языки мира: Германские языки; Кельтские языки*. М., 2000. С. 170–198.
14. *Норвежский язык* // Там же. С. 300–328.
15. *О словарях XXI века* // *Мир русского слова*. 2000. № 3. С. 65–66.
16. [Рец.:] *Раск Р. К.* Руководство по языку акра / Пер. с датск. СПб., 1999. 132 с. // *Восток*. 2001. № 2. С. 203–204.
17. *Современные германские языки*. 2-е изд. М., 2001. 336 с.
18. *Как мы живем: Пособие по страноведению для изучающих русский язык*. СПб., 2002. 114 с. (совместно с А. В. Берковой, О. В. Берковой).
19. *Русско-английский словарь крылатых слов*. 3-е изд. М., 2002. 300 с. (совместно с И. А. Уолш).
20. [Rec.:] *Berulfsen B., Gundersen D.* Fremmedord blå ordbok. 16. utg. Oslo, 2000. 485 s. // *LexicoNordica*. 2002. N 8. S. 183–188.
21. *Hva vet normenn og russere om hverandre? Betraktninger omkring to språk og kulturer* // *P2-Akademiet W, NRK-Fakta* 2002. S. 165–174.
22. *Současné germánské jazyky*. Praha, 2002. 324 s.
23. *Белое пятно скандинавистики (Фарерские острова)* // *Philologica Scandinavica: Сб. ст. к 100-летию со дня рожд. М. И. Стеблин-Каменского*. СПб., 2003. С. 11–27.
24. [Главный редактор и автор многих материалов:] *Stor norsk-russisk ordbok* = *Большой норвежско-русский словарь*. Oslo, 2003. 1605 s.
25. *Из наблюдений над изменениями в современных европейских языках* // *Современные языковые процессы: Межвуз. сб.* СПб., 2003. С. 3–22.
26. *Как мы живем: Пособие по страноведению для изучающих русский язык*. 2-е изд. СПб., 2003. 114 с. (совместно с А. В. Берковой, О. В. Берковой).

СОДЕРЖАНИЕ

Б. С. Жаров К 75-летию Валерия Павловича Беркова	5
В. П. Берков Двуязычная лексикография и реальность (Прозаические соображения по выходе Большого норвежско-русского словаря)	9
Е. А. Гурова К вопросу о словообразовательном статусе элемента -fri	20
Б. С. Жаров Первая русская грамматика исландского языка Стефана Сабинина (1849)	26
Е. Л. Жильцова Средства выделения ремы предложения в шведском языке	35
О. А. Комарова Импорт слов из английского языка и Скандинавия	46
Е. В. Краснова Частотные элементы сложных слов в современном датском языке	53
Э. Б. Крылова Коммуникативная семантика датских вопросительных предложений	62
Ю. К. Кузьменко Скандинавский умлаут > саамская метафония > шведско-норвежское выравнивание (tilljämning)	77
А. Н. Ливанова О значении конструкции «отрицание + прилагательное в слабой форме + существительное с суффиксированным артиклем» в норвежском языке	89
И. В. Матыцина Основные тенденции развития шведского языка во второй половине XX века	102
И. А. Мирецкий О лексико-семантических группах фазовых и фазово-бытийных глаголов (На материале датского языка)	110
А. В. Савицкая Словообразовательная активность суффикса -age в современном шведском языке	120
Е. М. Чекалина Новая шведская лексика в зеркале общественных процессов	129

Т. Л. Шенявская	
У истоков исландской лексикографии	139
И. П. Куррянова	
Трагедия Й. Х. Весселя «Любовь без чулок»	153
П. А. Лисовская	
«Парижские» романы Августа Стриндберга и Генри Миллера	161
А. В. Ломагина	
Роль цитаты в создании нового смысла в новелле К. Бликсен «Элоиза»	176
И. М. Михайлова	
О значении внетекстовой информации при восприятии стихотворного произведения	186
Библиография работ В. П. Беркова, 1999–2003	
Bibliografi over V. P. Berkovs arbeider, 1999–2003	196

Научное издание
Скандинавская филология
Scandinavica
Вып. 7

Межвузовский сборник
К 75-летию Валерия Павловича Беркова

Ответственный за выпуск *О. С. Капполь*

Редактор *В. С. Кизило*

Корректор *И. А. Шабранская*

Верстка *С. В. Кузнецова*

Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 01.07.2004.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 25. Тираж 150. Заказ № 242.

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11.